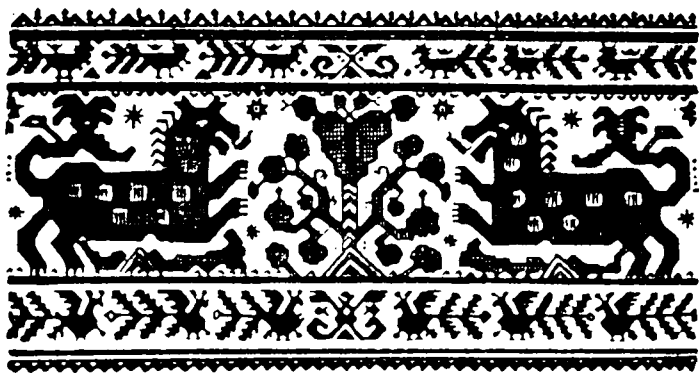

II КР

2912

02

Сказки
и песни
Вологодской
области

СКАЗКИ И ПЕСНИ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

И 291044
11

ОБЛАСТНАЯ КНИЖНАЯ РЕДАКЦИЯ

Вологда — 1955

Составители:

С. И. МИНЦ и Н. И. САВУШКИНА

Под редакцией

Э. В. ПОМЕРАНЦЕВОЙ и С. В. ВИКУЛОВА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая вниманию читателей книга «Песни и сказки Вологодской области» состоит из произведений народного устно-поэтического творчества, записанных с 1918 по 1954 годы в ряде районов Вологодской области.

Вологодское народное устно-поэтическое и музыкальное творчество своим богатством и многообразием издавна привлекало к себе внимание собирателей и исследователей народного искусства, писателей и музыкантов.

Благодаря большой собирательской работе, которая была проведена в дореволюционное время в Вологодской губернии, можно составить себе достаточно отчётливое представление о богатой вологодской народной поэтической и музыкальной традиции.

Составители настоящего сборника, включающего в себя послереволюционные записи устно-поэтических произведений, бытующих в Вологодской области, поставили себе целью показать, какие песни и сказки живут в настоящее время в вологодском народном репертуаре, и познакомить читателей с лучшими их образцами.

Вологодские певцы и сказочники донесли до нашего времени великое искусство слова, которое создал в далёком прошлом русский народ, раскрыв в нём с предельной выразительностью свой национальный характер. Несомненно огромное историческое и эстетическое значение этого традиционного наследия, бережно сохраняемого народом. Велико его воспитательное значение, так как народное устно-поэтическое творчество не только отражает действительность, но наряду с литературой воздействует на неё, утверждая определённые нравственные идеалы, будя мечту и фантазию народа, воспитывая его эстетический вкус.

В наши дни выразителем дум и чувств народа в первую очередь является советская литература. Однако это не значит, что народное устно-поэтическое искусство умерло или

обречено на умирание. Оно качественно изменилось, так как порождено новой действительностью, соотношение жанров в нём иное, чем в дореволюционном фольклоре; другие жанры, темы, образы стали в нём ведущими, так, почти исчезли былины и причёты, утеряли свои обрядовые функции свадебные и календарные песни, забыты многие рекрутские и семейные песни, уступившие место частушкам и массовым советским песням.

И всё же рядом с песнями советских композиторов и поэтов, рядом со злободневными колхозными частушками звучит и старинная проголосная песня, волнующая красотой своего напева и поэтическим мастерством, своим общечеловеческим содержанием. Старинные песни звучат на современных свадьбах, семейных и колхозных праздниках, звучат на улице, в домах колхозников, в клубе, являются неотъемлемой частью репертуара местных хоровых коллективов. Живёт и традиционная сказка, которую, благодаря её занимательности, жизненному оптимизму и поэтичности, охотно слушают не только дети, но и многие взрослые.

В вологодских колхозах нередко можно услышать и некоторые исторические песни о победах русских войск, о знаменитых полководцах и прославленных героях.

Отдельные мотивы древних былин как бы возрождаются в песнях-балладах, широко бытующих в народном репертуаре.

Рассказывая о тяжёлом, безрадостном прошлом, пожилые женщины вспоминали и поэтические свадебные причёты, которые ушли из обихода современной деревни, так как исчезли те предпосылки, которые в течение веков способствовали их бытованию. В советское время в Вологодской области был ещё записан такой русский похоронный обряд, как проводы покойника за «забыть-реку» и связанный с ним необычайно поэтический уникальный причёт вдовы.

Это традиционное искусство народного художественного слова не лежит под спудом мёртвым капиталом, а активно живёт в народном быту, трансформируясь, постоянно меняясь и переосмысляясь творцами и носителями фольклора.

Коллективное устно-поэтическое творчество живёт рядом с профессиональной и самодеятельной литературой в постоянном творческом взаимодействии.

Народное искусство слова радует нас богатством своих образов, глубиной обобщений, поэтичностью, жизнеутверждающим оптимизмом.

В основу сборника легли материалы, записанные студентами МГУ в 1953—1954 гг. в Вологодской области, и материалы Сектора Народного Творчества Государственного Литературного Музея, в архиве которого хранятся записи экспедиций и отдельных собирателей, работавших в Вологодской области в советское время. Кроме того, в сборнике представлены отдельные записи из собрания Вологодского Краеведческого Музея, Вологодского Областного Архива, Института Литературы Академии Наук СССР.

Последние по времени материалы, представленные в данном сборнике, собраны экспедициями кафедры фольклора МГУ, работавшими под руководством аспиранта этой кафедры Н. И. Савушкиной в Вологодской области в 1953—1954 гг.

В экспедициях приняли участие аспирантки Л. Землянова и Л. Шведова, студенты Л. Бутелькина, Е. Попова, Ю. Смирнов, В. Шершавицкая, И. Фетисов, А. Филатов, А. Фролов и научная сотрудница Института им. Горького АН СССР А. Чавтараева. В экспедициях МГУ принимали также участие студенты Московской Государственной Консерватории и Государственного Музыкального педагогического института им. Гнесиных. К сожалению, в настоящем издании не представилось возможности опубликовать сделанные ими музыкальные записи.

Желая сделать сборник более доступным для широких кругов читателей, составители оставляют фонетические и морфологические особенности вологодского диалекта только в тех случаях, когда это необходимо для сохранения художественной ткани произведения.

Составители надеются, что, напомнив о тех поэтических богатствах, которые живут в устном репертуаре вологодских колхозников, сборник мобилизует на дело собирания фольклора Вологодской области краеведов, учителей, студентов, работников печати, библиотекарей, избачей.

Планомерное систематическое собирание фольклора возможно только при участии в этом большом и ответственном труде местных работников, имеющих возможность вести повседневные наблюдения и записи.

Составители хотели бы также, чтобы их книга дала возможность многочисленным самостоятельным коллективам Вологодской области опереться в их творческой работе на богатую национальную и местную поэтическую традицию.

НАРОДНОЕ УСТНОЕ ПОЭТИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Внимание исследователей и собирателей к народному поэтическому творчеству вологжан было проявлением давнего интереса к истории, искусству и быту русского европейского севера, в географических пределах которого Вологодская область ныне занимает очень значительное место.

Архивы и библиотеки древних монастырей, сокровища деревянного зодчества и русской живописи, знаменитые вологодские кружевные изделия, устюжская чернь, равно как и богатство и художественное совершенство поэтической и музыкальной, певческой традиции издавна привлекали в вологодские края историков и искусствоведов, художников и музыкантов, фольклористов и этнографов.

Уже Н. И. Надеждин, издатель журнала «Телескоп», известный критик, журналист и этнограф, высланный в 1836 году в уездный городок Усть-Сысольск Вологодской губернии, в статье «Вологодская губерния», помещённой в «Энциклопедическом лексиконе» (1836, т. XII), отмечает исключительную сохранность народного поэтического наследия среди местного населения: «... в Вологодской губернии, в отдалённых её уездах... больше находится остатков русской самобытной народности, чем даже вокруг Москвы. Здесь сохраняются до сих пор во всей чистоте древние предания, поверья, обычаи, забавы, игрища; особенно в Устюге, кажется, живёшь ещё в блаженные времена русских сказок»¹⁾.

Необходимость местного, областного изучения произведений народного поэтического творчества была ясна для

¹⁾ «Энциклопедический лексикон», т. XII, цит. по изданию 1838 года, стр. 616.

собирателей и исследователей фольклора 30—40-х годов. Так, например, в 1837 году И. П. Сахаров указывает на то, что «русские песни требуют самого отчётливого издания, замечаний, выведенных из действительной нашей жизни, соображения местностей, где являются разноречия... Песни Псковские совершенно не походят по духу и составу на Новгородские, а Новгородские — на Московские... Все эти разности требуют своих указателей, местных выводов, объяснений областных наречий»¹⁾. Сам И. П. Сахаров и в «Сказаниях русского народа», и в «Песнях русского народа» охотно указывает на местные разновидности народных обычаев, обрядов, местные варианты поэтических текстов. В «Сказаниях русского народа» (1837 г.) приводится подробная, с текстами песен и причётов, запись свадебного обряда Вологодской губернии, в «Песнях русского народа» (1837—1839 гг.) сообщается об играх Яренского уезда Вологодской губернии, об обычаях, связанных с празднованием «Поляны» в Вологде.

✓ Заслуга первой научной публикации народных песен Вологодской губернии принадлежит учителю и литератору Ф. Д. Студитскому, издавшему в 1841 году сборник «Народные песни Вологодской и Олонецкой губерний», содержащий в себе материалы, записанные самим составителем. Ф. Д. Студитский²⁾ — верный последователь В. Г. Белинского как в своей просветительской, общественно-педагогической деятельности, так и в своих взглядах на народное творчество и в методах собирательской работы. В том же году, до выпуска в свет своего сборника, Ф. Д. Студитский направляет в редакцию «Отечественных записок» пять песен с письмом, в котором указывает, что «все песни... записаны им со слов жителей Вологодской и Олонецкой губерний» и сохранены «в таком виде, как их поют». В песнях он находит выражение лучшей стороны народной жизни, свидетельства об исторической жизни народа. С этой точки зрения он и отбирает и комментирует присланные песни, раскрывая в их содержании и понимании народом прогрессивного значения реформ Петра I («Как за реченькой за Нева-

¹⁾ И. П. Сахаров. Сказания русского народа, ч. II, СПб., 1837. Замечания, стр. 184.

²⁾ См. результаты его работы: «Народные песни Вологодской и Олонецкой губерний, собранные Ф. Студитским», СПб., 1841; «Народные песни, собранные в Новгородской губернии Ф. Студитским». СПб., 1874.

гою»), и мрачные картины семейной жизни наших предков («Собирался князь Михайло»), и протест против притеснений и насилий, живущий в душе народа («Как во городе было в Астрахани» и «Загадочная песня»).

В опубликовании собранных материалов Ф. Д. Студитский видит свой патриотический долг. Указывая, что «каждый русский, как истинный сын отечества, не должен скрывать того, что обстоятельства позволили ему собрать», автор письма к редактору «Отечественных записок»¹⁾ имеет несомненно в виду пассивность П. В. Киреевского, против которой выступал неоднократно и В. Г. Белинский.

В заметке о сборнике Студитского Белинский раскрывает своё понимание научной публикации произведений фольклора, отмечает научную добросовестность собирателя, издавшего «вологодские и олонецкие песни безо всяких изменений, сохранив все их народные отличия, что и необходимо в подобных изданиях»²⁾.

✓ В том же 1841 году вологодские песни появляются и на страницах журнала «Москвитянин»: «Песня про френцюз» (ч. II, № 3) и пять свадебных и бытовых песен вместе с другим вариантом песни о Платове (ч. III, № 5). Песни присланы из Вологды профессором истории Н. И. Савваитовым, которого позже, в своих «Путевых записках о Вологде»³⁾, М. П. Погодин характеризует как замечательного собирателя, у которого «столько же собрано для Вологды, сколько у г. Мельникова для Нижнего». По свидетельству Погодина, Савваитов готовил трёхтомный Вологодский сборник, в котором должны были увидеть свет собранные им исторические документы, а также «народные песни, обряды, поверья».

Хотя в своей заметке о вологодских песнях, которой сопровождается публикация «Песни про френцюза» (ч. II, № 3), Н. И. Савваитов и указывает, что «в притчах и поговорках, равно как в пословицах, песнях, сказках и былинах, ярко обрисовывается характер и образ мыслей народа,

¹⁾ «Отеч. записки», 1841, т. XVI. Библиографическая хроника, стр. 55—56. См. Б. И. Богомолов. В. Г. Белинский и вопросы народного творчества, М. 1949. Кандидатская диссертация. Библиотека им. В. И. Ленина.

²⁾ В. Белинский. Народные песни Вологодской и Олонецкой губерний. ПСС, под ред. С. А. Венгерова, т. VI, стр. 353.

³⁾ М. П. Погодин. Путевые записки о Вологде. «Москвитянин», 1842, № 8.

его история, нравы, обыкновения, страсти, словом — весь народ в умственном, религиозном, нравственном и политическом быту», однако и примечания корреспондента «Москвитянина», в отличие от комментариев Ф. Д. Студитского, носят чисто филологический и этнографический характер и совершенно не раскрывают идейного содержания песен. Не способствует этому и самый отбор текстов.

Любопытно, что в своём примечании к пяти вологодским песням, опубликованным в разделе «Изящная словесность» (ч. III, № 5), редактор журнала М. П. Погодин сообщает читателям о своём намерении «в тщетном доселе ожидании драгоценного собрания П. В. Киреевского» предпринять издание народных русских песен «... без всяких лишних притязаний...», «как они есть...», «не мудрствуя лукаво, не забываясь о строгих системах и учёных толкованиях, на кои потребны десятилетия...». «Всякую медлительность в этом деле» редактор «Москвитянина» считает «гражданским преступлением», ибо народные песни он рассматривает, как «светлую часть нашей истории, залог национальности, драгоценный памятник..., перед которым побледнеют все доселе знаменитые Английские, Немецкие, Французские и Итальянские подражания» ¹⁾.

Таким образом, каждый со своих позиций осуждая славянофилов, не публикующих собранных ими материалов народного поэтического творчества, и последователь Белинского, и представитель официальной народности, ратуя за соби́рание и издание народных песен, иллюстрируют общественную и эстетическую ценность народной песни, используя в качестве лучших образцов тексты, записанные в Вологодской области. В № 12 «Москвитянина» за 1841 год ²⁾ опубликованы «Причитания невесты в Вологодской губернии» с примечанием: «Редактор обязан за сообщение этих драгоценных перлов нашей древней народности г. Иваницкому, учителю русской словесности в Вологодской гимназии».

В деле соби́рания вологодского фольклора в эти годы большую роль сыграла местная интеллигенция.

С конца 30-х годов в неофициальной части газеты «Вологодские губернские ведомости» печатаются поверья, обы-

¹⁾ «Москвитянин», 1841, ч. III, № 5, стр. 3—4.

²⁾ Н. И. Иваницкий. Причитания невесты в Вологодской губернии. «Москвитянин», 1841, ч. VI, № 12, стр. 474—489, раздел «Внутренние известия».

чаи, предания, заговоры, загадки, местные слова и выражения, песни и другие фольклорные материалы, направляемые в газету местными краеведами¹⁾.

Вологодская гимназия становится, повидимому, одним из центров исторического, географического и этнографического изучения края. «Местные сведения, — по свидетельству М. П. Погодина, — собираются по собственному распоряжению г. директора, разославшего от Совета гимназии циркуляры и учителям и зрителям. Самые ученики доставляют уже сведения, в образчик коих я получил описание города Никольска»²⁾.

Эти краеведческие интересы, которые развивает в своих воспитанниках Вологодская гимназия, отмечает и С. П. Шевырёв в своей книге «Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь в 1847 году» (М. 1850).

Книга С. П. Шевырёва вводила в свою очередь в широкий литературный обиход вологодские предания, пословицы, образцы народного языка и песни, записанные автором во время его путешествия по Вологодской губернии³⁾.

Журнальные, газетные и другие публикации вологодского фольклора использует, очевидно, А. Терещенко в своей книге «Быт русского народа», приводя образцы вологодского фольклора и описание свадьбы Вологодской губернии⁴⁾.

В эпоху 60—70 годов проявляется исключительный подъём общественного интереса к материальному быту народа и его устно-поэтическому творчеству. В эти годы расцветает собирательская деятельность Географического общества, необычайно оживляется и местное этнографическое и фольклористическое изучение. Всё это отражается на изучении и публикации фольклора Вологодской области.

¹⁾ См. И. К. Степановский. Вологодские губернские ведомости в период 50-летнего их существования. 1838—1888 гг. Указатель статей и заметок, относящихся к Вологодской губернии, помещённых в неофициальной части. Вологда, 1889.

²⁾ М. П. Погодин. Путевые записки о Вологде. «Москвитин», 1842. № 8, стр. 280.

³⁾ С. П. Шевырёв. Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь в 1847 году. М., 1850 (стр. 97—98, 103, 106—108, 111, 113—114, 123—124, 127).

⁴⁾ А. Терещенко. Быт русского народа. 1848. СПб., ч. V, стр. 131—132, ч. VII, стр. 37, 195—224, ч. II, гл. XIII и др.

В этом отношении особенно значительны для своего времени две статьи о вологодском фольклоре, опубликованные в 1864 году в журнале «Современник»: В. Александрова — «Деревенское веселье в Вологодском уезде»¹⁾ и Н. Пр-ского (Н. С. Преображенского) — «Баня, игрище, слушанье»²⁾.

Рассказывая о деревенских посиделках, которые ему пришлось наблюдать в одном из уездов Вологодской губернии, приводя тексты песен (18 номеров) и подробно описывая игру, сопровождающую ту или иную песню, автор статьи интересуется не только самими песнями и характером их исполнения, но и теми живыми процессами, которые совершаются в фольклоре современной ему вологодской деревни и свидетельствуют об изменении «поэтических или песенных вкусов народа». Как закономерное явление Александров отмечает всё усиливающееся влияние города, литературы: городские романсы и стихотворения, заимствованные «из молчановских песенников и даже из стихотворений Пушкина, Лермонгова и Кольцова... начинают проникать и в деревенскую публику — к ужасу блюстителей русской народности». «Городское влияние выводит прежние песни и прежнюю живость хоровода», — заключает автор статьи, сравнивая описания хороводов у Студитского со своими наблюдениями, сделанными в тех же местах Вологодской губернии.

От крестьянских отличаются игры и песенный репертуар дворовых, перенявших манеры господ.

Вместе с тем в своём этнографическом описании Александров подчёркивает классовую природу той среды, в которой бытует песня. Богатство или бедность определяют и наряд девушки, и длительность веселья, и место на посиделках.

В статье «Вологодская свадьба»³⁾, написанной в той же манере художественного очерка из современной жизни с текстами свадебных песен и причётов, записанных в Вологодском уезде в 1861 году, Александров снова указывает на изменяемость народных песен и народного песенного

¹⁾ В. Александров. Деревенское веселье в Вологодском уезде. Этнографические материалы. «Современник», СПб., 1864, июль.

²⁾ Н. Пр-ский. Баня, игрище, слушанье. «Современник», 1864, октябрь.

³⁾ В. Александров. Вологодская свадьба. «Библиотека для чтения», 1863, май и июнь.

репертуара в целом¹⁾). Призывая спешить собрать «старинные народные создания», Александров отмечает, что сравнение записей разного времени даёт возможность «судить о характере и духе народа и его нравственном направлении» (стр. 4).

Статья Н. Пр-ского «Баня, игрище, слушанье», в которой даётся описание святочных игрищ, «кудес» в селе Никольском Кадниковского уезда Вологодской губернии, близка к статьям В. Александрова и своим очерковым характером, и желанием показать быт, нравы, культурный уровень народа отражёнными в его обычаях и поэтическом творчестве. Автор статьи подчёркивает, что, правдиво описывая святочные игрища «дальнего захолустья» Вологодской губернии в 1859 году с их полнокровным, но грубым весельем, откровенным эротизмом, примитивно неприличным остроумием, — он делает это «не для забавы, не для потехи», а с расчётом, что «серьёзная дума не откажется коснуться наших несерьёзных очерков: кто хочет знать народ, видеть его во всех положениях, тот даже не улыбнётся над нашими очерками; кто дорожит всякими сведениями о народе, тот и здесь найдёт малую лепту их» (стр. 500). Таким образом, видно, что вологодский корреспондент «Современника», выдающий себя за коренного бурсака («бурсак — корень»), племянника пономаря села Никольского, в своём стремлении передать «факты в том виде, как они представляются наблюдению», в характере и методах своих фольклористических записей является несомненным последователем революционных демократов. Его не пугают и тёмные стороны народной жизни, раскрывшиеся в его этнографическом описании. «Чем же объяснить некоторые явления, которые мы представляем? ... Думаем, что они не больше как следствие природной весёлости, склонности к шуткам, к комическому, — и что если эти шутки выходят порою очень грубы и довольно грязны, то это зависит от неразвитости. Коснётся развитие этих людей, и они будут выводить кудеса, но не такие, какие выводят теперь...» (стр. 501).

Эти публикации вологодского фольклора на страницах

¹⁾ «Большая часть народных песен Вологодской губернии, изданных в 1841 году и собранных Ф. Студитским в той же местности, где я собирал, в 20 лет, забыты крестьянами и заменены другими, отчасти даже стихотворениями известных наших поэтов».

«Современника» служат новым свидетельством того, что в собирании и изучении местного фольклора, как в малой капле воды, отражаются современные большие принципиальные вопросы науки и общественности.

Основные требования методики, выработанной революционными демократами, — изучать все стороны народной жизни, быта и мировоззрения и точно передавать народный текст — легли в основу собирательской работы фольклористов последующих десятилетий. Методы эти сыграли большую роль и в истории собирания вологодского фольклора, наиболее значительным этапом которой в 1880—1890 годы является собирательская деятельность Н. А. Иваницкого.

В собирании и изучении вологодского фольклора очень важным было то обстоятельство, что Вологодская губерния издавна была местом политической ссылки. Это давало краю приток передовой революционной интеллигенции, из рядов которой вышли многие выдающиеся исследователи народной жизни и народного поэтического творчества. В Вологодской губернии, в Тотьме, Никольске, Великом Устюге, жили в ссылке в 60—80-х гг. Н. В. Шелгунов (1864—1869), Г. Н. Потанин (1872—1874), П. Л. Лавров, М. Н. Гернет, Н. А. Иваницкий (1870—1899).

Н. А. Иваницкий — этнограф, ботаник и поэт родился в Вологде в 1845 году, учился в Петербургском университете и в 1870 году за участие в студенческих волнениях был выслан в городок Тотьму Вологодской губернии. Здесь он встречался с Н. В. Шелгуновым, М. Н. Гернетом и П. Л. Лавровым. Значение фольклористической и этнографической работы Н. А. Иваницкого в Вологодской губернии очень велико не только в истории изучения этого края, но и для русской фольклористики в целом. Н. А. Иваницкий — неутомимый собиратель. Начиная с 1883 года, на страницах Вологодских Губернских Ведомостей из номера в номер неизменно публикуются пословицы, загадки, народные эпические («повествовательные»), бытовые, свадебные песни¹⁾. Вологодские статистические сборники в разделах, посвящённых народному творчеству края, публикуют в основном фольклорные материалы, собранные Н. А.

¹⁾ Вологодские губернские ведомости, 1883, №№ 6, 7, 19, 27, 39—43; 1884, №№ 4—8, 26—38.

Иваницким¹⁾. Таким образом записи Н. А. Иваницкого, опубликованные в газете и сборниках, в целом значительно превышают, особенно по разделу песен, количество того, что представлено в его книге «Материалы по этнографии Вологодской губернии».

Если учесть, что значительное количество записей Н. А. Иваницкий передал П. В. Шейну, и они вошли в состав «Великоруса», а А. И. Соболевский в «Великорусских народных песнях» довольно часто ссылается и на Вологодские Губернские Ведомости 80-х годов, и на «Вологодские сборники», как на источники (в ряду других) своих материалов, то выясняется значение вологодских записей Н. А. Иваницкого в деле изучения русского фольклора и ознакомления широких народных масс с русской народной песней.

Комплексный сборник Н. А. Иваницкого «Материалы по этнографии Вологодской губернии», вышедший в 1890 году в «Известиях Императорского Общества Любителей естествознания, антропологии и этнографии»²⁾, явился первым крупным этнографическим трудом, посвящённым русскому населению Вологодского края. Вместе с тем в сборнике были впервые в большом количестве представлены сказки и заговоры, записанные в Вологодском крае.

К текстам песен Н. А. Иваницкий даёт в приложении напевы, записанные М. М. Куклиным и отредактированные Ю. Н. Мельгуновым.

Первую половину книги составляет обширный этнографический очерк края, в который органически входят пословицы и поговорки, приметы, обрядовые песни, былички,

¹⁾ Статистический сборник под редакцией Н. А. Полиевктова, т. III. Вологда, 1883, стр. 229 (1019 пословиц); стр. 283 (25 лирических песен); стр. 307 (загадки); стр. 313 (повествовательные песни, 20 номеров).

Вологодский сборник, изд. при Вологодском губернском Статистическом Комитете под ред. Н. А. Полиевктова, т. IV. Вологда, 1885, стр. 25—84 (бытовые песни, 75 номеров); стр. 93—123 (бытовые песни, 38 номеров); стр. 165—233 (свадебные песни, 83 номера); стр. 318—411 (игровые, шуточные и любовные песни, 61 номер).

²⁾ Н. А. Иваницкий. Материалы по этнографии Вологодской губ. «Изв. Имп. Общ. Любителей естеств., антропол. и этнографии», г. XIX. Труды Этногр. Отд., т. XI, вып. 1-й. М. 1890. Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России, в. II, под ред. Н. Харузина.

суеверия, данные в их живом бытовании. В этой своей части книга Иваницкого может служить блестящим примером осуществления на практике пожелания Добролюбова, чтобы собиратель не ограничивался лишь внешней точностью при записи фольклорного текста, но передавал бы «всю обстановку, как чисто внешнюю, так и более внутреннюю, нравственную, при которой удалось ему услышать эту песню или сказку»¹⁾).

Вместе с тем автора этнографического исследования о Вологодском крае нельзя нигде упрекнуть в дурном «научном объективизме». На всём протяжении своей работы исследователь не только точно и правдиво описывает, как живёт народ Вологодского края, но взволнованно и ярко изображает, как этому народу живётся. Подчёркивая разницу в быте, одежде, обстановке зажиточного и бедного крестьянства, автор не жалеет красок для подробного изображения ужасающей обстановки, в которой живёт вологодский захудалый крестьянин. «Наконец, что касается питания, то... пища их не находится в разладе с обстановкой и гармония между ними полная» (стр. 4). «Мясная пища — принадлежность людей богатых и случайная у бедных» (стр. 28).

Описывая внешность и телосложение вологодских крестьян, Иваницкий между прочим замечает: «Способность к ожирению не присуща крестьянскому сословию; это понятно: масса физического труда и плохое питание не дадут человеку заплыть жиром» (стр. 10).

Характеризуя отношение крестьян к другим сословиям, Иваницкий приводит соответствующие пословицы и отмечает, что «дворянство и духовенство положительно не пользуются симпатиями трёх остальных сословий, составляющих громадное большинство населения. Дворян боятся, как чиновников, или, по старой памяти, как «господ», духовенству же оказывается полное пренебрежение» (стр. 8). «В народных песнях духовенство фигурирует с весьма непривлекательной стороны» (там же).

Собирательская деятельность Н. А. Иваницкого продолжается и после издания «Материалов». Записанный им

¹⁾ Н. А. Добролюбов. Рецензия на сборник «Народные русские сказки» А. Н. Афанасьева, 1855. ПСС, в шести томах, т. I. Гослитиздат, М—Л. 1934, стр. 432—433.

фольклор встречается на страницах «Живой Старины» в 1890-е годы¹⁾.

В этнографическом и фольклористическом изучении Вологодского края несомненный интерес представляют «Этнографические заметки на пути от г. Никольска до г. Тотьмы» Г. Н. Потанина, явившиеся, очевидно, результатом наблюдений учёного не только при переезде из одного места ссылки в другое, но и за время пребывания в этих местах с 1872 по 1874 год. Так же, как Иваницкий, Потанин тщательно описывает общественное положение крестьянства, его культурный уровень: «Теперь Никольский уезд по положению женщин принадлежал к числу самых отсталых» (вып. 2, стр. 182). «Увеселения здешней крестьянской молодёжи редки и разнообразны», — отмечает Потанин, описывая игры и хороводы под песню, гармонь или балалайку, которые наблюдал он в Тотьме и Никольске²⁾.

В описание быта, нравов и обычаев населения Потанин включает пословицы и поговорки, прозвища и другие образцы народной красочной речи, детский фольклор. Внимание политического ссыльного особенно привлекают произведения народной сатиры³⁾. В деревне Аксеньевой около г. Никольска Потанин записывает песни и «прибаутки», преимущественно шуточные и сатирические: в числе прибауток записаны интересные варианты сказки о Ерше и народной драмы «Голый барин».

Со второй половины XIX века материалы и статьи по этнографии и фольклору Вологодской области публикуются в Известиях Императорского Русского Географического Общества, Общества Любителей естествознания, антропологии и этнографии и в специальных журналах, таких как «Этнографическое Обозрение», «Живая Старина».

Художественное совершенство и сохранность в отдалённых уездах Вологодской губернии обрядов и песен уходящей старины особенно привлекает местных краеведов.

¹⁾ Материалы, собранные Н. А. Иваницким, хранятся в Ленинграде, в архиве Академии Наук и в архиве Русского Географического Общества.

²⁾ Г. Потанин. Этнографические заметки на пути от города Никольска и до города Тотьмы. «Живая Старина», год IX, 1899, вып. 1, стр. 23—60, вып. 2, стр. 167—235.

³⁾ Г. Потанин. Песни и прибаутки в д. Аксеньевой в трёх верстах от г. Никольска. «Живая Старина», год IX, вып. IV.

В 1874 году на заседании Общества Любителей естествознания, антропологии и этнографии действительный его член К. А. Попов в докладе о свадебных песнях и обрядах Вологодской губернии утверждает, что «ни один из наших сборников народных песен не содержит в себе столь замечательных произведений поэзии, как целые гнёзда свадебных песен, причётов и припевов, до сих пор раздающихся в многочисленных захолустьях Вологодской губернии»¹⁾.

Изучению вологодского свадебного обряда и песен посвящены работы местных собирателей А. Балова. Н. Ордина, Ф. Арсеньева, Н. А. Иваницкого, А. А. Шустикова, М. Б. Едемского.

Вторая половина XIX века выделяется ростом научного и общественного интереса к русскому музыкальному фольклору. Творческая и пропагандистская деятельность русских композиторов и музыковедов в области народной песни отражается на самом характере её собирания и публикации. 70—90 годы ознаменованы выходом в свет сборников, в которых русские народные песни предстают как сокровища не только поэтического, но и музыкального творчества русского народа. Значительное место в этих собраниях занимает и вологодская песня. В середине 1870-х годов выходит сборник положенных на ноты народных песен, записанных Ф. Лаговским²⁾, где наряду с песнями других северных губерний помещены и вологодские, записанные весьма тщательно. Ф. Н. Лаговской «строго придерживается действительности», точно обозначает «местность, где поётся каждая из помещённых песен», имена и фамилии певцов, стараясь «точно передать местный выговор и напев»³⁾.

Результатом совместной работы собирателей словесного и музыкального фольклора в Вологодской и смежных с

¹⁾ М. Б. Едемский. Свадьба в Кокшениге Тотемского уезда (Читано в заседании ИРГО 5 декабря 1908 г.). Тут же дана библиография работ по свадьбе Вологодской области.

²⁾ «Народные песни Костромской, Вологодской, Новгородской, Нижегородской и Ярославской губерний, собранные и положенные на ноты учителем пения при Череповецком техническом училище Ф. Лаговским». Вып. I. Песни посиделочные, хороводные и плясовые. Череповец, 1877.

³⁾ Ф. Н. Лаговской. Цит. сборник, вып. I. Предисловие.

нею губерниях явился сборник народных песен Истомина и Ляпунова, 1899¹⁾). Собиратели характеризуют песенный репертуар обследованных местностей, его музыкальную ценность, его место в быту населения. В этом отношении интересно предисловие в сборнике Истомина и Ляпунова, включающем в себя свыше 150 песен Вологодской губернии. Составители отмечают особую, по сравнению с другими губерниями, сохранность в Вологодчине обрядовых и хороводных песен, хотя «в большей части этих песен соответствующие им хороводы... не уцелели, сообщив некоторым из них лишь свои названия»²⁾). Внимание собирателей привлекают и народные термины и выражения, относящиеся к песенному искусству.

Совершенно исключительное значение в истории собирания и публикации вологодского фольклора имеет деятельность Е. Э. Линёвой, талантливой собирательницы и страстной, неутомимой пропагандистки и исследовательницы народной русской песни. В своей новгородской поездке 1901 года, целью которой было изучение особенностей северной русской народной песни, Линёва работала в трёх уездах — Череповецком, Кирилловском и Белозерском — районах нынешней Вологодской области.

Во втором выпуске своего замечательного труда «Великорусские песни в народной гармонизации»³⁾ Линёва даёт не только превосходные образцы русской северной народной песни, записанные от хоров, ансамблей и отдельных талантливых исполнителей в указанных трёх уездах, но и подробно, правдиво изображает «среду, в которой живёт или умирает народная песня», среду, определяющую «самый процесс развития народного творчества», «атмосферу, в которой приходится действовать собирателю»⁴⁾). Собирательница отмечает бедность и неприглядность жизни пореформенной деревни и тягу в город, имеющую «несомненно гибельное влияние... на музыкальное творчество народа». «У нас песни с голоду издохли», — приводит со-

¹⁾ Ф. М. Истомин и С. М. Ляпунов. Песни русского народа, собранные в губерниях Вологодской, Вятской и Костромской в 1893 году. СПб., 1899.

²⁾ Ф. М. Истомин и С. М. Ляпунов. Цит. сборник. Предисловие.

³⁾ Е. Э. Линёва. Великорусские песни в народной гармонизации, в. 1-й. СПб., 1904; в. 2-й. СПб., 1909.

⁴⁾ Е. Линёва. Цит. изд. Предисловие, стр. XXI.

бирательница саркастический ответ одного крестьянина из близкой к городу деревни на вопрос, поют ли у них песни. «Деревня обедняла, земли мало, все её бросили, народ в город ушёл»¹⁾).

Описывает Линёва и свои столкновения с невежественными представителями власти в селе, нередко разгонявшими крестьян, собравшихся для исполнения песен. С мягким юмором рассказывает она о суеверном страхе, который вызывала у некоторых старух «машина» — фонограф.

Однако самое ценное в сборнике Линёвой — это любовное, бережное внимание и большое писательское мастерство, с которым она запечатлела образы самих исполнителей песен. «Живой вереницей встают в памяти моей певцы-импровизаторы, которыми имеет право гордиться наша родина. В рваных кафтанах, в домотканых шароварах, на грязной работе потерявших всякий цвет, часто с нечёсанной бородой и немытыми руками, полусмущённые и полугордые, стоят они, когда молва доводит до них собирателя, и, полные какой-то своеобразной, привлекательной грубости, точно оправдываясь, говорят: «Да что — ведь мы только свои деревенские песни и знаем»²⁾).

Линёва характеризует исполнительскую манеру певцов, образно описывает исполнение отдельных песен в ансамбле или солистами, внимательно прислушивается к критическим высказываниям крестьян об исполнении песен, отмечая у некоторых «критиков» тонкий музыкальный вкус, природное чувство прекрасного и исключительное знание народной песни. Собирательница «схватывала на лету и записывала «драгоценные словечки», которые «многие старухи роняли нередко». Часто меткие замечания песельников наводят её на некоторые мысли об основах народной песни, которые она высказывает в теоретической части своей работы³⁾. Так труд Линёвой, сыгравший такую огромную роль в истории изучения русской народной многоголосной песни, донёс до наших дней живые голоса и образы вологодских песельников⁴⁾.

1) Там же, Предисловие к в. 2-му, стр. XXII.

2) Е. Линёва. Цит. изд. Предисловие, стр. XIV.

3) Там же, стр. XIII.

4) Фонограммзаписи Е. Э. Линёвой, сделанные в Вологодской области, хранятся в Фонограммархиве Академии Наук в Ленинграде. Отдельные песни в расшифровке Е. В. Гиппиуса и Э. В. Эвальд вошли в сборник «Народные песни Вологодской области». Музгиз, 1938.

Знаменательным этапом в истории собирания и изучения народного поэтического творчества (а в частности и вологодского фольклора) явилась книга «Сказки и песни Белозерского края», вышедшая в 1915 году и заключающая в себе материалы, записанные в 1908 и 1909 гг. Б. и Ю. Соколовыми в двух уездах — Белозерском и Кирилловском¹⁾). Основное её содержание составляют 163 сказки, кроме того, дано большое количество эпических (71), обрядовых и лирических песен, частушек, пословиц и поговорок. По своему научному аппарату и во многих других отношениях книга эта остаётся до сих пор образцом научного издания фольклора. Исследовательские статьи сборника, характеризующие белозерскую деревню и её быт, сказочников и их сказки, былинную традицию и местный говор, чрезвычайно показательны вместе с тем не только для научного, но и для общественного лица молодых учёных. Любовь к трудовому крестьянству, живой интерес к народной жизни и глубокое проникновение в психологию народа чувствуются в этих талантливых и увлекательных статьях.

Подобно Г. Н. Потанину, Н. А. Иваницкому, Е. Э. Линёвой, Соколовы не ограничиваются объективным описанием этнографии края, а подробно останавливаются на тяжёлом экономическом положении крестьян. Подлинный демократизм, интерес к жизни народа во всех её проявлениях определяют внимание молодых собирателей не только к глубокой старине, но и к современности. «Жизнь движется вперёд, — пишут они, — важно наблюдать её изменяющийся ход. Поэтому, записывая вековые старинки, традиционные сказки, древние песни, мы одинаково обращали внимание и на новые обряды, новые сказочные формулы, новые песни. В собранном нами материале можно найти выражение новых вкусов, стремлений и надежд современного крестьянства».

Так же, как и для Е. Э. Линёвой, для Соколовых характерно исключительное внимание к творческой личности носителей фольклора. Учитывая огромное значение в фольклоре традиций и начал коллективного творчества, Соколовы в статье «Сказочники и их сказки» ставят вопрос о роли личности в жизни сказки и дают серию ярких характеристик сказочников Белозерья.

¹⁾ «Сказки и песни Белозерского края». Записали Борис и Юрий Соколовы. М. 1915.

В кратком обзоре истории собирания и публикации фольклора Вологодской области нельзя не упомянуть собирательской деятельности М. Б. Едемского¹⁾. Сын крестьянина деревни Кокшеньги Тотемского уезда Вологодской губернии, народный учитель, этнограф и геолог, Едемский с юности и до конца своей жизни (род. в 1870 г., умер в 1933 г.) занимался изучением Вологодского края в геологическом и этнографическом отношениях. Едемский собирал и изучал фольклор преимущественно Тотемского уезда Вологодской области. Ему принадлежит одно из наиболее полных описаний свадьбы в Кокшеньге Тотемского уезда, а также статьи о хороводных и лирических песнях тех же мест с текстами и подробным описанием их исполнения и бытования, записи припевок, местных преданий, поверий, мелких жанров²⁾.

Один из немногих собирателей вологодского фольклора, Едемский тщательно и целеустремлённо собирает и изучает традиционную народную сказку.

В своём докладе о записывании народных сказок (1913)³⁾ Едемский подчёркивает, что для сказки более, чем для песни и других жанров фольклора, нужны «некоторые внешние условия, обеспечивающие если не развитие её, то распространение и сохранение». Отмечая, что старинная народная поэзия всё более и более утрачивается «вместе с переменами в укладе жизни народной», собиратель считает, что нужно искать то, «что сохранилось от старины». В погоне за «старинной сказкой» Едемский сознательно не записывает сказок, которые «и по содержанию и по манере рассказывать... были недостаточно старыми». В своём стремлении найти классическую старинную сказку, собиратель упускает интересный современный материал и хороших

1) Некролог М. Б. Едемского, написанный Н. Ончуковым, опубликован в журн. «Советская Этнография», 1934, № 1—2, стр. 233.

2) М. Б. Едемский. Вечерование и городки в Кокшеньге, Тотемского уезда. «Живая Старина», 1905, вв. 3—4, стр. 459; Его же. Песни в Кокшеньге, Тотемского уезда Вологодской губернии. Там же, стр. 481; Его же. Кокшеньгская старина. СПб., 1906; Его же. Свадьба в Кокшеньге, Тотемского уезда Вологодской губернии. «Живая Старина», год XIX. 1910, в. 1—2, в. 3, в. 4, Загадки в Кокшеньге, Тотемского уезда. «Живая Старина», год XV, 1906, в. 1; Его же. Из кокшеньгских преданий. «Живая Старина», год XIV, 1905, в. 1—2; год XVII, 1908, вв. 1—2; Его же. Припевки в Кокшеньге, Тотемского уезда. «Живая Старина», год XVIII, 1909, в. 1-й, год XIX, 1910, в. 1—2.

3) Архив ГЛМ. Инв. № 1, п. 16.

сказочников, которых он сводит к двум категориям. К первой он относит «стариков и старух, реже молодых, которые... любят старые назидательные сказки и стараются передать их по возможности буквально, без вольностей и добавлений», в которых «чувствуется их преданность эпическому тону»; ко второй — «сказочников-балагуров, не сторонников буквальной передачи сказок, комментирующих её, сравнивающих сказочные эпизоды с событиями окружающей жизни».

СобираТЕЛЬСКАЯ и краеведческая деятельность М. Б. Едемского продолжается и в советское время, вплоть до самой его смерти в 1933 году.

Материалы М. Б. Едемского хранятся частью в Архиве Географического Общества в Ленинграде, частью в Архиве фольклорного сектора Государственного Литературного музея. В настоящем издании мы публикуем избранные песни и сказки, записанные М. Б. Едемским в 1918—1924 гг.

* * *

Краткий обзор основных этапов дореволюционного изучения и публикаций вологодского фольклора свидетельствует о давнем и неизменном интересе русской научной мысли к народно-поэтическому творчеству Вологодской области.

За сто с небольшим лет силами преимущественно местных краеведов собран большой и драгоценный фонд произведений устно-поэтического и музыкального творчества края и сделаны наблюдения над характером бытования, над развитием основных его жанров, а также над их живой связью с условиями жизни и быта крестьян Вологодской области. Собранные материалы и наблюдения собирателей свидетельствуют о высокой поэтической и музыкальной одарённости трудового крестьянства края, о творческом, серьёзном и любовном его отношении к песне, сказке, меткому образному слову.

В устно-поэтическом репертуаре Вологодской дореволюционной деревни значительное место занимает обрядовая, игровая и лирическая песня. Именно в Вологодской области записаны классические образцы русской северной свадьбы, а хороводные игры и святочные игрища («кудеса») дают богатый материал для исследователя народной драмы. Исконная песенная культура края обусловила и высокое качество дореволюционной (а позже и советской) во-

логодской частушки и кадрилиной коротенькой песни. Собрания Иваницкого, Соколовых, Едемского свидетельствуют о том значительном месте, которое занимала в фольклоре области сказка, фантастическая и бытовая.

Перечисленные в нашем обзоре собрания Вологодского народного поэтического творчества вошли в число классических сборников русского фольклора и, таким образом, легли в основу изучения русской народной песни и сказки. Они же, в известной мере, определили и представления широких кругов читателей о характере основных жанров русского народного творчества.

В советское время собрание и изучение областного фольклора становится одной из важных задач исследования народного творчества.

Особенный размах приобретает эта работа в 1930-е годы. Выступление А. М. Горького на первом съезде писателей в 1934 году, начатая по его инициативе подготовка тома «Творчество народов СССР» сыграли большую роль в развёртывании собирательской работы. В эти годы организуется ряд экспедиций в разные области нашей страны, оживляется собирательская работа на местах. Собираателей прежде всего интересуют произведения, отразившие советскую действительность. Кроме того, большое внимание уделяется месту и роли традиционного, классического фольклора в современности. В связи с этим организуются экспедиции «по следам» работы крупнейших собирателей конца XIX — XX веков.

На основе того поистине огромного материала, который был записан, появляется много областных сборников фольклора: «Сказки Саратовской области» (Саратов, 1937), «Сказки Куприянихи» (Воронеж, 1937), «Фольклор Горьковской области» (Горький, 1939), «Ярославский фольклор» (Ярославль, 1938), «Сказки Карельского Беломорья» (Петрозаводск, 1939), «Песни и сказки Воронежской области» (Воронеж, 1940), «Тамбовский фольклор» (Тамбов, 1941) и многие другие.

Естественно, что народно-поэтическое творчество Вологодской области, которая издавна славится высокой песенной культурой, прекрасными музыкальными и поэтическими традициями, также привлекает внимание советских исследователей.

В 1937—1938 годы состоялась экспедиция ИФЛИ и ГЛМ в Кирилловский и Белозерский районы Вологодской области, по следам экспедиции 1907—1908 годов Б. М. и Ю. М. Соколовых. Экспедиция собрала большой и интересный материал, были прослежены изменения в устном репертуаре, часть текстов была записана от тех же мастеров, от которых записывали Соколовы или от их потомков¹⁾).

В том же 1937 году ленинградские фольклористы-музыковеды провели экспедицию по сбору песен Вологодской области. Составленный по материалам экспедиции сборник «Народные песни Вологодской области» (1938) имеет большое значение для изучения областного фольклора. Е. В. Гиппиус в предисловии к сборнику писал: «Основная его задача — показать на областном материале, как отразилось в народном художественном творчестве строительство новой жизни и нового быта колхозной деревни, т. е. показать, с одной стороны, образцы вновь создаваемого советского музыкального фольклора, с другой — наследие народной песни, сохранившееся в современности»²⁾).

В соответствии с этим экспедиция записывала, главным образом, живые распевы, показывающие даже старую песню в её современной, широко бытующей интонации. Гиппиус указывает, что профиль областного сборника ставит перед его составителями основное требование: при отборе материала учитывать прежде всего характерность данной песни для областного репертуара, как с поэтической, так и с музыкальной стороны. Поэтому при отборе песен необходимо решать каждый раз, насколько её распев передаёт стилистические особенности художественной традиции местных певцов.

Особенно интересно, что ленинградская экспедиция 1937 года записывала песни от хора села Щетинского Мяксинского района, от участников олимпиады А. И. Беловой, М. Д. Люшиной и др., с которыми впоследствии вели работу члены экспедиции МГУ в 1953 году.

В последние годы собирание и изучение песенного фольклора Вологодской области проводили московские собиратели В. М. Боков и А. С. Абрамский совместно с областным Домом народного творчества. Они записали в раз-

¹⁾ Часть этих материалов погибла во время войны, часть хранится в ГЛМ и использована в настоящем сборнике.

²⁾ «Народные песни Вологодской области», Музгиз, 1938, стр. III.

личных районах области значительное количество песен и частушек с напевами, работали с народными хорами.

В 1950—1951 годах собирательскую работу в Вологодской области проводили экспедиции Института Литературы АН СССР и Педагогического института им. Герцена. Ими записано большое количество частушек, песен, рассказов о героях труда¹⁾.

В 1952 году Вологодским областным издательством был выпущен сборник частушек, составленный поэтом С. В. Викуловым, из материалов, присланных в издательство в 1950/51 году. За это время в издательство поступило более 60 рукописей из 22 районов области от работников колхозных клубов и изб-читален, от учителей и учащихся школ и техникумов, рабочих и колхозников, домашних хозяек. В предисловии к сборнику указывается, что «издание настоящего сборника частушек явится началом большой и нужной работы по собиранию и обнародованию фольклора, бытующего в нашей области».

В 1953/54 году экспедиции, организованные кафедрой фольклора МГУ, вели работу в колхозах западной и юго-западной части Вологодской области, в Чёбсарском, Мяксинском, Пришекснинском, Грязовецком районах. Целью экспедиций была запись лучших, жизнеспособных образцов современного и традиционного устно-поэтического творчества колхозников и наблюдения над его бытованием.

Участниками экспедиции МГУ было записано около трёх тысяч частушек, более двухсот песен, семьдесят сказок, кроме того, — загадки, пословицы, поговорки, песенные репертуары, рассказы.

Основными жанрами фольклора, активно бытующими и творчески развивающимися в современности, являются частушка и песня.

Для Вологодской области характерно чрезвычайное распространение частушки. Частушка широко бытовала наряду с протяжной песней и в дореволюционное время. Об этом говорят старые и пожилые женщины, которые наряду со старинными песнями помнят много частушек.

Старинные частушки по содержанию, манере и времени исполнения приурочивались к различным праздникам и развлечениям молодёжи. М. Е. Кулакова (колхоз «Авро-

¹⁾ Часть материалов вошла в настоящий сборник, характеристику их см. в статье П. Ширяевой «Советское народное творчество». Газета «Красный Север» 9/VI 1951 г.

ра» Грязовецкого района) вспоминала частушки качульные, масленичные. Частушка же послужила основой кадрилильных песен, распространённых в конце XIX — начале XX веков. Частушки пелись на старинных «супрядках», беседах и посиделках. «Песни длинные и в молодости пели мы мало, всё короткие, балаболки. На посиделках всё заставляли меня запевать. Запою протяжно, звонким голосом, с вытяжкой, а все подхватят. Теперешние не умеют петь. Когда только пляшут, а сидят — молчат. А раньше и сидели — пели. С прялками, с кружевами ходили, сидели да пели», — вспоминает А. П. Воронова 77 лет (д. Косарово, колхоз «Ударник» Грязовецкого района).

В результате такой богатой традиции мы видим чрезвычайно высокую культуру вологодской частушки, прекрасно разработанную поэтику, связанную с поэтической протяжной песней. Характерны для Вологодского края тематические подборки частушек в кадрили.

Разнообразна жизнь частушки в наши дни. Частушка создаётся и бытует преимущественно в среде молодёжи, хотя её знают и поют все, от мала до велика: маленькие шести-семилетние девчушки и старухи.

В репертуаре молодёжи основной массив составляет любовная частушка. В лучших любовных частушках с большим поэтическим мастерством, образно и ярко раскрывается богатый духовный мир нашей молодёжи, её моральный облик.

Любовная частушка не оторвана от частушек другой тематики, в ней самой часто звучат общественные мотивы; вся любовная частушка решает важные вопросы морали: верность в любви, осуждение «измены» и др.

Частушку можно услышать везде, она тесно связана с трудом и отдыхом молодёжи. На уличных гуляньях девушки, взявшись под руки, группами прогуливаются по деревне и как бы перекликаются, перебрасываются частушками. «Когда идём на гулянье, одна одну и погоняет песней», рассказывают девушки из Сизьмы. Зимой на посиделках, летом в клубе частушки исполняются и во время пляски. Обычно пляшут две девушки или два парня, иногда две или даже четыре пары. Пляска эта с исполнением частушек, напоминающая фигурами кадрили, в Мясинском районе называется «ленчик», в Чёбсарском — «зайчик» или «сударушка». Обычно, пропев первые две строки частушки, исполнительница отбивает ногами восемь тактов,

а затем, обращаясь к слушателям, допевает две оставшиеся строчки.

Очень своеобразно исполнение частушки под «язык», которое мы услышали в Сизьме. Одна из девушек поёт мелодию, а другая аккомпанирует ей «на языке» затейливым мотивом, подражающим инструментальному сопровождению: «тина-тина-тир-лир-лина»...

По этому поводу сложена частушка:

У подруженьки жакеточка
Обшита котиком.
За игру тебе спасибо,
Поиграла ротиком!..

Зимой частушки поются также за плетением кружев, и тут они звучат задумчиво и протяжно.

Разнообразная обстановка и условия исполнения породили и закрепили различную ритмическую структуру частушки. Сами исполнители отмечают, что «частушки поют и на работе, и на гулянье. Только на работе частушки поют громко так, протяжно, а на гулянье те же частушки поют по-другому».

Довольно часто наблюдается также изменение и самой мелодии частушки, в зависимости от её содержания и обстановки исполнения.

Частушка с общественным содержанием, как правило, создаётся и широко бытует в передовых колхозах, где неуклонно растёт общественное хозяйство, повышается благосостояние колхозников; её жизнь связана с активностью, заинтересованностью колхозников в общем деле, с их стремлением исправить недостатки.

Большое влияние на создание частушки с общественным содержанием оказывает постановка культурной работы в колхозе, работа клуба. Обычно коллективами самодеятельности практикуется сочинение частушек и выступление с ними на сцене в дни праздников. Лучшие из этих частушек затем подхватываются колхозниками и распеваются в деревне, в районе.

При плохо поставленной культмассовой работе на убыль идёт и творчество частушек на колхозные темы. Доярки колхоза «Аврора», в ответ на нашу просьбу спеть частушки про свой колхоз, рассказали нам: «Как колхозы стали, сколько про «Аврору» было песен! Сейчас — ничего нет,

никаких кружков. Вот и про колхоз не поют, теперь поём кое-где, да и домой».

То же самое мы слышали и в колхозе «Ударник».

Исключительно важная в наши дни сила критики и самокритики реализуется в частушках, остро и горячо говорящих о недостатках в колхозе.

Итак, частушка является наиболее творческим жанром фольклора в современной вологодской колхозной деревне. Лучшие образцы частушек говорят о большом мастерстве их творцов. Безусловно, в огромном бытовом частушечном репертуаре есть частушки разного качества и тут необходимы тщательный отбор и популяризация лучшего. Не верна и вредна допускаемая в таких случаях недооценка любовной частушки, противопоставление её частушке на общественные темы.

С другой стороны, иногда приходится наблюдать, как частушка на гулянье, на посиделках, в клубе совершенно вытесняет песню (Сизьма, Мякса, колхоз «Аврора»). Как бы ни была хороша частушка по содержанию и в особенности по мелодии, она беднее песни, поэтому увлечение ею обедняет репертуар молодёжи.

Как правило, такое положение обычно бывает связано с отсутствием культмассовой работы в клубе, Доме культуры.

Помимо частушки, в репертуар молодёжи в большом количестве входят песни советских поэтов и композиторов. Особенно популярны сейчас в Вологодской области массовые песни о борьбе за мир, лирические песни, такие, как «Ленинские горы», «Сормовская лирическая», «Черёмуха», «Лирические припевки», «Влюблённый бригадир», «Вьётся вдаль тропа лесная» и др., а также песни из кинофильма «Свадьба с приданым» и из радиопостановки «Поддубенские частушки».

Самодельные хоры являются в наши дни центрами, сосредоточивающими лучшие творческие силы певцов разных поколений, хранителей народных песенных традиций.

Экспедиция МГУ 1953 года во время своей работы ознакомилась с двумя хорами: хором колхоза им. Кирова, села Щетинского, Мясинского района, и хором колхоза «Красный луч» Пришекснинского района.

Хор села Щетинского, под руководством А. И. Беловой, возник в первые годы коллективизации. Расцвет его

деятельности приходится на 30-е годы, когда он с успехом выступал на олимпиадах и смотрах самодеятельности.

Хор колхоза «Красный луч», под руководством Ф. В. Никитской, организованный в послевоенные годы, также неоднократно участвовал в смотрах самодеятельности.

Обычно репертуар самодеятельных колхозных хоров состоит из песен советских поэтов и композиторов, а также народных песен. При этом народные песни репертуара хора в большинстве случаев представляют собою традиционные крестьянские песни, особенно распространённые в данной местности.

Таковыми характерными для Вологодской области являются песни хора села Щетинского: «Ты рябинушка, ты кужлявая», «Не буди-ко, мамонька», «Полно, полно нам, ребята, чужо пиво пити» и др.

Песни хора колхоза «Красный луч»: «Родимая маменька, дай ночку поспать», «Недозрелая калинушка — её нельзя заломать» и др.

Именно это и составляет своеобразие хора, отличает его от других хоров не только по текстам, но и по манере исполнения, распеву песни.

«Разные-то наречия в разных местах, и песни по-разному поют. Вот когда хор объединили (для выступления на смотре), юксинские по-своему поют, а мы по-своему», — сказала А. И. Белова.

Таким образом, хор способствует сохранению лучших песен данной местности во всём их поэтическом и музыкальном богатстве и своеобразии.

Традиционная протяжная песня активно живёт среди старшего и среднего поколения Вологодской области.

Участники экспедиции МГУ встретили подлинных мастеров народной песни, певиц с богатым репертуаром песен, исключительных по красоте слов и мелодии. Это — А. И. Белова, руководительница хора села Щетинского, обладающая удивительно задушевной и тонкой манерой исполнения, участница того же хора М. Д. Люшина, участницы хора колхоза «Красный луч» Е. П. Веселова, А. М. Новожилова, М. С. Богданова. Много ценных текстов было записано от сестёр Александры и Ульяны Гришичевых и Ольги Сокоушичевой (деревня Копылово, колхоза «Путь Ленина» Чёбсарского района). Эти одарённые женщины славятся своим знанием песен, причётов, а также обрядов, загадок, сказок.

В доме сестёр Гришичевых в дни их молодости часто собирались беседы, сами они были непременно участницами свадеб. И сейчас старушки собираются и с удовольствием поют протяжные песни. К такому же типу исполнителей принадлежит А. Кувалдина (д. Федянькино, колхоз «Аврора» Грязовецкого района) — большой знаток свадебной песни, побывавшая, по её словам, на шестнадцати свадьбах.

Широкому бытованию традиционной протяжной песни способствует плетение кружев, которое является распространённым промыслом Вологодской области. Устно-поэтическое творчество, всегда тесно и непосредственно связанное с трудовой жизнью народа, рождается и бытует и на поле, и на сенокосе, и под звучный перестук коклюшек. Оно всегда сопровождало, скрашивало и облегчало жизнь и труд. Недаром среди кружевниц существует поверье, что коклюшки, срезанные весной, звучат звонче. Своеобразный домашний ансамбль образуют женщины, собравшись зимним вечером для плетения кружев. Такую группу кружевниц-песельниц участники экспедиции МГУ встретили в деревне Крутец, колхоза «Ударник» Грязовецкого района. А. Н. Мамухина, А. Ф. Киселёва, Е. В. Карташова проникновенно исполнили свадебные песни и причёты, вспомнили беседные, плясовые и игровые песни.

Какие же песни более активно живут, какие скорее вспоминаются? На первое место здесь следует поставить свадебные песни с их художественным совершенством, чудесными поэтическими образами. Богатая поэзией северная свадебная игра с необычайно подробно разработанными эпизодами и, в соответствии с ними, с разнообразнейшими по тематике песнями оставила самые яркие воспоминания у женщин, когда-либо её видевших, принимавших в ней участие. В её современном звучании свадебная песня воспринимается как лирическая протяжная. Иногда, правда, она комментируется для молодых слушателей и собирателей соответствующим эпизодом свадьбы. Действительно, в ней мы находим мысли и чувства, которые выходят за рамки узко-свадебной темы и раскрывают всю жизнь деревенской женщины в прошлом.

Тяжёлая, безрадостная жизнь с нелюбимым мужем, часто во враждебно настроенной семье, душевное одиночество — таков был удел большинства женщин. Поэтому и сейчас не могут не вызвать сочувствия у слушательниц и

исполнители песни и причёты невесты, её прощание с подругами, родителями, девичьей красотой, негой и волей. В этих песнях часто идеализируется жизнь девушки в родительском доме. Но такое резкое противопоставление с будущими невзгодами усиливает эмоциональное звучание песни.

Очень распространены в репертуаре старшего поколения песни игровые и хороводные, с самой разнообразной тематикой. В настоящее время они утратили свой игровой характер и исполняются как беседные. Это объясняется тем, что по своему содержанию хороводные и игровые песни всегда были любовными и семейными.

Как старинная традиционная песня воспринимается сейчас исполнителями и «жестоким романс», который также занимает значительное место в репертуаре старшего поколения. Этому способствует «распетость» жестоких романсов под старинную протяжную песню, характерную для Вологодской области, как и для всех областей с высокой песенной культурой (Воронежской, Ярославской, Архангельской и др.).

Участники экспедиции — музыковеды отмечают, что почти все певцы, от которых записывались песни, обладают большими музыкальными способностями, большой музыкальной памятью, хотя они выступали, в основном, как рядовые хранители замечательных традиций высокой песенной культуры. Большинство записанных мелодий представляет интерес как примеры бытового обиходного песенного стиля, на которых можно выявить черты народной песенной традиции, а не яркой импровизации¹⁾. Традиционная народная песня имеет большое значение не только как памятник исторического прошлого, она важна для воспитания высоких моральных качеств, для воспитания эстетического вкуса, борьбы со всеми серыми, нехудожественными, а иногда и безыдейными произведениями, которые ещё появляются в литературе и народном творчестве.

Большую роль в пропаганде лучших традиционных песен, создании на их основе новых песен, отражающих нашу действительность, играют хоры. Однако состояние хоров села Щетинского (Мяксинский район) и колхоза «Крас-

¹⁾ Музыкальную характеристику вологодских песен и частушек см. также в статье участника экспедиции МГУ в 1953 году, студента консерватории Р. Щедрина — «Народная песня в жизни и в консерватории». «Советская музыка», 1954, № 2.

ный луч» (Пришекснинский район) следует признать сейчас неудовлетворительным.

Фактически коллективы распадаются, притока новых сил нет, репертуар почти не обновляется. Руководители хоров нуждаются в помощи и поддержке правлений колхозов, в привлечении общественного интереса к работе хора не только в период смотра самодеятельности.

Экспедициями МГУ 1953—1954 гг. в Вологодской области записано значительное количество традиционных сказок. Наряду с детской сказкой, которая распространена более широко и входит в репертуар почти всех пожилых и старых женщин, живёт и сказка, которая интересует, воспитывает, развлекает взрослое население.

Особенным успехом пользуется она в исполнении хороших сказочников-мастеров.

В деревне Чурилове Чёбсарского района живёт сказочник сапожник Иван Кузьмич Цветков, 56 лет. Дети и взрослые в зимние вечера собираются в его избе послушать сказки. Живой рассказ Ивана Кузьмича, его юмор увлекают слушателей. Для Цветкова характерна тесная связь со слушателями, знание их интересов и потребностей. Поэтому свою «программу» он строит в зависимости от аудитории — детской, мужской или женской по преимуществу, а если аудитория смешанная, умело чередует сказки, чтобы увлечь всех.

Иван Кузьмич рассказывает волшебные и бытовые, сатирические сказки, обличающие попов и бар («свирушки», как он их называет). Всего от него записано более пятидесяти сказок и анекдотов.

Эти традиционные сказки близки и интересны слушателям, в них торжествуют ум и смекалка простого русского человека.

В репертуаре Цветкова ясно выделяются две группы сказок, различные по своему характеру. Первая группа — волшебные, которые у Цветкова имеют моралистический характер. В этих сказках в центре стоят вопросы верности, долга в любовных и семейных отношениях. Цветков здесь явно тенденциозен, он от своего лица порицает или поощряет героев, поэтому часто между сказочником и его слушателями развёртывается оживлённая дискуссия. Вторая группа — сатирические, обличительные сказки и анекдоты о попах и барах.

Сказочник любит увязывать содержание сказки с

жизнью, чрезвычайно умело заводит беседу на эту тему, сам тут же припоминает анекдоты, случаи из жизни, ссылается на кинофильмы или книгу. Так, рассказав сказку про опорошника, Цветков сразу припомнил местного барина, бывшего помещика Ендаурова, и рассказал ряд анекдотов-воспоминаний о нём.

Не выясненным осталось, откуда Иван Кузьмич узнал свои сказки. На все вопросы собирателей он отвечал уклончиво: слышал, читал. Однако, несомненно, большая часть его репертуара идёт от местной, т. е. вологодской сказочной традиции. В сборниках вологодских сказок — Иваницкого, Соколовых, Смирнова — мы находим очень близкие варианты таких сказок Цветкова, как про Назарку, Матюшу Пепельного и др.

Иван Кузьмич очень любит читать, в особенности приключенческую литературу и сказки. Так, например, он читал много русских сказок, сказки братьев Гримм, произведения Жюль Верна, Конан-Дойля. Естественно, что прочитанное пополняет его репертуар. Он рассказал нам в качестве сказки «Пёструю ленту» Конан-Дойля.

Иван Кузьмич очень вдумчиво относится к тексту сказки; прочитав или услышав от кого-нибудь новую сказку, он разбирает её, тщательно продумывает сюжет, прежде чем включить её в свой репертуар. Он хорошо понимает природу сказочной фантастики, её подчас глубокий философский смысл.

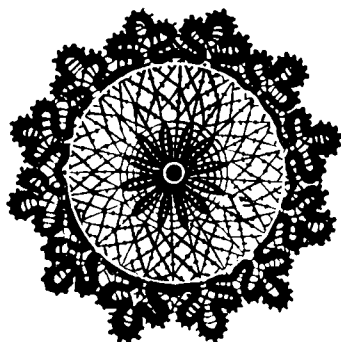
В Мясинском районе участники экспедиции МГУ встретили другого хорошего сказочника — Алексея Ефимовича Костеркова. Он рассказал сказки про попов, которые «одурманивали народ». Для сказок Костеркова характерна противоцерковная их заострённость, местное приурочивание имён, фамилий, названий деревень. Это усиливает сатирическое звучание сказки.

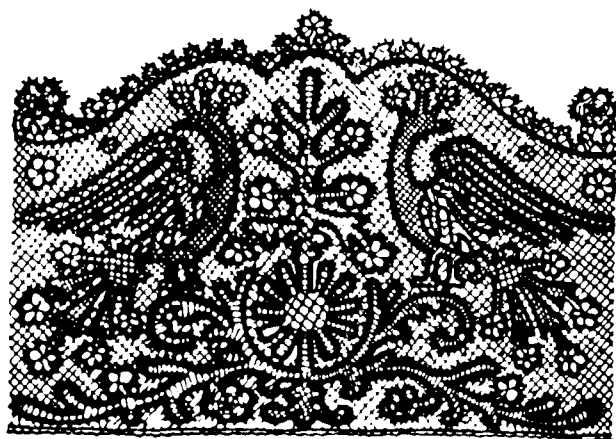
Таким образом, частушка, песня и сказка активно и творчески живут в современной вологодской деревне.

Наблюдения над бытованием фольклора в Вологодской области дают основание и для более широких выводов. Народное устно-поэтическое творчество, вследствие огромных изменений в материальной и духовной жизни народа, не является в наши дни единственным и главным выразителем народного мировоззрения, единственным источником удовлетворения познавательных и эстетических потребностей народа. Однако оно продолжает играть существенную роль

в его жизни, его идейно-эстетическом воспитании, в борьбе с пережитками прошлого. Произведения классического фольклора, воплотившие в высокой художественной форме заветные мысли и чувства народа, попрежнему нужны ему.

С. И. Минц, Н. И. Савушкина

С К А З К И

1. ПЕТУШОК ДА КУТЮШКА

Бывало да живало, был петушок да кутюшка. Ходили на улице. Петушок склюнул бобово зёрнышко и подавился. Пошла кутюшка к реке просить водицы. Сказала:

— Река, река, дай водицы!
Водица — петушку:
Сидит петух на пепеле — на детеле,
Подавился бобовым зёрнышком.

Река сказала: «Пойди к липе, принеси листу!» Пошла кутюшка к липе и сказала:

— Липа, липа, дай листу!
Лист — реке, река даст водицы;
Водица — петушку:
Сидит петух на пепеле — на детеле,
Подавился бобовым зёрнышком.

Липа сказала: «Пойди к угольщикам, принеси угольков!».

Пришла кутюшка к угольщикам и сказала:

— Угольщики, угольщики, дайте угольков!
Угольки — липе; липа даст листу;
Лист — реке; река даст водицы;
Водица — петушку:

Сидит петух на пепеле — на детеле,
Подавился бобовым зёрнышком.

Угольщики сказали: «Пойди к дроворубам, принеси дровец!» Пошла к дроворубам и сказала:

— Дроворубы, дроворубы, дайте дровец!
Дровца — угольщикам;
Угольщики дадут угольков;
Угольки — липе;
Липа даст листу;
Лист — реке;
Река даст водицы;
Водица — петушку:
Сидит петух на пепеле — на детеле,
Подавился бобовым зёрнышком.

Дроворубы сказали: «Пойди к корове, принеси молока!»
Кутюшка пошла к корове и сказала:

— Корова, корова, дай молока!
Молоко — дроворубам;
Дроворубы дадут дровец;
Дровца — угольщикам;
Угольщики дадут угольков;
Угольки — липе;
Липа даст листу;
Лист — реке;
Река даст водицы;
Водица — петушку:
Сидит петух на пепеле — на детеле,
Подавился бобовым зёрнышком.

Корова сказала: «Пойди к косцам, принеси сена, так и дам!» Пришла кутюшка к косцам и сказала:

— Косцы, косцы, дайте сена!
Сено — корове;
Корова даст молока;
Молоко — дроворубам;
Дроворубы дадут дровец;
Дровца — угольщикам;
Угольщики дадут угольков;
Угольки — липе;
Липа даст листу;
Лист — реке;

Река даст водицы;
Водица — петушку:
Сидит петух на пепеле — на детеле,
Подавился бобовым зёрнышком.

Косцы дали сена. Пришла к корове.

Корова дала молока;
Молоко — дроворубам;
Дроворубы дали дровец;
Дровца — угольщикам;
Угольщики дали угольков;
Угольки — липе;
Липа дала листу;
Лист — реке;
Река дала водицы.

Напоила петуха и петух выздоровел, а кутюшка и пошла опять гулять с петушком.

2. ТЕРЕМОК ВОШКИ И БЛОШКИ

Бывало да живало, жила старушка; у ней завелись вошь-поползушка и блоха-поскакушка. Старуха их прогнала, они пошли в поле. Шли, шли, нашли конёвью голову и говорят:

— Экой терем, экой хороший!
Окна колодны, лавки дородны!
Кто в этом терему живёт?

Никто не сказался. Они поползли туда и стали жить. Идёт заяц и говорит:

— Экой терем, экой хороший!
Окна колодны, лавки дородны!
Кто в этом терему живёт?

— Вошь-поползушка, блоха-поскакушка, а ты кто?

— А я, — говорит, — заяц-боботун! Пустите меня пожить!

— Ползи сюда!

Он заполз, и стали жить. Жили, жили, идёт лисица и говорит:

— Экой терем, экой хороший!
Окна колодны, лавки дородны!
Кто в этом терему живёт?

— Вошь-поползушка, блоха-поскакушка да заяц-боботун. А ты кто?

— Я, — говорит, — лисица-масляна губица, дивья красовица, малинов цвет. Пустите меня пожить!

Они сказали: «ползи сюда!» Приползла, и стали жить. Жили, жили... Идёт волк и говорит:

— Экой терем, экой хороший!
Окна колодны, лавки дородны!
Кто в этом терему живёт?

— Вошь-поползушка, блоха-поскакушка, заяц-боботун, лисица-масляна губица, дивья красовица, малинов цвет. А ты кто?

— Я, — говорит, — серый волк-хватун; пустите меня пожить!

— Ползи сюда!

Приполз и стали жить. Жили, жили. Идёт медведь и говорит:

— Экой терем, экой хороший!
Окна колодны, лавки дородны!
Кто в этом терему живёт?

— Вошь-поползушка, блоха-поскакушка, заяц-боботун, лисица-масляна губица, дивья красовица, малинов цвет, да серый волк-хватун. А ты кто?

— А я, — говорит, — тяпыш-ляпыш, всем пригнётыш! Наступил на конёвью голову и раздавил.

3. ПРО КАШУ

Жили старик со старухой. У них есть было нечего-нечего. Старушка возьмёт затопит печку, поставит горшок пустой в печь — большой-большой — и приговаривает:

— Лейся, вода, лейся, вода.

Когда у ней полный горшок воды сделается, она опять и приговаривает:

— Гусни, хрясни, гусни, хрясни (каша чтобы густела, хрястела). Вот у неё полон горшок и наварится каши-то. Сядут поедят с дедушкой.

Один раз бабушка ушла в деревню на беседу. Дедушка сидел-сидел на печке — так ему каши захотелось поесть! Взял затопил печку (как бабушка делала), поставил пустой горшок в печку и заторил:

— Лейся, вода, лейся, вода.

До того доторил, что полна изба воды набралась. А второй-то приговор он и забыл. Как вспомнил — заторил сразу:

— Гусни, хрясни, гусни, хрясни, — долго он так торил. У него всё в избе-то загусло и захрясло, кашей всё сделалось, испугался он.

Сидит дедка на печи и не знает, что делать. Взял ножик, взял полено лучин у старухи, сидит на печи, делает лопату: кашу так есть.

А в это время старуха и колотится у двери (дверь-то он заложил).

— Дедко,пусти!

Он отвечает:

— Подожди, старуха, полну избу каши наварилось.

Старуха за дверьми ругается.

— Э, старый чорт, открывай скорее дверь-то!

— Обожди, старуха, вот сделаю лопату — отгребу, и зайдёшь кашу есть.

Ел старик кашу два дня. Старуха всё за дверьми сидела. Надоело ждать старухе. Опять кричит за дверью:

— Открывай, старый чорт, долго ли я ждать-то тебя буду?

— Обожди, старуха, отгребу немножко — и зайдёшь!

Сколько поел старик, а остальное лопатой отгрёб. Взошла старуха к старику на печку.

Сделал старик лопату старухе и стали целую неделю кашу есть.

4. ПЫХТИЛКА

Были-жили в деревне богатые люди. У них было двое детей, Маша и Ваня. Они срядились в город за товаром. Дочке наказывают:

— Не ходи в подвал, там пыхтилка...

Когда они уехали, Маша Ване говорит:

— Пойдём, Ваня, у дедушки в подвале репку есть.

Ваня и говорит:

— Нет, я не пойду, там пыхтилка съест.

Маша одна пошла. Заходит в подвал — пыхтилка пыхтит:

— Пых, пых,
Не Манька ли идёт,

Не за репкой ли идёт,
Не съесть ли мне её.
Не схамкать ли её?
Хам — съела!

Проглотила Машу!

Сидит Ваня дома, ждёт Машу. Маши нет и нет. Пошёл он в подвал за ней. Пришёл, пыхтилка пыхтит:

— Пых, пых,
Не Ванька ли идёт,
Не за Манькой ли идёт,
Не съесть ли мне его,
Не схамкать ли его?
Хам — съела!

Проглотила Ваню.

Приезжают отец и мать, всего понакупили. А детей дома нет.

— Они, наверное, в подвал пошли за репкой.

— Поди, мать, ты, — говорит отец. Мать пошла. Заходит — пыхтит пыхтилка:

— Пых, пых, пых,
Не бабка ли идёт,
Не за Манькой ли идёт,
Не за Ванькой ли идёт,
Не съесть ли мне её,
Не схамкать ли её?
Хам — съела!

Проглотила и бабуку.

Дед долго ждал, дожждаться не мог. Пошёл и сам он. Заходит в подвал. Пыхтит пыхтилка:

— Пых, пых, пых.
Не дедка ли идёт,
Не за Манькой ли идёт,
Не за Ванькой ли идёт,
Не за бабушкой ли идёт,
Не съесть ли мне его,
Не схамкать ли его?
Хам — съела!

И проглотила!

Тут пыхтилка не выдержала, разорвалась — они все повывскочили и стали жить по-старому.

ПРИСКАЗКИ И НЕБЫЛИЦЫ

5

Шёл я мимо, видел диво;
Висит котёл
Девяносто ведёр —
Это, брат, правда!
Я шёл мимо, дуб увидел,
На дубе свинья
Гнездо свила,
Это, брат, правда!
Шёл, мимо прошёл,
На дубе-то ветки,
На ветках-то детки.

6

Жил был Иванушка Агиев,
Сковал себе топорик;
Не мал, не велик:
С комариное плечико.
Пошёл в лес.
Раз тяпнул — топорик хорош,
Другой тяпнул — ещё лучше,
Третий — отлетел скребенёк
В правый глазенёк.
С этой шутки
Лежал Ваня трое сутки.
Прилетели мухи-горюхи,
Посадили на колесá,
Унесли под небесá.
С неба упал
Да на русску землю попал.
Стоит церква.
Колоколенка блинком покрыта,
Калачиком заперта.
Калачик отломил
Да в карман положил,
А блин оторвал и съел.
Вошёл в церковь:
Образа прянишны,
Кадила яблoшны.
Кои поломал —

разделить». «Дайте-ка сюда». Взял Иван ковёр и поехал дальше. Подъезжает к морю. Больше деваться некуда. Сел Иван на ковёр и полетел. Перелетел море и видит какую-то квартиру. Зашёл, — квартира — просто любо, а в какую комнату ни зайдёт, всё не пускают дальше — заперто. Вот увидел он люк кверху. Толкнул — видит ход. Поднялся по этому ходу, смотрит — мать сидит под окном и плачет. Вдруг она вскинула глаза, спрашивает: — «Как ты попал сюда, сынок?». «У меня ковёр-самолёт, я перелетел море. Едва добрался до тебя...». «Некогда мне с тобой разговаривать, садись скорее в сундук, я тебя заложу». Успела только заложить, как вдруг прилетает Кощей. «Как будто у тебя русским духом пахнет?». «Я-то ведь русская, ну, вот и пахнет». Собрала она обед на стол и стала расспрашивать у Кощей кое о чём, и спросила: «Где же у тебя смерть?». «Моей смерти не найти никому, она далеко запрятана. По конец моря стоит дуб, под дубом сундук, в сундуке заяц, в зайце утка, в утке яйцо, в яйце моя смерть». Отобедал Кощей и улетел. Мать выпустила из сундука сына и рассказала: «По конец моря стоит дуб, под дубом сундук, в сундуке заяц, в зайце утка, в утке яйцо, — вот где смерть». Выслушал сын и полетел на ковре-самолёте. Перелетел на конец моря, идёт по берегу. Видит — ползёт рак. Иван говорит раку: «Я тебя съем!». А рак отвечает: «Нет, не ешь меня, я тебе пригожусь». «Ну, с богом!». Идёт дальше. Навстречу собака. Иван опять говорит: «Я тебя застрелю и съем!». «Нет, не ешь, я тебе пригожусь». «Ну, с богом!». Пошёл дальше. Летит сова. Иван говорит ей: «Я тебя застрелю да съем». «Не ешь, я тебе пригожусь». «Ну, с богом». Приходит он к этому дубу. Кругом обошёл, посмотрел: «Как добуду смерть Кощей?». Прибежала собака, подрылась под корень и вырыла сундук. Едва вытащил Иван этот сундук, сбил крышку, выскочил заяц и побежал. Пёс догнал зайца и разорвал. Вылетела утка из зайца. Сова догнала утку и убила. Яйцо выскочило да в море. «Вот беда-то эка, парень! Яйцо упало в море! Что делать?». Вдруг выполз рак и тащит в клешнях яйцо. Он это яйцо взял у рака и положил в карман и полетел опять в дом к Кощей Бессмертному. Вот он прилетел, глядит — Кощей Бессмертный обедает. Вдруг этот Кощей защепотал ¹⁾ ладонями и бросился на Ивана на Купеческого. Он бросил яйцо да в лоб

¹⁾ Захлопал.

Кошею. Тут ему и смерть пришла. Сжѣг Иван Кошея и пепел развеял по острову. Потом и говорит матери: собирайся, мол, и поедem скорее к родным. Собрали всё, сели на ковѣр-самолѣт и полетели, — где лошадь оставлена. Перелетели море, — конь стоит, как вкопанный: «Ох, говорит, до того додождался!». Сели и поехали. Едут сутки, другие, третьи, — приезжают к дому. Приехали в палаты, мужа ещё нет из торговли. Ну, вот тут они опять стали жить, поживать да добро наживать, как попрежнему.

10. ХИТРАЯ НАУКА

Жила-была в одной деревне старуха со своим сыном. Ей захотелось отдать сына в такую науку, чтобы можно было не работать, сладко пить-есть и чисто ходить. Ходила, ходила она по городам, никто не знает такой науки. Поворотила она домой. Попадает ей навстречу человек и спрашивает: «Где, бабушка, была?». «А вот, водила сына, ладила сдать в такую науку, чтобы можно было не работать, а сладко пить-есть и чисто ходить». «Отдай мне его. Я выучу всем хитростям и мудростям. Только, если через три года ты его не узнаешь, то сын останется у меня навсегда». Старуха подумала, подумала: «Ну, как не узнать своего сына!» И отдала. Отдала и не спросила, кто был встречный. А это был колдун. Взял он сына у старухи и ушёл. Прошло три года. Старуха пришла и села на камешек на то же место. Вдруг идёт по дороге колдун. «Что, бабушка, за сыном пришла?». «За сыном, дитяtko, за сыном». Колдун выпустил двенадцать пчёл. Пчёлы летают, жужжат около старухи. «Узнавай, бабушка, который твой сын!». «Не узнать, батюшка, где узнать!». Тут одна пчела ударилась старухе в щёку. «Не узнать», — говорит. «Ну, не могла узнать, ещё три года жди, бабушка». Прошло три года. Пришла опять старушка и села на то же место. Идёт по дороге колдун. Засвистал он могучим посвистом, прилетело двенадцать голубков. Все голубки одинаковы. Один голубок пёрышки на себе общипывает. «Узнай, — говорит, — бабушка, своего сына». «Нет, не узнать мне, дитяtko». «А вот, который пёрышки общипывает, и был твой сын. Теперь ещё через последние три года приходи; уж если на этот раз не узнаешь, то навсегда твой сын останется у меня». Старуха выждала три года. Пришла и села опять на то же место. Засвистал колдун молодецким посвистом — при-

бежало двенадцать жеребцов. Все жеребцы одинаковы, все вороные, у всех гривы на одну сторону. Прошла старуха раз мимо, — не могла узнать своего сына, прошла другой, — не узнала, а как проходила третий раз, один жеребец топнул о землю копытом. «Вот, — говорит, — мой сын». «Ну, бери! Выучил я его всем хитростям и мудростям». А он уж обернулся молодцом. Пришла старуха с сыном и говорит: «Как мы жить-то будем? Перекусить нечего, дров нет». Сын и говорит ей: «Не заботься, матушка, на первый раз — вот тебе 100 рублей». «А где?» «А видишь, вот охотники едут; я обернусь гончей и буду сбивать их охоту, мешать. А когда охотники будут тебя ругать, скажи: «Это не я, а это пёс мой». Они будут покупать меня, ты продай, а только ошейника не продавай, а то я не вернусь». Как сказал, так и сделал. Охотники к старухе: «Что ты, старая, перебиваешь охоту?». «Это не я, а пёс мой». «Продай нам этого пса», — говорят. «Да что, можно. Давайте сто рублей». Дали ей сто рублей, а она говорит: «Только ошейника я вам не отдам». «Что ты, бабка, как без ошейника? Нет, уж собаку купили, так и ошейник наш». Делать нечего, пришлось отдать и ошейник. Охотники поехали. Вдруг навстречу лиса бежит. Собаки бросились за ней. Пёс этот тоже побежал — лисица вправо, а он влево — и убежал за старухой. «Ну, матушка, говорил тебе: не продавай ошейника. На этот раз счастливо отделался, вперёд смотри. Теперь, матушка, я обернусь райской птицей. Ты носи меня на базар и проси двести рублей». Как сказал, так и сделал. Понесла старуха на базар райскую птицу. Там молодая барышня увидала, спрашивает: «Сколько, бабушка, за птицу?» «Двести рублей». Поторговались. Старуха ещё дороже просит: «Ну, ладно. Бери двести рублей». Старуха даёт птицу, а клетки не отдаёт. Сколько ни просила барышня, старуха не дала. Ну, та завернула птицу в платок и понесла домой. Это была дочка колдуна. Принесла и говорит отцу: «Вот наш молодчик! Я купила опять». Только что развернула платок, птица порхнула в окно и улетела. Прилетел к матери, ударился об землю и стал опять добрым молодцем. Построили они новую избу и стали жить да поживать.

«Вот, матушка, на этот раз возьмёшь за меня триста рублей. Я обернусь жеребцом. Ты води меня на базар продавать, только уздечки не продавай». Как сказал, так и сделал: ударился об землю и обернулся жеребцом. Стару-

ха повела его на базар. Колдун увидел жеребца у старухи и купил. Заплатил триста рублей, вскочил на жеребца и поскакал. Не успела старуха и уздечки снять. Ездил на жеребце три дня и три ночи — по горам, по долам, по сыпучим пескам. Потом приехал домой и привязал жеребца и так высоко, что он еле мог дышать. Заходит в квартиру и говорит дочке: «Нашёл молодчика». «Где он?». «На дворе привязан». Дочка вышла посмотреть и хотела отпустить поводья немного. Только она отвязала, конь вырвался и говорит: «Спасибо, красная девица». И пошёл вёрсты отсчитывать. Дочка прибежала к отцу и говорит: «Папа, отпустила я коня-то!». Колдун мигом — хлоп об землю и сделался серым волком. Пошла битка в кон! Конь сметил, что погоня, и сделался белым лебедем, а волк — коршуном, и полетели над облаками. Лебедь видит — речка течёт, пал на воду и сделался ершом. Коршун вслед — бух! и сделался щукой. Погналась щука за ершом. Вот-вот нагонит! Да не может схватить ерша с хвоста. Три дня гоняла. Наконец, побежал ёрш по речке к морю. Видит — царская дочь бельё полощет. Оборотился золотым кольцом и подкатился царевне под ноги. А колдун обратился молодцом, подходит к царевне и говорит: «Царевна, ты подняла моё кольцо, отдай его назад». Она бросила кольцо, и оно рассыпалось на зёрна. Одно зерно подкатилось к царевне под башмак. А этот молодец обратился петухом и давай клевать зёрна. Склевал все и закукарекал. Тут последнее зёрнышко выкатилось и оборотилось ясным соколом. Сокол бросился на петуха и разорвал его на две половины. Потом стукнулся об землю и обратился молодцом. Царевне этой он приглянулся. Они повенчались и жить помчались. Старуха ждала, ждала сына, — долго не могла дожждаться. А потом сын известил её и взял к себе. Старуха не думала, не гадала — в царицы попала.

11. ПРО ЦАРЯ И ЕГО ДЕТЕЙ

Жил-был царь, у него был сын. Надо было сына поженить. Призвали дядю, посоветовались, где невесту сыскать. Поутру пошли с ним невесту искать. Пришли к одной кельеке, сидят три сестры, заплетают. Одна говорит: «Если на мне Иван царевич женится, то я царство-государство одним зерном прокормлю». Другая говорит: «А на мне бы Иван царевич женился, то я царство-государство одной бы

ниткой одела». А третья говорит: «Если бы Иван царевич на мне женился, то я бы принесла ему Васю — Золоты кудри и Машу — Бриллиантовые зубы». Иван царевич говорит: «Ну, нашли невесту, пошли, дядя, к царю».

Заутро вызывают их всех трёх к царю. Пришли. Показал на меньшую дочь Иван царевич и сказал: «Вот моя невеста». Всех трёх взять нельзя.

Пожили они малость, и уехал Иван царевич в Питерли, в Киев, не знаю, — воля ихняя. Она, родимая, принесла Васю и Машу. На эту пору сука оценилась. Положила повитуха детей в корзинку, снесла её к морю и сказала: «Ветры буйные, снесите за три моря мою корзину», — а царской жене щенят подложила. Узнал об этом царь, созвал совет — кто что скажет.

Сказал один боярин: «Посади царевну в каменную гору, кто пройдёт мимо, тот плюнет». Так и сделали.

Тем временем корзину било, било и к плоту прибило. Старик вышел поутру и нашёл корзину. «Вот, — говорит, — старуха, нашёл парняка и девушку». А детей у них не было. Они стали их кормить, поить. Выросли — в школу пошли. Учились они хорошо. Раз в дождик ребяташки замарали Васе кудри. Маша вымыла ему голову, полотенцем вытерла, стало полотенце золотое. Сходили на рынок (тогда, ведь, рынки были), продали, несколько сот взяли. Дед к бабке: «Давай, — говорит, — их заколем, станем голову мочить, а зубы повыковыряем». Маша подслушала да Васе сказала. Собрались да ночью и ушли от них. Пришли в город, где родители их находятся. Попросились у одной старушки ночевать на краю города, она пустила их. Опять они помочили голову, продали немного, стали жить хорошо. Старуху стали вместо матери почитать. Стали они торговать люто, широко, стали людей от купцов отваживать. Те царю стали жаловаться. Узнала об этом старуха, которая бросила их в воду, прибежала, говорит:

«Вот, Васенька, цветок есть на море, кто сорвёт, — тот счастлив будет».

Собрался Вася и пошёл за город, а поперёк дороги мёртвое туловище лежит. Стал его Вася стороной обходить.

«Что, Василь царевич, стороной обходишь? Воротись да спросись».

Вернулся Вася, говорит ему туловище: «Дам я тебе синь платок, он тебе пригодится. Увидишь ты много зве-

рей, больших да малых. Все будут лезть, а ты махни платком, они все пропадут, один останется, ты его и пошли за цветком».

Всё так и случилось. Вернулся в город, посадил цветок. Что ни задумают, всё к ночи вырастет. И так стал Вася торговать, что опять стали жаловаться царю. Царь велел позвать Васю к себе: что, мол, за купец такой? Прибежала старушка та опять: «Где Вася? Васю поженить надо. Есть в тридесятом царстве у Кощея Бессмертного двенадцать дочерей. Он за него любую отдаст». Вот и пошёл Василь царевич за невестой. Идёт. Мёртвое туловище опять лежит поперёк дороги. Он его обойти хочет. Туловище говорит: «Что, Василь-царевич, стороной обходишь? Воротись да спросись».

Воротился он да спросился, а туловище и говорит: «Проезжали тут многие дюже тебя, да взад никого нет. Ой, какие мудрецы обходили да назад не ворачивались!».

Дал ему клубочек. Клубочек катился, катился, да к бабе Яге докатился. Лежит баба Яга на печи: «Фу, фу, фу, словно русским духом пахнет, кто там? На ложку садись да в рот катись». Отвечает Василь царевич: «Не подавись, бабушка, ты сначала накорми, напой, а потом и совет держи».

Посадила гостя баба Яга: «Кушай, Василь-царевич!».

Как покормила, спать положила, стала спрашивать: «Далеко ль путь держишь?» Рассказал ей Вася. Говорит ему Яга: «У него двенадцать дочерей, каждая в своей келейке, одна хитрей и мудреней всех. Дом Кощея обнесён тыном, на каждой тынинке по человечесей голове, одна тынинка пустая, быть тебе на ней. Так ты иди к той самой хитрой, с ней и совет держи».

Так и сделал, пришёл он к Елене, она ему и говорит:

«Мой отец будет тебя угощать, только ты не пей, не ешь, а проси кого-нибудь из нас. Выйдем мы в одинаковых платьях. У меня над правой щекой муха будет летать. Так ты меня и узнаешь. Во второй раз выйдем опять в одинаковых платьях, у меня на правой щеке румянец сильно разыграется. Ты опять меня бери. В третий раз выйдем: у правой ноги горошинка прорастёт».

На следующий день посадил Кошей дочерей своих. «Вот, — говорит, — выбирай любую». У одной над правой щекой муха летает. «Вот, — говорит, — моя». Её выводят. Следующий раз опять выбирает. Ходил, ходил, ходил, у

одной на правой щеке румянец разыгрался. «Вот моя!». В третий раз ходит и опять её выбрал. «А, — говорит Кощей, — хитра она». Свели их в домушку, ни окон, ни дверей. «Теперь я устал, буду спать», — говорит Василь-царевич. «Нет, нам здесь не спаньё. Как-никак, а выбирать-ся нужно». Стала иголкой, а его ниткой сделала. Через стенку прошла. Еленой сделалась, его Василем-царевичем обратила. Шли, шли, припала ухом к земле. «Погоня за нами идёт». Сама пастушкой сделалась, а его овцой обратила. Подъезжают и спрашивают у неё: «Не видали ли молодых людей?». «Никто здесь не ходит, не ездит». Так ни с чем и уехали. А Василь-царевич дальше с Еленой пошли.

Возвратились слуги к Кощею, рассказали, а он и говорит: «Вы бы их и брали, они и есть. Она хитрая». Опять Елена припала ухом к земле, погоню слышит. Попом сама сделалась, а его в поповну превратила. Церковь тут появилась. Всё как надо. Подъезжают слуги Кошечевы: «Не видали молодых людей?». «Ну, какие здесь молодые люди, тут и дороги-то нет». Так ни с чем и возвратились.

Идут дальше, опять наклонилась к земле. Слышит — опять погоня. Уж сам Кощей за ними гонится. Махнула Елена платочком — огненную реку сделала, а сами на другом бережку уселись. Кощей их и просит: «Перевезите меня на другой берег, я не трону вас».

Протянула Елена платочек, Кощей сел. Проплыл Кощей до середины, а Елена перевернула платочек, и сгорел Кощей в огненной реке. Тут ему и конец пришёл.

Дошли они до избушки бабы Яги, отдали ей платочек, поблагодарили и дальше пошли. К мёртвому туловищу подошли, клубочек отдали, поблагодарили и домой пошли. Стали торговать, весь народ у купцов отбивать. Опять царю жалобы пошли. Сам царь решил прийти до купца. Василь царевич говорит Елене: «Узнает нас царь, или нет?». «Не твоё это дело, я всё сама устрою».

Пришёл царь. Угощали, угощали, всем угощали. Елена и говорит: «Принесите гуся жареного из печки». Пришёл слуга: «Нет никакого гуся!». Другого послали: «Нет ничего!». «Сейчас сама принесу». Приносит жареного гуся. «Может жареный гусь зерно клевать?» — спрашивает Елена царя. «Нет, не может». «А может женщина кобеля принести?». Тут и узнал царь детей своих.

Вот и вся сказка. Кто слушал, тот скушал.

12. ДАНЬ ЦАРЮ МОРСКОМУ

Вот жил царь Берендей, и он, конечно дело, любил охотиться. И вот он в одно прекрасное время уехал за охотой. Жара была сильная. Ему хотелось пить, а воды не было. Наконец, нашёл колодезь. Слез с коня и начал пить. Напился, встаёт, а его за бороду оттуда хватить! Это образинахватила.

— Отпусти!

— Нет, не отпущу.

— Отпусти!

— Отдай, что дома не знаешь, — отпущу.

Дёргался всяко, никак не оторвать.

— Отдам, отпусти!

Царь приезжает домой, сказали ему, что родила жёнка: принесла сына.

Он загоревал.

— Этого я не знал, не предвидел.

Прошло семнадцать лет. Однажды гуляет царь по саду, видит — дуб раскалывается пополам, выходит образина.

— Ты дань-то думаешь отдавать?

И он, конечно, пошёл домой.

— Вот, Ваня, семнадцать лет тому назад я ездил за охотой и отдал тебя морскому царю, обещал невзнай.

— Что ж, поеду.

Дали ему лучшего жеребца. Простился и поехал. Едет день, другой, неделю, вторую, долго ли, коротко ли. И попадают ему три старичка.

— Здравствуй, Иван царевич.

— Здравствуйте, старички.

— Возьми нас в товарищи.

— Пойдёмте, мне скучно.

Долго шли, нашли две дороги.

— Здесь нам прощаться.

— Как звать-то вас?

— Опивало, Обьедало и третий Морозушко, три брата. Как вздумаешь, мы тут поблизости окажемся.

Опять поехал один. Подъехал к морю. Видит — три лебёдки купаются и три платья на берегу. Он, конечно, коня привязал и платье украл и спрятал.

Две лебёдки колонулись о берег, оделись, а третья квохчет о берег, а платья нет. А он жалостливый был, поло-

жил платье, ушёл и спрятался в кусты. Она колонулась, оделась. Подходит к кусту.

— Выходи, давай, Иван царевич!

Поздоровались.

— Я знаю, куда ты держишь путь. Морской царь будет мой папаша, и он требует тебя зарезать и твоей кровью причастить дворцовых слуг.

И она обернула кольцо на правой руке, и они провалились под землю. Приходят во дворец, царь сидит на троне, образина-то!

— А, дань пришла.

Ну, неудобно без причин голову рубить.

— Вот тебе задача. Решешь — жив будешь, не сможешь — башку долой. Ты сегодня, ночью выкопай пруд, через пруд хрустальный мост, вода чтоб чистая, как янтарь, и всевозможные птицы плавают.

Дал заступешко худой. Он бросил, пришёл в комнату — чего делать? Пригорюнился.

Видит, пчёлка об окно бьётся. Ему жалко стало, думает, замёрзнет или разобьётся. Окно разбил — залетела, об лавку на пол ударилась и сделалась девицей. Это была Мария — дочка царя морского.

— Что задумался?

— А мне папаша задал пруд выкопать, оперилить, вода чтобы чистая была, как янтарь, и птицы всевозможные плавали.

— Не тужи, ложись спать, утром бери лопаточку и молоточек, забивай и размета́й, как будто доделываешь.

Она об косяк ударилась, пчёлкой сделалась, улетела.

Он не крепко спал, проснулся до света, всё готово, разбито. Он расчищает, как-будто доделывает. Царь смотрит — доделывает.

— Ну, Ваня, молодчина, справил задание. Теперь вот что. У меня есть двенадцать дочерей. Узнай, которая моя любимая дочь, платья у них одинаковые и личность одна.

Пошёл, запечалился.

Опять эта Мария явилась к нему.

— О чём задумался?

— Как не задуматься? Двенадцать дочерей у царя, как я узнаю, которая любимая?

— Любимая — я. Смотри первый раз на правой щеке, маленькая мушка поползёт, только не моргай, смотри хорошенько,

Вот царь выставил в ряд двенадцать дочерей, ну, как одна, ничем не отличаются.

Первый раз проходил — не заметил, второй раз — нет, третий раз медленно идёт, видит чуть-чуть заметно ползёт мушка.

— Вот эта.

— Правильно. Ну, Ваня, отгадал. Ну, теперь нужно у меня склады вина и пива выпить.

А где выпить? Половины бутылки хватит. Иван говорит:

— Мне одному невесело, можно пригласить родственника?

— Можно.

Вот вечером он думает: «Где-то мой старичок Опивало?». А он бородкой трясёт — летит. Взял вместо рюмки ушат, да за три глотка готов.

— Больше нету?

Царь приходит — всё выпито.

— Ну и жрать ты горазд, парень!

На вторую ночь хлебов, пирогов целые лабазы напечены. Ему нужно съесть.

— Одному скучновато, можно родственника позвать?

— Ладно, двоим всё равно не съесть.

Вечером вышел.

— Где-то мой старичок Обьедало?

Тот летит, бородкой трясёт. Буханку за буханкой, всё перекушал. Царь приходит, — как метлой замечено.

— Ну, ладно, — говорит. — Теперь я, значит, отдам мою любимую дочь за тебя. И приказал баню натопить так, что за пятнадцать сажень не подойдёшь. Каменная баня, так докрасна.

Ну, что ж, пошли с молодой мыться, а не сунешься.

— Где-то мой Морозушко?

Тот летит, бородкой трясёт. Как дунул в угол — льдень образовалась, другой раз дунул — в другом углу льдень. Ну, вот он пришёл в баню мыться. А Мария выплюнула три волшебные слюнки.

— Слюнки, отвечайте.

Они очутились на берегу реки, тут конь гуляет с золотой уздой. А там морской царь чует неладное. Но они вёрст пять отсвистали. Ждал, ждал, послал слугу. Ведь баню не будешь открывать, когда молодые моются. Слуга спрашивает;

— Долго?

Слюнка отвечает:

— Сейчас идём!

Ещё час ждали, а те дальше. Ждал, ждал царь, опять слугу посылает. Спрашивает:

— Долго?

— Сейчас идём.

— Тут не готовы ещё.

Третий раз послали.

— Долго ли будете?

— Сейчас идём.

А четвёртый раз спросили:

— Долго ли вы там?

Ответа нету. Открыли дверь — в бане никого.

Царь раскрыл книгу-цветник.

— А, это дочь бежала, а слюнки отвечали.

Нарядили стражу, погоню. Их стали нагонять. Она от-вернула кольцо вниз, коня сделала лесом дремучим, сама стала грибом, его тоже грибом обратила. Конница про-ехала. Дальше дороги нет. Пошарили, пошарили, вернулись ни с чем.

— Ну, что, взяли?

— Нет, не нашли.

— Был лес?

— Был.

— Грибы были?

— Были.

— Они и есть. Валите снова.

А те дальше умыли. Опять стали настигать. Она обер-нула кольцо, коня превратила в часовню, вся мхом по-росла; он — монах девяноста лет, она — монашенка.

— Эй, монах, не проезжали здесь молодые люди?

— Проезжали.

— Когда?

— Когда часовню строили, а ей восемьдесят лет, вся мхом обросла.

— Вот дурак старый!

Ничего не могли сделать. Вернулись ни с чем. Царь спрашивает:

— Взяли их?

— Нет.

— Видели часовню?

— Видели,

— Монахов видели?

— Видели.

— Так это они и были.

Царь рассердился, всю стражу прирубил, сам поехал. Маша говорит:

— Ой, Ваня, сам папа едет, пропали мы.

Взяла, обернула кольцо. Сама сделалась медовой рекой, его сделала кисельным берегом, а конь — мост. Стражу бы они обманули. Морской царь подъехал, раскрыл книгу-цветник.

— А, вот вы где, дружочки!

Стал есть кисельные берега, пить медовую реку и лопнул. Они посмотрели, как в людей обратились: отъел по мизинцу.

— Ну, по мизинцу ничего!

Сели на коня. Ну, теперь опасность не угрожает, поехали в своё царство.

Выехали на гору, стоит город до того красивый, глаз не отвести.

— Заедем в город.

— Нет, Ваня, не надо.

Разговаривала, разговаривала, не могла переговорить.

— Ладно, — сказала Маша. — Вот, Ваня, я на этой тропинке превращусь в цветок; когда ты в город зайдёшь, к тебе маленький парнишка курчавенький бросится, ты его не целуй, а то меня забудешь.

— Что ты, Мария, ты меня спасла.

— Ну, ладно.

Вошёл в город. Бросился к нему парнишка, такой хорошенький. Стал Ваня его целовать, позабыл Машеньку свою. А там царевна три года жениха выбирала, такая люто занослива была: тот не годится, другой не годится, этот мал, тот велик — горе! Она как раз сидела на балконе, Ивана видела. Он был красивый, как дубок. Она заинтересовалась и велела на балкон призвать.

— Я, — говорит, — три года выбирала, ты будешь мой муж, а я твоя жена.

Да она и хорошенькая была. Он согласился, стали приготавливаться к свадьбе.

А цветок на тропинке был мокрый всегда: тосковала Мария о Ване. Она знала всю историю и плакала. Раз разбойник шёл по тропинке и заинтересовался цветком. Вырезал осторожно, корни не тронул, кругом оставил.

В крынку посадил, принёс домой. На краю города жил, поставил на окошко. В избе у него запущено: в набеги только ходил. Цветок свалился на лавку, с лавки на пол, сделался девушкой. Начала Маша всё прибирать, избихаживать. Пообиходила всё. Ружья блестят, как собачий глаз. Разбойник пришёл — удивляется.

— Кому нужно приходить сюда и обихаживать?

Опять нарочно поразбросал, ушёл на вторую ночь. Опять всё избихожено. Ему захотелось узнать, кто приходит. На третью ночь хлопнул дверью, а сам за косяк стал. Вдруг видит — цветок валится и девушка убирается. Он её схватил, стал уговаривать.

— Ничего над тобой не сделаю.

Она стала для него готовить. Прошло долго времени — спрашивает:

— Что нового в городе?

— Выходит замуж царская дочь за неизвестного молодца.

— Принеси мне фунтов десять белой муки.

А раньше был обычай такой, что на свадьбу носили пироги-рыбники. Он принёс муки, она испекла рыбник, понесла. Там народу много. Очередь дошла до неё. Её рыбник разрезают, вылетают из него голубь и голубка. Голубь бежит вокруг пирога за ней и говорит:

— Дай пирога, дай пирога.

— Нет, не дам. Если дам, ты забудешь меня, как Иван царевич Марию.

Он вздрогнул, вскочил. Вот тут-то уж вспомнил. Не стал жить с прежней невестой.

— Вот моя жена, — говорит.

Тут уж новая свадьба. Свадьба была хорошая.

А я из-за Спасья шёл, там сапоги шил. Мешок тяжёлый: колодки, инструмент. Угостили меня. И до того наугостился, с лестницы-то пошёл, да мешок тяжёлый и потянул, я с лестницы вниз. Сломал ногу, теперь на деревяшке хожу.

13. ОСИНКИН УДАЛОЙ

Жил один мужик, у него было три сына: Берёзкин-Панькинский ¹⁾, Олюшкин, Осинкин удалой.

Пошли они за охотой. Пошли и заблудились. Не зна-

¹⁾ Панькино — соседняя деревня.

ют, куда дальше идти. День, другой бродили — никого. Потом видят — дом стоит. Зашли — никого.

— Ну, ребята, будем ночь ночевать.

Наутро говорят:

— Ну, давай оставим одного кашу варить.

Оставили Берёзкина — старшего. Тот сварил уж кашу совсем, братьев ждёт, вдруг за дверью кто-то скребётся. Стоит старичок с локоток, а борода с веничек.

— Перенеси меня через порог!

Берёзкин перенёс.

— Посади за стол!

Посадил.

— Что есть в пече, всё тащи на плече.

Мужичок наелся и давай брата лупить. Лупил-лупил, на печь бросил и ушёл. Те братья приходят, Берёзкин, конечно, ничего не сказал — стыдно: старичишка-то маленький.

— Вот, значит, — говорит, — угорел, ничего не мог сделать.

Ну, ладно, они его не ругали.

На второй день Олюшкин остался. Совсем кашу сварил, скоро придут братья. Вдруг за дверью:

— Отворите!

Отворил, видит — мужичок с локоток, а борода с веничек.

— Перенеси меня, добрый молодец, через порог.

Перенёс.

— Посади за стол!

Посадил.

— Что есть в пече, всё тащи на плече.

И этого побил. Рвал-рвал, швырнул на печь и ушёл. Те братья домой возвращаются. Берёзкин хохочет, покачивается.

— Что, брат, угорел?

На третий день Осинкин остался. А он ругаться лютей был. А те двое говорят:

— Убьёт его старичок, нам как досталось, а мы поздоровање.

Вот, конечно, Осинкин, сварил кашу, ждёт. Вдруг за дверью:

— Отворите!

— Надо — отворишь и сам.

Старичок идёт, борода потрясывает.

- Ой, старый леший.
- Перенеси через порог!
- Надо, так сам перелезешь.
- Сам перелез, подошёл к столу.
- Посади за стол!
- Надо, так залезешь и сам.
- Ну, добрый молодец, угощай меня.
- Жрать хочешь, так сам стаскаешь.

Старичок поел. Цапнул бить, а тот его за загривок да давай лупцовать. Лупцовал-лупцовал да как сшибанёт на печь. И сам залез.

- У меня чтоб не шевелиться!

Старичок лежит потрёпанный. Те два пришли, умирают со смеху:

- Что, брат, угорел?
- Я не угорел, нарвал старичка-то.
- Те глаза вылупили.
- Да где же он?
- Пускай я буду у вас большой, скажу, где он есть.
- Ладно, согласны.

Осинкин сорвал его вниз, те его таскать.

- Ребятки, не бейте!

Где там, все трое сошлись, бьют.

— Ой, идите ко мне, надо в море спуститься. Дам волшебное яйцо.

Отпустили его. Он в море и убежал.

- Кому в море лезти?

Никому не хочется. Стали жребий кидать. Досталось Осинкину лезть.

- Ну, ладно, — говорит.

Сделали веревку и в море спустили.

Перед ним медный дом, на медном стуле сидит красавица.

- Ты зачем?

Рассказал всё.

— Старик этот — мой отец. Он скоро придёт и тебя убьёт.

- Да, не сдобровать мне.

Ей жалко стало.

— Иди к моей сестре, она в серебряном доме живёт.

Пришёл, всё рассказал. Она смиловилась.

— Но, — говорит, — не могу тебя сохранить, иди к старшей сестре, она в золотом доме живёт.

Он пришёл к золотому дому, старшей сестре всё рассказал. Она сжалилась.

— Придёт — убьёт ведь. Что делать?

Да, налила ему два бокала крепкой водки, и он стал сильным. А бочки переставила: крепкую — на низ, слабую — на верх. Осинкина запрятала.

Этот старичина является. Сам с локоток, а борода с веничек. Такое чучело! Сел обедать.

— Фу-фу-фу, русский дух садится, в рот катится.

— Что ты, папаша, здесь никого нет.

Вторую ложку ко рту поднёс.

— Давай, сказывай, кто спрятан?

— Ну, Осинкин, выходи.

— Ах, так это ты, Осинкин, рвал меня! Ну, давай силой померяемся.

И хватил две кружки из верхней бочки (она переставила бочки-то).

— Ну, давай, поразгуляемся.

Ну, Осинкин, его порасчехвости, конечно. Если бы не девица — убил.

— Отпусти, — говорит, — я за тебя замуж пойду.

И он согласился. Медный дом обкатал яйцом, и дом уменьшился, что можно вытащить. Дёрнул верёвку, братья дом вытащили. Стали спорить:

— Мне дом, моя невеста.

— Нет, мне.

Разодрались. А девица говорит:

— Не спорьте, там ещё лучше есть.

Вытащили серебряный дом, опять спорить стали.

— Не спорьте, ещё есть лучше.

Как сказала — есть лучше, они и приутихли. Вытащили золотой дом. Всё бросили, хвощат друг друга.

— Не спорьте, там ещё лучше есть.

А там никого, только Осинкин. Она так сказала, чтоб вытащили его. Ну, они потянули. Как увидели Осинкина — раз, и верёвка и он — вниз, обратно. А девица из золотого дома ему перстень бросила. Он вышел, спрашивает:

— Кто перерезал верёвку? — Ну, конечно, один перерезал.

— Вот он.

— Вот тебе медный дом. А тебе — серебряный.

Себе взял золотой. На берегу три дома поставили, и так они зажили и живут хорошо.

14. МАТЮША ПЕПЕЛЬНОЙ

Жил один мужичок. Ну, конечно, бедно жили. Кормиться было нечем. Отец говорит сыну:

— Как хочешь, Матюша, ты вырос, кормиться нечем.

Ну, Матюша и пошёл. Дали ему на дорогу хлеба и отпустили. Шёл-шёл, сутки, двое, трое и всё лесом. Непогодушкой тут хватило — дождь с градом. На дереве гнездо птицы Магус. Он взобрался, пальто сбросил и укрыл птенцов. Когда погода прошла, он скормил весь хлеб им. Сам сел и спит под деревом. Птица налетела, хотела склевать его, а птенцы целы, накормлены. Не тронула его. Говорит:

— Под деревом рой, выраешь банку с живой водой. Два глотка глотни и обратно закопай.

— Так и сделал. Почувствовал силу, не знает что бы своротить.

— Доволен?

— Доволен.

— Ну, иди, от работы не лыняй.

Идёт полем, вдруг царский слуга едет.

— Куда идёшь, от работы лыняешь?

— Нет.

— Пойдём к царю воду возить.

Привёл, а квартирки ему не дали. И вот он стал воду возить. Старушкам, которые ходить не могут, привозил даром.

Такого, говорят, доброго водовоза и не бывало.

Ночевал он в мусорной яме. А тут и пепел выкидывали. Его и прозвали Матюша Пепельной.

Услышал царь, что за морем есть царь Вахромей и дочь его Настасья — красавица. Многие к ней сватались, а возврата не было оттуда. И вот царь захотел ехать сватом к Вахромею. Он построил корабли и стал сватов набирать из начальства. Начальство прячется. Собрал команду из бедняков. Матюша едет с водой.

— Ой, поедem на корабле к Вахромею.

— Не дело ты, царь, задумал.

А царь не смущается. Водовоз Матюша воду свёз, насподобился, пошёл на корабль. Собрались в путь-дорогу. Рано ли, поздно, поехали в царство Вахромея. День был ясный, царь вышел и разгуливает по палубе.

— Мне бы меч теперь хороший.

А Матюша и говорит:

— Будет тебе меч, только не твоей руке сечь.

— Ты что срамно о государе говоришь!

Ладно. Царь опять размечтался.

— Мне бы лук.

— Будет тебе лук, только стрелять не из твоих рук.

Тому ещё коня захотелось.

— Вот бы мне ещё хорошего коня!

— Будет тебе конь, только не тебе ездить на нём!

— Ох, невесту бы мне ещё!

— Будет невеста, только не тебе ею владеть.

Так и режет Матюша в глаза царю. Царь приказал:

— Заковать его!

Приковали его к мачте.

Вот приехали в царство к Вахромею. Царь со свитой пришёл во дворец.

— Я приехал просить руку дочери Анастасии.

— Хорошо, Анастасью я выдам за тебя, только вот в саду у меня дуб триста лет стоит, сруби за один раз. Не срубишь — башка с плеч.

Царь скорее на корабль.

— Девушка не понравилась, и люди плохие, и места тоже. Ставьте паруса, подымайте якоря.

Матюша Пепельный прикован в цепях.

— Эх, ваше величество, не принимайте позора, в тёмную ночь бежать ладите.

— Ах, ты, собака!

— Лучше я помогу вам.

— Освободите его!

И начал опять уж хвалить место, и дочка царская стала хороша. Матюшу расковали, он говорит:

— Принесут меч, ты скажи: «Этой бабушкой у нас дети играют. Самый слабосильный мой слуга дуб срубит».

Ну, он гоголем во дворец явился. Там меч приготавливают: тридцать богатырей его несли. Царь думает: «Мне его и не поднять».

А вслух говорит:

— Ой, у нас только ребятишки таким играют. — И к Матюше: — Ну, возьми самой малой силёнкой!

Матюша вышел, взял меч, швырнул — дуб в щепки. Весь разбил. Анастасья даже зарделась. Дескать, сколько сватов было, никто не мог. Ещё маломощным этого зовёт! Царь — на седьмом небе от радости.

Вахромей говорит:

— Вот, если ты хочешь Анастасью взять, завтра принесут тебе лук: сбей у брата в соседнем государстве макову купола, чтоб только людей не повредить.

И послал гонца. Царь опять тягу. И вот, когда пришёл на корабль, Матюша ему говорит:

— Я тебе, ваше величество, говорил: будет меч, да не в твоей руке будет сечь.

А царь опять бежать хочет.

— Эх, ваше величество, не бери позора, я выручу, сшибу маковку.

— Дайте ему водки.

Матюша научил:

— Когда лук и стрелу принесут, ты скажешь: детская эта бабёшка. Малосильный пускай выстрелит.

Вот пришли во дворец. Приготовились. Пришли три богатыря, лук принесли, положили. Царь поглядел:

— Нет, я не буду, у меня самый малосильный пускай выстрелит. Я рук не буду марать.

А ему и не удержать.

Матюша взял, как брякнет!..

Вечером гонец приехал:

— Купол сшиб.

Матюша еще раз выстрелил, да как лук хвостанет — весь в щепки. А его три богатыря несли.

Царь и расхвастался:

— У вас народишко добрый, да малосильный.

— Ладно, — говорит Вахромей, — я отдам Настасью, только нужно коня объездить. Тогда к венцу...

Царь задумал опять удирать.

— Стану я на бешеной лошади ездить!

А Матюша опять говорит:

— Ваше величество, не бери себе позора, я выручу.

— Дайте Матюше водки!

Опять пошли. Тридцать богатырей вывели коня. Куды, разве может он! Смотрит на Матюшу.

— Дайте малосиленькому: я хребтину сломаю.

Матюша сел — конь пошатнулся, все глаза выпучили; думают: а если сам царь сядет? Матюша взял цепь, поскакал, загнал коня в пески, много пены согнал. Конь оглянулся:

— Слушай, я повинуюсь.

— То-то, на тебя потом царь сядет, так ты не беги, а по щитки в землю уйди.

Прискакал обратно. Посадил царя — конь по щитки в землю ушёл, потом пошёл тихонько. Царь говорит:

— Не надо мне шваль, я на таких не езжу.

Делать нечего — все задачи выполнил.

Приготавливаются к венцу. Настасья-богатырша поехала. Когда обвенчались, стали пировать, она его испытала — руку сжала. Он глаза вылупил. Смекнула, кто делал, она ведь сама богатырша была.

— Ну, ладно, сумел обмануть. Придётся перебраться на корабль.

И она поехала с ним. А Матюше Пепельному царь недалеко от берега сулил город, а наутро вздумал убить: отдавать жалко стало. Приказал отрезать ноги и кувырнуть в море. Матюша ноги схватил и на берег выплыл, ноги выкинул. А двинуться не может. Видит, идёт человек высокого роста и ковыряется: слепой.

— Эй, не видишь — море!

— Не вижу.

— Иди сюда!

Он подошёл.

— Ищу целебную воду.

Матюша говорит:

— Я знаю — где, только мне не сойти отсюда — ног нет.

Великан говорит:

— Я снесу, только дорогу указывай.

Пошёл он, понёс Матюшу к дереву, где птица Магус. Выкопали банку с целебной водой.

— Умойся.

Стал видеть.

— Теперь ноги мне присади.

Ноги сделали, пошли вместе. Дали слово быть друзьями. Подходят к городу, где царь жил, идут полем, вдруг видят — царь коров пасёт триста голов.

— Ой, Матюша, выручи, — жёнушка не даёт покою.

— Я, — говорит, — добро тебе сделал, ты мне много обещал за коня, лук, а чем заплатил? Уходи из этой деревни, а то прихлопну.

Царь от коров убежал и спрятался. А Анастасья ждала Матюшу Пепельного. Знала хорошо, что его сбросили в море, но всё-таки его ожидала. Матюша является в город, слух разнёсся. Анастасья того и ждала, дала знать. Он явился во дворец.

— Вот он, Матюша мой!

Народ его восстановил царём. А тот-от и сейчас коров пасёт.

15. БОГАТЫРЬ

В одной деревнюшке жил один старик дряхлый, лет семидесяти. Поехал он в поле пахать. С вечера было холодненько, он кафтан надел. Стало припекать, он кафтан скинул. А тут овода налетели. Он как бякнет кафтаном. Убил пятьдесят оводов и пятьсот мух. Ну, — думает, — значит у меня силёнка. Одним махом пятьдесят богатырей и пятьсот войск убивахом. На кой мне с пашней!

Пахать не стал, приходит домой.

— Старуха! Мне ленту вышей: «Одним махом пятьдесят богатырей и пятьсот войск убивахом».

— Полно, старый дурак.

— Говорю тебе, глупая, вышей.

Старуха приступила к работе, вышила ленту, пришила на спину, на армяк.

— Напеки подорожников.

Напекла подорожников, коровай положила в мешок. А у него косарь был худой, весь в зазубринах. Подпоясался кушаком красным, пихнул косарь и отправился в дорогу.

Куда поехал и сам не знает. Плетётся помаленьку. Хлеб есть — так что.

А за ним ехали, действительно, два богатыря. Прочитали ленту — не смеют к нему подъехать. А кони у них добрые; шажками, а догнали. Делать нечего. Поздоровались.

— Здравствуй, могучий богатырь.

— Здорóво, ребята.

— Возьми нас в товарищи.

— Ну, вставай. Один по левую, другой по правую сторону. — Думает: «Хоть поддержат, не упасть бы».

Поехали.

Он распоряжается, они слушают.

— Давай ночевать.

А у него с собой ничего нет. Те раскинули шатёр.

— Иди к нам в шатёр.

День, другой в шатре живут. Царь из своего окна их заметил.

— Что это без моего разрешения шатры поставили?

Послал гонца. Гонец приезжает, спрашивает:

— Где главный богатырь?

Старик признался:

— Я приехал забрать ваше государство.

Гонец отправился, докладывает царю:

— Три богатыря приехали забрать наше государство.

Царь войска нагнал видимо-невидимо. Наутро — бой. Знают два богатыря, что будет, заснуть не могут, а старик как топнулся, так до утра. Эти рано поутру встали, разбудили его.

— Встань, погляди, сколько на нас войска-то выставлено.

Он вышел, а ничего не видит, — глаза-то плохие. Они ему:

— Вон, вон!

Он ладони к глазам поднёс и говорит:

— Ой, с этими вы и без меня управитесь.

Такой оптик — куда пойдёт! Те парни не посмели перечить. Дрались до ночи, победили всё-таки. Приезжают.

— Поздравь нас.

— Молодцом, ребята. Я говорил, что без меня управитесь.

Узнал царь, послал гонца:

— Чем всё войско губить, пусть у меня богатырь и у вас богатырь на поединок выйдут.

Дело-то доходит до старого. А старик и не думает, что завтра ему смерть. Всю ночь дрыхнет, хоть бы что. Его богатыри будят:

— Вставай, наш могучий богатырь, пора!

Он встал, завтрак изладили. Пошёл одеваться. Красным кушаком подпоясаясь, косарь засунул. Один богатырь не стерпел, говорит:

— Возьми мой меч.

— Зачем? Попадёт, так и этим изрублю. (Ему не поднять меча-то).

Подошёл к лошади, садится. Другой богатырь не стерпел:

— Возьми моего коня.

— Зачем? Я и на кляче съезжу.

Отъехал, оглянулся, — и шатра не видать. Остановился, пояс снял, повязал глаза, чтобы не видеть, как зарубят его, поводья опустил, в гриву коня уткнулся. Смерти ждёт. Но тут повязка развязалась. Смотрит вперёд, а тот тоже полотенцем глаза завязал, тоже смерти ждёт. Старичонка с

лошади свалился, кое-как подскочил к нему и хрясть косарём. Сшиб, повалил, насел и дубасит косарём. До мозгов додолбил, убил.

На коня сесть не мог. За подуздок взял, повёл. Приходит.

— Поздравляйте меня с победой!

Поверили ему. Действительно, богатырь! Действительно, забрал государство, заделался главным царём. За старухой послал шестёрку коней. Говорит:

— Скучно мне. Чтобы здесь была.

16. МУЖИК И ЧОРТ

В одной деревне жил мужик. Жёнка у него была здоровая, а сам тощенький. Жена его колотила-колотила. Однажды он просидел у соседа. Она взяла полено и давай колотить, он вырвался и кругом дома побежал. Она за ним. Он — раз под бревно. Жёнка пробежала, не увидела. Он слышит — ещё кто-то ползёт.

Щупает — человек лежит:

— Кто?

— Я.

— А ты кто?

— Я.

— Да кто же ты?

— Чорт.

— Я от жёнки.

— Да и я от жёнки.

— Что делать будем?

— Вот мне, — говорит, — жёнка рог сломала, я домой не пойду.

— Пойдём вместе путешествовать.

Ходят день, второй, третий, неделю. Хлеба не достали, не работают и не воруют. Голодом плохо жить. Чорт говорит:

— Ты заделайся лекарем, а я буду ходить к богатым помещикам, царям, графьям, князьям. В утробу заберусь и буду мучить. Они не умрут, болеть будут. А ты лечи. Пошепчи чего-нибудь для вида, я и вылезу.

И вот они денег насобирали много.

— А теперь пошли домой, жёнки нас с деньгами примут, — говорит чорт. — Но прежде давай деньги делить.

А мужичку жалко денег стало.

— Нет, я тебе, чорт, не дам денег.

— А почему?

— Я заработал.

— Если б не я, ты б денег не получил.

— Не дам. А если ты полезешь, тогда рог тебе последний сломаю.

А чертёнок был слабый, малосильный. Идёт, заплакал осердился.

Мужик отдал жене все деньги.

Жёнка посмотрела — денег много: «Милый такой».

На печке мужик лежит, в потолок поплёвывает. Такой мужик для бабы хороший стал — на божницу посадить и богу молиться!

А чорт ухитрился и дочке короля в утробу забрался. Дочка молодая, самая любимая. Ходит и плачет.

— Ой, папочка, всё хуже и хуже.

Все доктора, профессора лечили — не могут вылечить. Один говорит:

— Ваше королевское величество, вот в такой-то деревне мужичок-лекарь хороший.

Царь и говорит:

— Ой, и верно, я и забыл. Давай запрягай тройку.

Приехали к мужику гонцы.

— Ну, мужик, собирайся, поехали к королю, дочку лечить.

— Что вы, что вы! Я не знаю, я тёмный мужик. че могу я.

Он догадался, что там чорт.

Привезли его всё-таки к царю.

— Вот вылечи дочку. Я заплачу.

— Ой, что вы, я ничего не знаю, деревенский человек.

— Что такое? Графьёв лечил, генералов, а мою дочку не хочешь! Даю трёхдневный срок.

Он задрожал, заплакал, шепчет:

— Чорт, выйди, я тебе половину денег отдам.

— Нет, не выйду.

— Чорт, выйди, все деньги отдам и три года на тебя работать буду.

— Нет, не выйду.

Остаётся до срока два часа. Пришёл король.

— Ну, как доченька?

— Ещё хуже.

Мужик сел и ревёт на койке. Плакал, плакал, да как заорёт во всю глотку;

— Ой, чорт, жёнка идёт!

Как чорт оттуда выскочит, через раму, косяк сломал!
Вот как жёнок-то боялись они.

Чорт так и убежал в Японию. Там сейчас самодержавие.

17. БЫЛИЧКА

Жили-были два брата — один сильно бедный, а другой богатый. Приходит святая пасха. У бедного-то не то, что чего есть, так огонька засветить нету. Думает: «Пойду я у брата попрошу хоть уголька засветить огонь». Приходит:

— Брат, дай мне уголёк засветить огонь.

— Есть вас тут. Уголье-то мне и самому надо.

Заплакал брат и пошёл. Идёт, видит — огонь на поле.

— Пойду я, попрошу уголька.

Приходит он в поле. Сидит тут старичок.

— Здорёво, дедушка, дай мне уголёк развести огонь.

— Подставляй балахон-то, я тебе и нагрёбу уголь-то.

— Но, дедушка, у меня один только балахон!

— Давай, ничего не сделается.

Снял мужик балахон. Нагрёб ему дедка уголья столько, что он насилу домой снёс. Свалил на пол, видит — золото.

«Пойду я к брату, попрошу малёнки».

Брат богатый и говорит:

— Баба, что он станет мерить? У него ведь и зерна-то нету.

— Давай-ка мы намажем смолой дно-то малёнки, так и узнаем, что он будет мерить.

Вот мужик смерил золото (намерил он три малёнки) и понёс малёнку брату. Пристала ко дну монета, золотой.

Вот богатый глядит:

— Где же он денег взял? Давай-ка мы его, баба, созовём в гости, так он нам и скажет.

Вот они пришли звать его в гости:

— Брат, пойдём к нам в гости, у тебя, ведь, есть нечего.

Заплакал брат от радости и пошёл. Богатый спрашивает:

— Где же ты золотишко-то взял?

— Да я-то у вас был за угольем, вы мне не дали. Я пошёл в поле, увидел пожок; подошёл, там сидит дед. Я у него попросил уголья. Он столько мне нагрёб, что я насилу и домой принёс,

Богатый мужик говорит бабе:

— Баба, принеси мне новый балахон, он большой — так я ещё не столько принесу.

Вот пошёл он в поле. Видит — сидит старичок.

— Дедушка, дай-ка мне угольков.

— Давай балахон, стели.

Он и подостлал балахон-то.

— Придёшь домой, так клади-то на сарай, в сено, а то украдут.

Пришёл мужик домой, принёс уголье, положил на сарай. Только в дом, слышит — кричат:

— Горим, горим!

Посмотрел, а у него уже двор-то и сгорел!

Пока они тут бегали, у них уже и дом сгорел. А бедный-то брат стал жить таким-то богачом, — богаче его нет.

18. БЕЗЗАБОТНЫЙ МОНАСТЫРЬ

Это, конечно, дело было в исторические годы, ещё при Петре Первом, давным-давно. Близко города Петербурга явилась явленная икона, и на этом месте возобновили монастырь и собрали монахов. Как они начали там жить, нужно было дать название монастырю. Сделали собрание — заседание, по какому угоднику дать название?

— Какой есть интересный угодник?

Думали, думали, никакой не подходит.

Однажды игумен встаёт утром, идёт к монахам-братьям и говорит:

— Я придумал кличку — беззаботный монастырь.

— Как так?

— А нам об чём заботиться? Рыбы хватает, хлеба хватает, молоко есть (а мяса им не разрешалось). Богомольцы ходят — деньги носят.

Все решили: правильно. Дали объявление: «Монастырь беззаботный».

Пропечатали статейку в «Русском слове» (там всегда раньше печатали), что беззаботный монастырь возобновился около Петербурга. По всему свету пошло.

Эта газета попадает к царю Петру — видит статейку и думает: «И какой же был святой беззаботный? Все святые заботились. Пойду узнаю, решу этот вопрос».

Жеребца седлает, одевается, поехал в ту сторону. Едет в простой одежде, тогда проще было. Едет деревней, при-

езжает к этому монастырю. Видит — монастырь большой, богатый. Тогда хорошо монастыри жили. Игумен в годах уже глубоких, в вуале, митре, кресте золотом с бриллиантами и золотой крест на посохе. Игумен увидал и признал, что это Пётр, царь.

Поздоровались.

— Вы кто, батюшка, будете?

— Я игумен.

— Какое название у монастыря?

— Беззаботный, господин Пётр.

— А какому это угоднику? Ведь такого угодника нету?

Игумен задумался.

— Да мы так дали, ведь забот у нас нет. Мы гуляем, пьём, едим. Богомольцы ходят — деньги носят, вот и беззаботный монастырь.

— Так-то, так, но это неправильно. Монастырь этот надо разогнать. Вот если три загадки отгадаете, тогда оставлю. Я заставляю, чтобы ты заботу нашёл.

И начал загадывать:

— Во-первых, сколько на небе звёзд сегодня ночью? Во-вторых, сколько я стою? И третья загадка — что я думаю? Завтра в десять часов я к тебе приеду.

Ну, он братьев-монахов собрал много. Игумен задумался; верно, беззаботный стал задумываться.

Братья собрались, гадали целую ночь. Звёзды — туда-сюда, можно сосчитать, а других не отгадать. Игумен наутро решил на самоубийство.

— Лучше сам себе нарушу жизнь.

Часов в восемь утра подходит к мельнице (большая водяная мельница была) и хочет в плотину броситься. Молится.

А у мельника был работник, идёт и видит: поп хочет в плотину броситься.

— Что ты, батюшка?

— Ой, Гришенька!

— А в чём дело?

— Хочу жизнь нарушить.

— Да что ты! Чисто живёте, хорошо едите и нарушаете жизнь! У меня ничего нет, всё проживаю и то не хочу нарушать жизнь, а у тебя всё есть.

— Мне надо три загадки разгадать. Через час царь придет, мне голову отрубит.

Работник говорит;

— Плёвое дело эти загадки. Четвертинку вина поставь — я выручу тебя.

— Мы всю ночь думали, не отгадали.

— Отгадаю!

— Вот тебе сто рублей.

— Научить тебя нельзя — провалишься. Я сам буду отвечать. Давай, надевай мою мельничную одежду, а мне давай свою.

Гришка работник посох взял, митру надел, бородку приклеил подходящую, надел его одежду.

— Где вас ждать?

— Здесь. А ты садись в крыжовник, в малинник.

Ходит по дорожке, молится. Смотрит, — царь подъезжает. Поздоровались.

— Ну, как, игумен, отгадал мои загадки?

— Как же, как же, отгадал.

— Сколько звёзд сегодня на небе?

— Сколько звёзд? На юг — семьдесят три, на запад — сорок восемь, на север — девяносто.

— Ой, обожди, стой. А почему так мало?

— А я вот на восток ещё не сказал. А почему мало — сегодня все святые запьянствовали, забыли свечи зажечь, горят всё огарки, а он долго ли горит — гаснет.

— Ну, правда. А сколько я стою?

— Сколько вы стоите? Два с полтиной.

— Почему так дёшево?

— Да ведь как же. Ведь как ни говори, а ты царь земной, да ещё над одной Россией. А был царь небесный, надо всем движимым и недвижимым, а Иуда его за тридцать серебрянников сатане продал. А тебя уже можно на пятьдесят подешевле.

Царь подумал-подумал; верно. Если небесного царя продали за столько. Ладно, хорошо, согласился.

— А что я думаю?

— Вот вы думаете, что я игумен, а я работник с мельницы, а игумен вон в крыжовнике.

Игумен выходит грязный, в мучной одежде.

— Тыфу, чорт вас возьми с вашим беззаботным монастырём.

И ускакал царь назад. И так пословица идёт с тех пор — беззаботный монастырь.

Так Гришка игумена выручил и жив остался. Ещё бутылку вина получил да сто рублей денег,

19. ПЁТР И МЕНШИКОВ

Вот поехал раз Пётр I на охоту. Едет на лошади и как-то потерял подковку. А лошадь у него была богатырская. Без подков нельзя ездить.

Подъезжает он к одной кузнице и видит — там куют отец с сыном. Паренёк у кузнеца что надо.

— Вот что, — говорит, — подкуй мне лошадь.

Сковал парень подкову, царь за шипаки и разогнул.

— Стой, — говорит, — это не подкова. Она мне не годится.

Начинает он ковать другую. Взял Пётр и вторую разломил.

— И эта подкова не ладна.

Сковал он третью. Пётр схватил раз, другой — ничего не мог сделать.

Подковали лошадь. Пётр подаёт ему рубль серебряный за подкову. Берёт он рубль, на два пальца нажал, рубль только зазвенел. Подаёт ему другой, — и другой тем же манером.

Царь изумился.

— Вот нашла коса на камень.

Смекнул, достаёт ему пять рублей золотом.

Поломал, поломал парень — не мог сломать. Царь записал его имя и фамилию. А это был Меншиков. И царь как приехал домой, так сразу его к себе и призвал. И стал он у него главный управитель.

20. БАРИН И РАБОТНИК

Жил барин. К нему пришёл мужичок наниматься.

— Найми меня, барин, в казаки. Я всё могу делать — кучерить и поварить.

Барин спрашивает:

— А как твоя фамилия?

— Имя и фамилия моя вместе — Сысой Косой.

Так его и звали все — Сысой Косой.

Вот призвал его барин в свой кабинет и приказал:

— Сысой Косой, свари мне два яйца. Увари и не перевари.

Сысой Косой варил, варил — ничего не знает, как уварить и не переварить. Взял и съел одно, а другое несёт барину на тарелке,

Барин глядит и говорит:

— Что я тебе велел? Я тебе велел два яйца сварить, а ты принёс одно.

— А я сударь попробовал.

— Как так попробовал?!

— А вот так.

Взял Сысой Косой и второе яйцо съел.

Барин на него ногами затопал, зубами заскрипел.

— Уйди прочь!

Погодил немного и опять зовёт:

— Сысой Косой, сходи на базар, купи мне шапку с уха на ухо.

Дал ему пять рублей денег. Он пошёл, купил шапку и надел с переда на затылок. Идёт, лбом тряхнёт, шапка со лба на затылок перескочит.

Увидел барин в окно.

— Эка косая собака! Я велел купить шапку с уха на ухо, а он не послушал и купил со лба на затылок.

Приходит Сысой Косой.

— Почему ты мне купил такую?

— А те, барин, дороги.

— А почём же?

— Да десять рублей.

— На ещё пять, а эту отнеси.

Вот вышел Сысой Косой за усадьбу, передел шапку с уха на ухо, идёт, головой тряхнёт, шапка с уха на ухо перескакивает.

Увидел барин и говорит:

— Эка шапка интересная. Ничего, что стоит десять рублей, зато хорошая.

Потом опять зовёт Сысой:

— Свари мне такого кушанья, которого я ввек не едал.

— Хорошо, барин.

Задумался Сысой. Сошёл вниз — видит: стоят бариновы козловы сапоги. Вырезал подошвы, мыл, мыл, наклаал яиц, масла и сварил кушанье превосходное.

Снес к барину.

— Вот так кушанье. Век не едал такого. Где ты взял?

— А съешь, так потом узнаешь.

Съел барин: «Хорошее, — говорит, — кушанье».

В воскресенье утром зовёт барин Сысойку:

— Сысойка!

— Что, барин?

— Неси мне енотовую шубу, шапку с уха на ухо, одевай меня и вези в церковь.

Приносит он одежду. Стал барин сапоги надевать, ноги и проскочили.

— А это что?

— Да вы же сами скушали.

Делать нечего, надел барин худые сапоги и поехали.

Вот барин и говорит:

— Ну, Сысойко, ты на меня не смотри, я на тебя сердит очень.

А ехать было через ручей.

Сысойко едет, едет, а сам потихоньку шкворень выдёргивает.

Въехал в ручей и выдернул его совсем. Кузов-то и выпал в ручей. Барин орёт:

— Сысойко, Сысойко!!!

А он:

— Нет, барин, не наряжен смотреть!

Вот барин и теперь сидит.

Кто мою басню слушал,
Тому соболь да куница,
Да красна девица,
Да карий мерин,
Да сладкий пряник.

21. БАРИН И СЛУГА

— Здравствуй, барин голый.

— Здравствуй, Афонька малой. Принеси-ко мне стакан водки алой, — говорит барин.

— А где бы я взял?

— Вон там в подставе.

— Какой там чорт поставил. Я все четыре обошёл и ничего не нашёл...

— Но где же ты пропадал?

— Да у богатого мужика в овине был, — говорит Афонька.

— Чего ты там делал?

— Кашу варил.

— В чём ты варил там?

— В ведре.

- Что такое, мне плохо слышится?
- В котле, глухой барин.
- Велик ли у тебя котёл-то был?
- Да в сорок вёдер.
- Как ты в нём варил?
- Я перегородил, да и варил: одну половину мусору набил, а в другую пшена навалил.
- Какова у тебя каша была?
- Попробуйте, батюшко-барин.
- Ах, ты, сукин сын, заставляешь барина кашу пробовать. Какова же у ты была, спрашиваю?
- Расхлебашься, батюшко-барин.
- А как бы у ты овин-то загорелся?
- Да что, я вышел бы, да и погрелся.
- Кабы вспыхнул вдруг?
- Я поел бы, да остатки в огонь — бух...

Афонька ушёл. Барин думает про себя: «Экая какая моя участь — мундира нет, брюки совсем порвались, а староста нейдёт и оброку не несёт...».

А Афонька переоделся, да тут как тут.

— Здравствуйте, батюшко-барин.

Барин не узнаёт и спрашивает его:

— Чей ты, сукин сын?

— Я староста ваш.

— Какого поместья?

— Села Помела, деревни Веникова.

— Да, действительно, это моё поместье. Каково там мои крестьяне живут?

— Хорошо, батюшко-барин, на семь дворов один топор...

— Что такое говоришь, мне плохо слышится?..

— По семи топоров у каждого крестьянина!..

— Да, от прожитку нужно иметь семь топоров крестьянину... Ну, каков год? Каков урожай?

— Хорош, батюшко-барин. Колос от колосу — не слышать человеческого голосу, сноп от снопа — неделя езда, суслон от суслона — как от Москвы до Ростова.

— Что такое говоришь, мне плохо слышится?

— Эх, глухой барин, колос на колосе, сноп на снопе, суслон на суслоне!

— А каков примолот был?

— Хорош, батюшко-барин: мы молотили тридцать дён, а намолотили одно решето.

— Что такое говоришь, мне плохо слышится?

— Мы молотили, говорю, тридцать дней и всё по тридцать четвертей...

Барин думает: если молотили тридцать дней, да по тридцати четвертей, то у каждого крестьянина хлеба должно быть целый магазин, говорит:

— Ну, давай, староста, оброк.

— Эх, батюшко-барин, оброк-го я потерял.

— Врёшь, сукин сын!

— Верно, барин, потерял.

— Винись, подлец, ты ведь пропил?..

— Верно, батюшко-барин, я пропил: была погода-то ясная, солнышко печёт, а дождик так и сечёт, я задел за сушок, привернул в кабачок, выпил на пятачок, закусил на копейчку, закурил папиросочку... Пожалуйста, батюшко-барин, три копейки — шапку выкупить.

— Эх, он, сукин сын, не то что — оброк не привёз, а ещё с барина три копейки требует. Я тебя, подлеца, сейчас в солдаты запишу.

— Нельзя ли, батюшко-барин, в офицеры?

— Ах, ты, сукин сын, ведь воля-то не моя, а царская.

— Да лучше бы в офицеры, легче служить, говорят.

22. ПРО НАЗАРКА

Жил бедный Назарка. Домёнка у него был худой, скотины не было. Потом он решил продать и домик. За десять рублей продал и пошёл в Чёбсару¹⁾ к Калякину в кабак.

Отдал все десять рублей Калякину и сказал: «Ты мне подавай, а когда деньги кончатся, мигни мне». А на десять рублей сколько можно было выпить — по две копейки бутылка. Заказал бутылочку водки, рыбник и всех поит.

Приходят три попа, потом из извозу приехало мужиков двадцать:

— Хозяин, дай им чаю, я заплачу.

Вот попы глядят: шикаует Назарка.

Хозяин мигнул: кончается, мол. Назарко подошёл к хозяину, шляпой помахал:

— Хозяин, в шляпе квито! — и к выходу.

Попы переглянулись: шляпа-то какая у Назарки!

¹⁾ Чёбсара — посёлок Вологодской области, в настоящее время районный центр.

— Эй, Назарка, погоди!

— Чего вам?

— Продай шляпу.

— Что вы! Видели, как я рассчитался?

Не отстают попы:

— Продай шляпу!

— Ой, не знаю, сколько за неё и взять. Ну, ладно — по двести рублей с брата!

Шестьсот рублей заплатили. Назарко деньги в кошелёк. Пришёл, домик купил, лошаёнку купил, живёт себе припеваючи.

Попы не пошли в Чёбсару, приезжают в Вологду, пошли в «Золотой якорь», шикарный ресторан.

Всем трём нельзя идти сразу.

Один поп пошёл. Он набрал всего рублей на сто. Помахал шляпой:

— Хозяин, в шляпе квито!

Тут его схватили:

— Что ты, дьявол долгогривый, не платил ни копейки!

Схватили его, оттрепали и книзу головой спустили под лестницу.

А те два попа ждут.

— Ну, как?

— Ой, добро, ребята! (Ему обидно, что этим-то не досталось).

Другой пошёл. Набрал вина и закуски рублей на двести.

— Хозяин, в шляпе квито!

— Да что это! И другой нашёлся!

И этому наподдавали. Выкатывается, а первый-то хохочет. Такая шляпа изладилась!

— Ну, что, как, брат?

— Добро нагулялся!

Двое нагулялись, надо и третьему.

Третий ещё больше набрал всего. Подходит к прилавку:

— Хозяин, в шляпе квито!

— Да что, — говорит, — конец-то будет?!

И этого оттрепали, вниз головой под лестницу спустили.

Поддали им, хорошо попало. Все трое собрались:

— Пойдём, убьём Назарку.

Приехали домой, собрались Назарку бить.

Назарка видит: идут попы.

А он клячу купил. На навоз серебра набросал. Сидит, выбирает серебрушки.

— Бог помощь, Назарушка! (Про шляпу и не спрашивают).

— Чего делаешь?

— А вот, купил лошадь, а она серебром оправляется. Вот уж три рубля набрал.

— Продай нам!

— Да как я продам, вот сидя триста рублей наберёшь.

— Продай!

— Да что вы! В жерёбе лошадь.

Ну, сговорились за восемьсот рублей.

Тот, кому первую ночь коня держать, дал ему меру пшеницы, зерна насыпал.

Поп сидит в углу, ждёт. Вот лошадь хвост оттянула — поп полу подставил, повалилось. Потом и шляпу подставил. Прибежал в избу — прямо на стол:

— Иди, попадья, ищи.

Как они ни рылись, ничего не нашли, кроме зёрен.

Все три попа попробовали и решили убить Назарку.

А Назарка женился за это время и знал, что его бить придут попы. Надул пузырь, налил крови и привязал его бабе под левую руку. Плётку достал, что на стене висела.

— Я буду заставляю самовар ставить, ты не хоти, в тебя ножиком шаркну, ты свались.

Попы идут:

— Садитесь, садитесь, дорогие гости, ну-ка, давай, ставь самовар.

— Неохота, ну тебя!

— Ой, такая сякая, я тебя!

Ножиком её в пузырь, она — на пол.

Упала, кровь потекла. Попы глаза вытаращили: заколол бабу.

— Ничего, ничего, сейчас шёлковая будет.

Схватил плётку и давай стегать бабу, а она как закричит:

— Сейчас поставлю, сейчас самовар поставлю!

Попы глядят: что такое, баба как шёлковая бегаёт!

И попам захотелось выучить своих матушек.

— Продай плётку!

— Нет.

— Продай, по пятисот рублей дадим.

Назарка согласился. Вот один поп приходит домой в непоказанное время. Кондратьевский ножик, хороший такой, лежит.

Он рычит:

— Напеки-ка блинов.

— Да что ты, уж девять часов!

— А, ещё не слушаешься. Ты у меня не станешь?

Как саданул ножиком, а потом плёткой стегать, но так она и не встала.

Тут и заревел:

— Ох, бабу зарезал.

Выучил! Ему обидно стало, он другим и не сказал. И все три попа зарезали своих матушек.

А Назарка не мог больше придумать ничего. Взял дубинку и всех трёх попов убил. Одного попа в угол посадил, а других в подпол.

Кричит соседу:

— Филька, зайди ко мне вечером.

Зазвал Фильку.

— Давай, Филья, я угощу. Попа я убил, стащи его в Вологду, в реку.

Схватил тот, баянул его туда в прорубь.

Пока он ходил. Назарка вытащил другого, в угол посадил.

Филька является:

— Ну, как, стащил? На, выпей.

Тот выпил много.

— Парень, ты его утащил, а он вот стоит!

— Да как он, дьявол!

Царапнул этого и стащил.

Прибегает бегом, чтобы успеть быстрее. Дверь отворяет, а он сидит в углу.

— Слушай, да ты камень привяжи.

Филька царапнул этого, камень привязал, да жердью под лёд и пихал всю ночь.

Смотрит утром — священник идёт заутреню служить.

— Ах, ты опять здесь?

Он и живого попа цап и потащил.

Тот верещит, насилу народ отнял.

Всё-таки этого спасли.

23. ПОП И РАБОТНИК МИТРОШКА

В одном приходе жил когда-то поп с попадѣй. Сами они не работали, нанимали рабочую силу. Однажды поп говорит матушке:

— Надо работника обрядить¹⁾).

Запряг лошадь — в городское место поехал. По дороге попу человек попадается.

— Куда, свет, идёшь?

— А иду батрачить по белу свету.

— В работники не наймёшься ко мне?

— А почему не наняться?

— Иди ко мне!

Ну, он и пошёл.

— А как зовут тебя?

— Моё имя Митрошка.

Самое хорошее имя. Приходит поп к матушке и говорит:

— Ну, работник хороший, видать, плотный.

Вот встают утром:

— Пойдём в лес дрова рубить.

Сели завтракать. Попадья Митрошке малое блюдо подаёт.

— Что мне такое блюдо даёшь? Мало.

Роздали хлеб — всё мало. Коровай — мало, вторую порцию съел — мало, всю похлёбку съел. Хлеба больше нет.

«Я работника нанял, а кормить нечем», — думает поп.

И пошёл по всему приходу собирать хлеб. Накормил работника, тот выпил сорокаведёрную бочку воды.

Пошли в лес дрова рубить. Поп говорит:

— Вот тебе топор, работник.

— Мне надо большой, этот не годится.

Топора нету такого. Тогда работник давай деревья ломать. Пока поп топором одно рубил, тот наломал чортову тьму. Поп говорит:

— Работник хороший, да не прокормить его.

А уговор был такой: «Если ты, работник, вперёд откажешься, то не платить тебе. А если я вперёд откажу, то денег много дам». Поп с попадьей советуются: что делать?

— Давай пошлём в лес, будто корова убежала, искать.

— Митроша, иди в лес, бурая коровка убежала.

А там, в лесу, медведица была. Идёт работник по лесу, кричит:

— Коровушка-бурёнушка, коровушка-бурёнушка!

Медведица услышала, схватила его.

Он взял её за шиворот, поволок домой. Поп с попадьёй увидели:

¹⁾ Нанять.

— Митроша, брось. Это медведица, не корова.

— Ты что, не узнал, какая медведица?

Привёл её на двор. Утром проснулись — она всю скотину съела. Заревели поп с попадъёй.

Как отказать? А отказать надо.

— Пошлём на мельницу его, там черти водятся в болоте. Пусть его работает на чертей.

— Митроша, съезди на мельницу, намели муки.

Он запряг медведицу, поехал. Приехал на мельницу, стучит:

— Черти, отворяйте!

— Кто там?

— Я, Митроша.

Черти выскочили. Митроша схватил главного сатану и ну трепать.

— Давайте, чертенята, мелите, пускайте жернова.

Митроша муки намолот. Ведёт чорта домой. Поп с попадъёй испугались: что делать?

— Пошлём его к царю. Скажем, что царь нам задолжал.

Митроша приезжает домой. А поп ему говорит:

— Вот, Митроша, пока ты уезжал, мне царь задолжал сто рублей. Приезжал лечиться, а мелких денег-то и не было. Съезди, возьми. Я ему говорил, что ты у меня в работниках.

Запряг Митроша чорта и медведицу, поехал.

Царь сидит на балконе, смотрит в бинокль:

— Что такое едет на двуколке через поле? Что за нечистая сила?

Царь испугался, часовые убежали с постов.

А Митроше то и надо.

— Ваше императорское величество! — говорит. — Давайте мне сто рублей.

— На, на, вот тебе на чай ещё пять рублей.

Приезжает домой.

— Вот тебе, батюшка, сто рублей.

Поп с попадъёй и не знают, что делать.

Попадья говорит:

— Давай убежим в лес недели на две. Может, он уйдёт.

Сухарей два мешка насушили. А Митроша узнал, из одного мешка сухари высыпал, сам залёг, а по бокам натыкал сухарей.

Ночью попадьа проснулась:

— Батюшка, Митроша спит, побежали.

Попу достался мешок с Митрошей, попадье — с сухарями. Бегут, а он из мешка кричит:

— Эге-гей, догоню!

Они ещё шибче припустили. Бежали, бежали, измучились. Видят, озерко небольшое. Легли отдыхать. Митроша потихоньку вылез из мешка, снял с попа подрясник, взял шляпу. У попадьи с того боку лёг. Попадью будит:

— Попадья, смотри, Митроша рядом лежит.

— Ой, батюшки, Митрошка!

— Давай его в воду сбросим.

Взяли, раскатали и в воду. Он кричит:

— Я — батюшка!

Так у них дело и разошлось. Митроша и остался хозяйничать в этом доме.

24. КАК СОЛДАТ БАБУ ОКРЕСТИЛ

Шёл солдат в отпуск домой. Попал ему монах навстречу. Вот солдат и говорит:

— Давай, батюшка, сменяем ризу на шинель.

Монах подумал: «На что мне с тобой меняться?».

Солдат говорит:

— Я тебе целковый дам в придачу.

Тогда монах говорит:

— Ну, давай, сменяем, бог с тобой.

Сменяли. Вот солдат надел монашескую ризу и пошёл. Заходит в одну деревню, в крайнюю избушку. Попросил попить у бабы и спрашивает:

— Скажи-ко, матушка, как звать-то вас?

— Дарьей, батюшко.

— Ой, говорит, какое имя у вас худое, то ли дело — Марья.

— Так что, батюшка, сделаешь, — как поп нарёк, так и кличут теперь.

— Что же, — говорит, — нарёк, нарёк. — Давай я тебя снова перекрещу.

— А разве можно так, батюшка?

— А почему нельзя.

— А что ты возьмёшь за крестины с меня?

— Сто рублей только.

— А где крестить меня будешь?

— А нет ли у вас в подполье ямы?

— Как нет! Есть, батюшка.

— Так вот, — говорит, — иди в подполье, полезай в яму. Чем-нибудь прикрыть надо, тулуп возьми или шубу.

Вот принесла баба своё девичье приданое — лисью шубу. Солдат, значит, залез в подполье, взял веник и ведро с водой, ходит вокруг ямы, кропит водой из ведра и приговаривает:

— Яма межевая, шуба меховая, сто рублей не шутка, зовут тебя Машутка.

Вылил остатки воды на неё и говорит:

— Теперь сиди в яме до тех пор, пока муж не придёт и тебя Марьей не назовёт.

Забрал деньги, шубу и ушёл. Приезжает мужик с поля. Видит — подполье открыто. Кричит свою жену:

— Дарья, Дарья, вылезай, собирай на стол.

А она сидит и молчит, — не отзывается.

— Да что ты там — оглохла? Я приду да за волосы вытащу вот.

Дарья вылезает из голобца и говорит:

— Да уже вовсе я теперь не Дарья, а Марья.

— Что ты, Дарья, с ума сошла?

— А вот и не Дарья, а Марья: прохожий монах меня перекрестил.

— А что он взял с тебя за это?

— Сто рублей только. — И хватилась тут же: — А где же шуба моя лисья? Тоже унёс, видно.

Тогда взял мужик вожжи и так отходил свою Дарью-Марью, что она неделю с печи не слезала.

ПЕСНИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

25

Собирайтесь-ка, братья, на зелёный луг,
Сядемте во единый круг,
Мы задумаемте-ка думушку единую
И запоёмте-ка мы песенку любимую.
Любимую да вчерашнюю.
Вечор мы эту песню пели
На синем море и на чёрном корабле,
Не сами мы эту песню пели
И не сами мы её сложили —
Пели ту песню горе со кручиною,
И сложил эту песню Ермалко Тимофеев сын.

26

Уж ты, матушка Россия, святорусская земля,
Много славы приняла про Платова казака.
У Платова казака да небритая борода,
На груди-то всё кресты, да позументы золоты.
Через закон переступил, свою бороду обрил.
Да ко французу подоспел, да его француз не узнал:
За купчика принимал, за дубовый стол сажил,
Да скатерть браную стлал;
«Выпей рюмку, выпей две, расскажи всю правду мне.
Я у вас в Москве бывал, всех купчиков признавал,
Одного только не знаю я, Платова казака.
Кабы я его узнал, так со живого кожу снял,

А кабы кто про него сказал, так тому много казны дал». У француза дочь Орина с отцом речи говорила: «Почему казну терять, можно так его признать. Уж ты, купчик, ты, голубчик, покажи-ка свой портрет». Во карман руку совал, да два портрета вынимал. Вон из терема бежал, все заставы приломал, Да зычным голосом кричал: «Уж вы, братцы мои, вы донские казаки. Приготовьте-ка коня про Платова казака». Он стремя на ногу совал, да на коня скорей скакал, Под окошко заезжал, зычным голосом кричал: «Уж ты, чёрная ворона, ты, французская сова, Не успела ты, сова, имать ясна соколá, Ты Платова казака».

26а.

Поле чистое турецкое,
Да мы когда тебя, поле, пройдем?
Да все бугры ваши дороженьки,
Все места ваши прекрасные.
Да в этом поле, да в этом чистом
Да мы сойдемся, да с неприятелем.
Злые турки напивались,
Да во хмелюшке похвалялися:
«Мы Россиюшку-ту да насквозь пройдем,
Да граф Паскевича, да во полон возьмём».
Граф Паскевич-от разговаривал:
«Да не убойтесь-ка вы, ребятушки,
Да русски славные матросики».

27

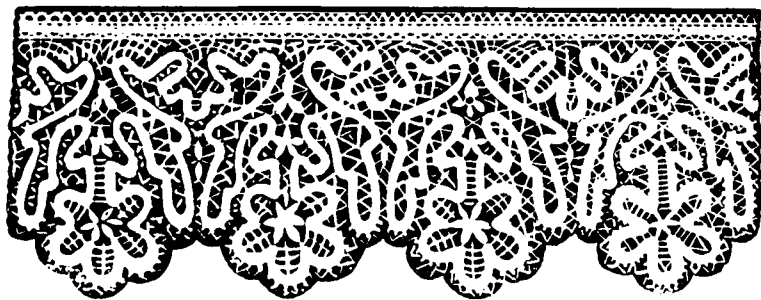
Ночи тёмные, тучи грозные
По поднебесьям идут,
Наши русские ребята
Со ученица идут.
Они идут и маршируют,
Промеж собой говорят:
— Трудно, трудно нам, ребята,
Нам турецкий город взять,
А ещё будет труднее
Нам под пушки подбегать.
Мы под пушки подбегали
И кричали все: «Ура!»

Предводитель наш Черняев
Громким голосом вскричал:
— Уж вы бейте, не робейте,
Отдаются турки взад,
Отдаются турки взад —
За морями русский знак.
Турки злые вы, лихие,
Покоритесь вы нам!
Не покоритесь нам,
Пропадёте, как трава.
Наша матушка Россия
Всему свету голова.
Как за матушку Россию
Мы готовы кровь пролить.
Разгорелось сердце русско,
Полилась турецка кровь.

28.

Не туман с моря поднялся,
Три дня кряду сильный дождик шёл —
Князь великий переправлялся,
Через Дунай с войском он шёл.
Он и шёл с крестом-молитвой,
Чтобы турок победить,
Чтобы турок победить,
Всех болгар освободить.
Три мы ночи шли в походе,
Притуманилось у нас в глазах.
Государь нам дал свободу
На три часа погулять.
Мы гуляли эти три часа,
Про нас знали только небеса.
Вдруг в войсках огонь открылся
И ударил военный сильный гром.
Город дымом весь покрыло,
Три часа не виден город был.
Заплакала наша Плевна,
Зарыдали все её места,
Запропала турецкая слава
И не будет боле никогда.

БАЛЛАДНЫЕ ПЕСНИ

29.

Лихая была матушка,
Осердилась на пасынков
И на меня, на красну девушку,
И посылала в лес по ягоды.
За первой ягодкой черёмушкой,
А за второю да за смородинкой,
За третьей ягодкой, да за малинушкой.
Брала же я эти ягоды:
Днём брала по солнышку,
А ввечеру брала по месяцу,
Ничего я не боялася,
Ничего я не опасалася,
Ни треску я, ни вереску,
Ни звериного попрыску,
Ни змеиного пошипю.
Тут же, млада, я испугалася.
Как идут два разбойничка,
Два ночных подорожничка.
Вот тех я, младенька, испугалася,
И за кустики я бросалася.
За кустики ракитовы,
Под мостики калиновы.
Увидали меня, красну девицу,
Лихие те разбойнички
И ночные подорожнички.
«И выходи-ка ты, красна девица,

Из-за кустика ракитова,
Из-под мостика калинова!»
Выходила, низко кланялась:
«Здорово, наши купчики,
Купчики-голубчики!»
«Не купцы мы, не бояре-то,
Денные-то разбойнички,
Ночные подорожнички».

30.

Он жил-то служил да верой правдою.
А любил-то король да любил-жаловал.
Пили-то, ели с королём да с одного стола,
Цветное платьице носили да с одного плеча.
Этот стал же молодец да по пирам ходить,
По пирам-то ходить да напиваться,
Королевским двором да похваляться,
Королевским двором да его дочерью.
«А ночешную-то ноченьку я во сёнях был,
На тех-то сенях да на королевских.
Уж я спал-то, ночевал да с его дочерью.
С его дочерью да с королевною».
Услыхали-то гонцы да все доносчики,
Доносили-то королю да скору весточку:
«Государь ли, ты, король, да наш великий князь,
Ты позволь нам говорить да не позволь казнить.
Уж как твой-от же слуга да твоя верная
По пирам-то ходит да напивается,
Королевским-то двором да похваляется,
Королевским-то двором да вашей дочерью».
Уж как это королю да в запрёку пало,
Он скричал-то, звопил да громким голосом:
«Уж вы гой еси, да слуги верные,
Слуги верные да неизменные!
Вы подите да приведите Ваню ключничка,
Моей дочери да полюбовничка».
Искали-то молодца да по трактирам-кабакам,
Наконец-то его нашли да во царёве кабачке.
В кабачке-то он сидит да в веселом пиру,
В веселом-то пиру, да во большом хмелю.
Уж как брали-то молодца да за белы ручки,
Становили-то молодца да на резвы ножки.
А как вели-то молодца да широким двором,

На молодце-то сибирочка да на одном плече,
Его белое лицо да ровно пламя горит,
Коленкорова на нём рубашечка да ровно белый снег,
На белых-то ручках перчаточки, ровно алый цвет,
А на резвых-то ножках сапожки да лакированные.
«Ты давно ли живёшь, молодец, да при моём дворе,
При моем-то дворе да с моей дочерью?»
«Уж я жил-то служил да ровно тридцать лет,
С королевской вашей дочерью живу пятнадцать лет».
Уж как это королю в запреку пало.
Он скричал-то, звопил да громким голосом:
«Уж вы гой еси, да слуги верные,
Вы подите-ка во чисто поле,
Уж вы выroyте-ка да две ямы,
Две ямы да две глубокие,
Поставьте-ка в них два столбичка,
Два столбичка да два точёные,
Два точёные да золочёные,
Положите-ка на них да перекладинку,
Перекладинку да всю кленовую,
Повесьте-ка на ней вы петельку,
Петельку да всё шелковую!».
А в петельке Иванушка качается,
А королевна под окном кончается.

31

Кто же, кто же постучал?
Сын дворянский приезжал,

Вот калина,
Вот малина,

К Катерине заезжал ¹⁾.

Выходила Катерина

За новые ворота,

За новые, кленовые, ¹

За решетчатые.

«Ты пожалуй, милый мой,

Ты на новый ко мне двор.

Станови добра коня

Ко точёному столбу,

¹⁾ Припев «Вот калина, вот малина» с прибавлением последней строки повторяется после каждой двух строк.

Ко точёному столбу,
Ко злачёному кольцу.
Ты пожалуй, милый мой,
В нову горенку со мной,
Скинъ-ка шляпочку, сертук,
Весъ-ка, миленький, на крюк.
Ты пожалуй, милый мой,
В нову спаленку со мной».

На то время, на тот час
Муж из Питера сейчас:
«Это что у тя, Катюша,
Что за сани на дворе?»
«Вчера гости у меня были,
Сани липовы забыли».

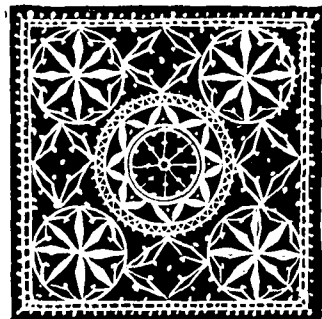
Он на новый двор зашёл,
Ворона коня нашёл.
«Это что у тя, Катюша,
Что за конь за вороной?»
«Вчера в ярмарку ходила,
Ворона коня купила,
Триста семьдесят платила».

В нову горенку зашёл,
Сертук, шляпочку нашёл:
«Это что у тя, Катюша,
Что за шляпа, за сертук?»
«Вчера гости у меня были,
Сертук, шляпочку забыли».

В нову спаленку зашёл,
Добра молодца нашёл:
«Это что у тя, Катюша,
Что за добрый молодец?»
«Я на реченьку ходила,
Сиротиночку нашла,
Привела его домой
Да напоить, да накормить,
Со двора да проводить».
«Это что у тя, Катюша,
Призаплаканы глаза?»
«Я у маменьки была,
Да больно маменька больна!»
«Не обманывай, Катюша,
Сдогадался теперь я».

Вы, солдатики-улань,
 Да у вас лошади булань.
 Мимо Москвы проезжали,
 Ко вдовушке заезжали,
 Ко вдовушке заезжали,
 Ночевать у ней просились:
 «Пусти, вдова, ночевати,
 Не надолго постояти!»
 «У меня дворик-от тесненок,
 И избушка-то маленька».
 Силой гости ворвались,
 Да все по лавкам сажались.
 Все по лавкам, по скамейкам,
 Все по лавкам, по скамейкам,
 А что большой гость у окошка.
 Что большой гость у окошка,
 Он и локоть на окошко.
 Стоит вдовушка у печки,
 Поджала ручки к сердечку.
 «Уж давно ли ты, вдовушка, вдовеешь,
 Ты давно ли, вдова, сиротеешь?»
 «Я вдовею-то лет двадцать,
 Сиротею лет пятнадцать».
 «У ты много ли, вдовушка, деток?»
 «У меня деток-то четверо».
 «У ты много ли, вдовушка, хлеба?»
 «У меня хлеба-то осмина без лукошка».
 «У ты много ли, вдовушка, денег?»
 «У меня денег-то полтина без алтына».
 «Подойди, вдова, поближе,
 Поклонись гостям пониже,
 Ты возьми-ка чёрну шляпу,
 Есть во шляпе. полотенце,
 Не твоё ли, вдова, рукоделье?»
 В полотенце есть платочек,
 Во платочке узелочек,
 Во платочке узелочек,
 В узелочке перстенёчек,
 В узелочке перстенёчек,
 Не твоё ли, вдова, обрученье?»
 Вдова сеничкам бежала,

Малых деточек кричала:
«Вы ставайте, дети малы,
Ваш-от батюшка приехал,
Ваш-от батюшка приехал,
Он приехал ненадолго,
На один час, на минуточку!»

ХОРОВОДНЫЕ, ИГРОВЫЕ И ПЛЯСОВЫЕ ПЕСНИ

33

- Загону я семь загадок,
Загону я семь загадок,
Семь загадок.
Да, добры молодцы, отгадывайте,
Да, добры молодцы, отгадывайте,
Да отгадывайте:
— Это что же выше лесу?
Это что же выше лесу?
Да выше лесу?
— Да выше лесу красно солнце,
Да выше лесу красно солнце,
Да красно солнце.
— Это что же чаще лесу?
Это что же чаще лесу?
Да чаще лесу?
— Чаще лесу часты звезды,
Чаще лесу часты звезды,
Часты звезды.
— Это что же из-за лесу?
Это что же из-за лесу?
Да из-за лесу?
— Из-за лесу молодой месяц
Из-за лесу молодой месяц,
Да молодой месяц.
— Да это что же по-под лесу?
Да это что же по-под лесу?
Да по-под лесу?
— По-под лесу пала роса,

По-под лесу пала роса,
Пала роса.
— Это что же былъ без крылья?
Это что же былъ без крылья?
Былъ без крылья?
— Былъ без крылья — снежки белы,
Былъ без крылья — снежки белы,
Снежки белы.
— Это что же дурь без корня?
Это что же дурь без корня?
Дурь без корня?
— Дурь без корня — серый камень,
Дурь без корня — серый камень,
Серый камень.
— Это что же без ответа?
Это что же без ответа?
Без ответа?
— Без ответа — добра лошадь,
Без ответа — добра лошадь,
Добра лошадь.

34

За тынком было за тыночком,
За зелёной было сосенкой,
За серебряной решёткой
Умывалась та девушка.
Девка мылась-умывалась,
Белая та лебедь сряжалась.
«Обойду ту я два раза и три раза,
Я любого-то себе выберу».
Умывалась, утиралась,
В городочек отправлялась.
«За собой-то я парня выведу,
Я за правую за рученьку,
Я за правую за рученьку
Ко ревнивому сердечiku».

35

Бежит билько, бежит зайка-загуляйка,
Несёт в роте рукавицы.
Рукавица-та не былъ — небылица
Про меня-то красну да девицу,

Будто я-то, красна девица,
Шити, брати не умею,
Шёлком шить не разумею.
Столько-то смею, разумею
Поскакати, погуляти,
С молодцами-то погуляти,
Ещё шуточек пошутити,
Присказулечку дружку сказати

36

Летит голубь мимо город,
Несёт вестку про невестку.
На лету голубь воркует:
«Как у нас на гумнёшке людей немножко.
С пятьдесят молодцов, да сорок девок,
Ещё ты, бурлак, детинко, сдогадайся,
Выбирай-ка себе девицу по обычью,
По обычью, да по-своему, по-мужичью».

37

Я во сад пошла, во зелён пошла,
Пошла луку щипать, зелёного щипать.
Я полю, полю лучок, перепалываю,
Через тын в огород перебрасываю.
Припаду ко тыну да всё повыслушаю
Это что вот и ну про меня говорят,
Про меня говорят, про беду ворожат.
Всё беду ворожат, беду матерущую.
Ещё кличут невестку-голубку домой:
«Уж, ты подь, подь, невестка-голубка, домой:
Что свалился твой свёкор со новых сеней».
Я бы знала про то, кабы ведала про вас.
Я построила бы сени повыше того,
Сени вот какие, да сени этакіе.

38

Зайка в сторону скочил,
Много сору накопил;
Как в другую-то скочил,
Тут река глубока,
Река тиновая, река рябиновая.
Я на речушку ходила молода,
Свежу рыбицу ловила не одна,

Не одна я, со товарищами,
Со такими со молоденькими.
Что увидели ребята из окна,
Насказали родной маменьке.
Родна мамушка не лиха, не добра
Призаставила капусту садить,
Приневолила рассаду поливать.
Я сажу, сажу — не родится,
Поливаю — не отродится.
Перемены младе хочется,
Перемены, удалого молодца.
Уж присватался кирилловский купец,
Посулил девке китаечки конец.
Китаечки девке хочется,
За него замуж не хочется.
Я подарочек приму-таки, приму,
За него замуж нейду, нейду, нейду,
За подарок поцелую, обойму.

39

О двух концах, о двух концах яблонька,
Что под яблонью, под яблонью грушица,
Под грушицей девица.
Она рвёт листки, рвёт листочки со цветами,
Она вьёт венки, вьёт веночки с городами,
Она сама себе, сама себе сдивовалась,
Сама себе сдивовалась: — Кому я достануся?
Досталась старому.
Под стара мужа стлать постельку —
В три рядочка кирпичей.
Что в четвёрто-ет рядочек шипицу колючую,
Что зголовьице — крапиву жгучую.
Ему окуточка — шуба ежовая,
Ему пригнёточка — дубина вязовая,
О двух концах.
Доставалась ровнюша.
Под ровнюшу стлать постельку —
В три рядочка войлочка,
Что четвёрто-ет рядочек — перина пуховая,
Что зголовьице — подушка перьевая.
Ему пригнёточка — девья ручка правая.
Уж ты спи, сын младой,
Спи, младой, да бог с тобой!

Не летай высоко и далеко,
 Не машишь крыльем широко.
 У нас много бояр в Москве,
 Того боле молодёжи на Руси.
 На горе-то я уточку убил,
 Под горой-то лисицу изловил.
 На заворе уточку,
 На песочке лебёдушку,
 В терему-то красну девицу-душу.
 Закопаю свежу рыбу во песок,
 Во песку рыба попрядывает,
 В терему девка поплакивает,
 У рыбки выспрашивает:
 «Каково, свежа рыба, без воды,
 Таково мне без милого дружка,
 Без мила дружка Иванушка,
 Без подруженьки без Марьюшки».

41

Вы пойдёмте-ка, братцы,
 Во Кириллово гулять,
 Во Кириллово гулять,
 Себе девиц выбирать.
 Все девицы хороши,
 Красавицы пригожи.
 Лучше нету одной —
 Любезной моей.
 Любезная лучше всех,
 В косе лента шире всех,
 В косе лента шире всех,
 Посмелее изо всех.
 К хороводу подошла,
 В хоровод плясать пошла,
 В хоровод плясать пошла,
 Чёрным глазом повела,
 Чёрным глазом повела
 На Ванюшу сокола.
 Уродился мальчик бравый,
 Детинушка бел-кудрявый,
 Русокудреватый.

Ты, Иванушка-соколик,
 Русокудреватый,
 Русы кудри подвитые,
 Брови чёрны выводные.
 Я Иванушку люблю,
 Наглядеться не могу,
 Наглядеться, насмотреться
 Я на вашу красоту,
 Я на вашу красоту,
 На ваше белое лицо.
 Куда вздумаю, поеду,
 С собой милую возьму.
 С собой мѣлую-мѣлую
 В Питерок-город свезу.
 В Питерочке-городочке
 Все лавочки обойду,
 Все товары присмотрю.
 Все товары-претовары,
 Шёлку-бархату куплю,
 Кровать новую обью.
 Хорошо кровать убрана,
 На ней некому лежать,
 Сама сяду на кровать,
 Возьму в руку белый плат,
 Буду плакать-горевать,
 Не приедет ли мил опять,
 Не приедет ли, не зайдёт ли,
 Не воротится ли,
 Не поклонится ли.

Вдоль по улице молодец идёт,
 Вдоль по широкой удала голова.
 На молодце синь кафтан,
 Опоясочка-то шёлковая,
 На ём шапочка-та бархатная,
 Опушечка чёрного соболя.
 Он и встретивши которую искал,
 А поклонившись здорово не сказал.
 «Верно, миленький, не любишь ты меня,
 Али душечка иная есть у тя?»

«Не одна ж ты, красна девица-душа,
Есть иные много лучше тебя».
«Посмотрите, люди добры, на меня —
Чем я, девушка, родилась дурна?».
Красотою уродилась хороша,
Наша Машенька белёшенька,
На неё взглянуть милёшенько.
Душа взглянет — да ровно рубличком дарит,
Весь растаешь, как она заговорит.
Ах, обвернусь, встрепенусь.
Подбегу к милой скорёшенько,
Подбегу к милой скорёшенько,
Трону милую легошенько,
Поцелую милёшенько.

44

Не тропинка ли тропится,
Не конопелька ли ломится?
Как по этой по тропиночке
Бежал детиночка,
Свистком насвистывал,
Гарком, как грач, нагаркивал,
Душу выкликивал:
— Душа, как ягода,
Анна Николаевна!
Уж ты, Ньюшенька, приди,
Его походку покажи,
Как Коля ходит,
Молодой гуляет.
Он гуляет — речи бает,
Говорит — сердце болит:
«Как мне Ньюшу не любить, —
У ней брови — сто рублёв,
Один взгляд — пятьдесят.
Был у батюшки сад,
Во саду-то виноград.
Как бы ягодку сорвать,
Свою Ньюшу целовать».

45.

Мимо саду, мимо саду,
Мимо зеленого

Летел голубь, летел голубь
Со голубицею.
Как у этого голубочка
Голубка хороша.
Как у братца, как у братца
У меня б жена была, —
Я бы летом, я бы летом
В тарантасе стал катать,
Я бы зимнею порою
Стал на лаковых санях,
Я на лаковых санях,
На темнокарих лошадях.

46

Перепелькино летит, перелётывает,
Вот лели, вот лелю, перелётывает.
Что из терема в терём красна девица идёт,
Вот лели, вот лелю, красна девица идёт.
Красна девица идёт, хорошо речь говорит:
«Гори, баня, гори, дом, гори, Брондовский завод,
Вот лели, вот лелю, гори, Брондовский завод.
Сохрани, Боже, светильнико раскрашенное,
Вот лели, вот лелю, да разрисованное».
Во светёлке дворянин да кровать нову снарядил,
Вот лели, вот лелю, кровать нову снарядил.
Что кроватка тесова, да перинушка пухова,
Вот лели, вот лелю, да перинушка пухова.
Перинушка пухова, да лежит Катя молода,
Вот лели, вот лелю, лежит Катя молода.
Лежит Катя молода, да выйди замуж за меня,
Вот лели, вот лелю, да выйди замуж за меня.
Я куплю тебе, сударыня, расчервончатый корабль,
Вот лели, вот лелю, расчервончатый корабль.
На корабль найму да пятьдесят молодцов,
Вот лели, вот лелю, пятьдесят молодцов,
Пятьдесят молодцов, да сорок песельников.
Вот лели, вот лелю, да сорок песельников.
Все молодчики гребут, весело песни поют,
Вот лели, вот лелю, весело песни поют.
Один мальчик не гребёт, тот и песен не поёт.
Вот лели, вот лелю, тот и песен не поёт.
По высокому, по терему похаживает,
Вот лели, вот лелю, он похаживает.

Что сапог о сапог поколачивает,
Вот лели, вот лелю, поколачивает.
Ко сударыне своей да приворачивает,
Вот лели, вот лелю, да приворачивает:
— Ты сударыня моя, да не забыла ли меня?
Вот лели, вот лелю, да не забыла ли меня?
— Да я тогда тебя забуду, когда замуж отдадут.
Вот лели, вот лелю, когда замуж отдадут.
Отдадут меня, младу, да на чужую сторону,
Вот лели, вот лелю, на чужую сторону.
На чужую сторону, да не за ровнюшку,
Не за ровнюшей-то жить, да горячи слёзы лить.
Вот лели, вот лелю, да горячи слёзы лить,
Что горячи слёзы лить, да одного будет любигь,
Вот лели, вот лелю, одного будет любить.

47

Во лужках девки гуляли,
Забавные цветы рвали.
Они рвали, сорывали,
Веночки завивали,
Веночки завивали,
На головки надевали.
На головки надевали,
Сами себя украшали,
Сами себя украшали,
Домой идти опоздали,
Опоздали, приустиали,
Отдохнуть под кустик сели,
Сели, сели, отдыхали,
Где охотнички гуляли,
Где охотнички пристали,
Там собачки набежали.
На ту пору на тот час
Приезжал любой сейчас,
С ворона коня слезал,
Коня к дубу привязал,
Коня к дубу привязал,
Слово девушке сказал:
«Говори, любáя, смело,
Разгорайся, лицо бело».
Лицо бело припотело,
Разгораться захотело,

Уж как наши-то ребята
Нынче понажйлись,
Нынче понажйлись,
Да прибогатились.
По торгам они гуляли,
Медь на серебро меняли,
Медь на серебро меняли,
Сладкий солод закупали.
Пиво пьяное варили,
Допьяна нас напоили.
Пива напились,
Домой собрались.

48

Во поле елинушка
Не плетётся — вьётся,
С тобою, моя любезна,
Жизнь-вера неймётся.

Про нас люди с тобой судят,
Я ли тебя люблю,
Да про нас люди с тобой судят,
Я ли тебя люблю.

Люблю девку, люблю красну.
Её любить стану,
Её любить стану,
Вовёки не отстану.

Красна девушка, гуляя,
Ребят научала:
«Ах, вы стелите, ребятушки,
Калиновый мостик.

Ах, приведите, ребятушки,
К милому иную,
Ой, иную, не простую
Красную девицу.

Ах, красную девицу
Да мелкую рыбицу».
Ах, как бы эту рыбу-щуку
В невод заловити,

Ах, кабы эту красну девку
За себя бы взять.

Ах, я умел бы слово молвить,
Умел передать.

Ах, долина-долинушка,
Раздолье широкое,
Ах, раздолье широкое,
Гулянье весёлое.

Ах, по тебе, долинушке,
Гуляет детинушка.
Гуляет детинушка,
Удала головушка.

Ах, увидала матушка
С крылечка в окошечко:
«Ой, что ты, что ты, дитятко,
Что ты, чадо милое!

Что ты, чадо милое,
Гуляешь невесело,
Гуляешь невесело,
Играешь нерадошно?»

«Родимая матушка,
Чем мне веселиться?
Как все друзья-приятели
Жениться советуют».

«Ты женись, женись, дитятко,
Женися да, милое,
Женися да, милое,
Не бери приданого.

Ой, не бери приданого,
Бери красну девицу.
Ай, у этой девицы
Приукрашена глава.

Ай, у этой девицы
Приукрашена глава,
Всяким разными цветами
Приусаженная».

49

Что я, матушка, да не женат хожу,
Да ой лелю, лелю, да не женат хожу.

Да не женат хожу, да холост гуляю,
Да ой лелю, лелю, да холост гуляю¹⁾.
«Ты женись, женись, да моё дитятко,
Ты пойди, сходи да в хоровод к девкам,
Да выбирай себе, да кая нравится,
Да кая нравится, да кая лучше всех».
Да мне понравилась да дочь купеческа,
Да дочь купеческа да шла не кланялась,
Да мене, молодцу, да не понравилась.
Мне понравилась да дочь крестьянская,
Да дочь крестьянская да шла да кланялась,
Она кланялась да мне понравилась.

50

Как по морю, как по морю, морю синему
Плыла лебедь, плыла лебедь с лебедятами,
Со малыми, со малыми со дитятами.
Плывши лебедь, плывши лебедь вострепенулася,
Под ней вода, под ней вода всколыхнулася.
Негде взялся, негде взялся красный молодец-душа,
Ушиб-убил, ушиб-убил лебедь белую,
Он пух пустил, он пух пустил по синю морю.
Негде взялась, негде взялась красна девица-душа,
Брала перья, брала перья, приговаривала:
«Я батюшке, я батюшке в изголовьице,
Я матушке, я матушке во подушечку,
Милу дружку, милу дружку во перинушку».
Негде взялся, негде взялся красный молодец-душа.
«Бог на помощь, бог на помощь, красна девица-душа,
Спесивая, спесивая, спесивая, непокорливая!
Постой, девушка, постой, девушка, хвалиться:
Пошлю свата, пошлю свата, засватаю за себя».

51

Вдоль было по травоньке, вдоль по муравке,
Лели, лели, лелюшки, вдоль по муравке.
Тут ходит-гуляет тут удаленький молодчик,
Лели, лели, лелюшки, удаленький молодчик.
Ходит, выбирает красавицу девочку,
Лели, лели, лелюшки, красавицу девочку.

¹⁾ После каждой строчки припев: «Да ой, лелю, лелю...».

Пойди, выйди, милая, за ворота,
Лели, лели, лелюшки, милая, за ворота.
Пойди, выйди, милая, за новые,
Лели, лели, лелюшки, милая, за новые.
Со мной, со молодчиком, погуляти,
Лели, лели, лелюшки, со мной погуляти.
Со мной, со молодчиком, речи говорити.
Лели, лели, лелюшки, речи говорити.
А девица к молодому выходила,
Лели, лели, лелюшки, к молодому выходила.
А девица с молодцем речи говорила,
Лели, лели, лелюшки, речи говорила:
«А я тебя, миленький, обещаю,
Лели, лели, лелюшки, обещаю».
Пуховую шапочку с кудрей сняла,
Лели, лели, лелюшки, с кудрей сняла.
Русые кудёрочки растрепала,
Серебряны пуговички расстегнула,
Лели, лели, лелюшки, расстегнула.
Шёлкову рубашечку изорвала,
Лели, лели, лелюшки, изорвала.
Смазные сапожечки замарала,
Лели, лели, лелюшки, замарала.
Пошёл добрый молодец, сам заплакал,
Лели, лели, лелюшки, сам заплакал:
«Несчастлива матушка зародила,
Несчастливой долюшкой наделила,
Лели, лели, лелюшки, наделила.
Меня красна девица невзлюбила,
Лели, лели, лелюшки, невзлюбила».
«А я тебя, миленький, не узнала,
Лели, лели, лелюшки, не узнала».
Пуховую шапочку надевала,
Лели, лели, лелюшки, надевала.
Русые кудёрочки поправляла,
Лели, лели, лелюшки, поправляла.
Серебряны пуговички застегала,
Лели, лели, лелюшки, застегала.
Шёлкову рубашечку зашивала,
Лели, лели, лелюшки, зашивала.
Смазные сапожечки вытирала,
Лели, лели, лелюшки, вытирала.
Пошёл добрый молодец, взвеселился

Лели, лели, лелюшки, взвеселился:
«Пресчастлива матушка зародила,
Лели, лели, лелюшки, зародила.
Пресчастливой долюшкой наделила,
Лели, лели, лелюшки, наделила.
Меня красна девушка возлюбила,
Лели, лели, лелюшки, возлюбила».

52

У бабушки у нашей
Супрядка была. 2 р.
Что ты, бабушка,
Прясти даси?
«Старым-то старушкам
Шерсти кужелёк,
А молодым-то молодушкам
Беленький ленок,
А молодцам-то, прощалыгам,
Конёвый хвост».
Чего ты нам, бабушка,
Исти даси?
«Старым-то старушкам
Кисель по зубам,
А красным-то девицам
Белый пирожок,
А молодцам-то, прощалыгам,
Дуранды кусок».
Чего ты нам, бабушка, пить-то даси?
«А старым-то старушкам пивушко,
А молодым-то молодушкам наливушка,
А молодцам-то, прощалыгам,
Воды из пруда».
А куда ты нас, бабушка, спать повалишь?
«А старым-то старушкам на печке уголок,
А молодых-то молодухек в горницу,
А молодцов-то, прощалыг,
К свиньям во хлев».

53

Уж ты, Ванюшка-Иван,
Ваня, братец мой,
Полюбился разум твой,
Весь обычай дорогой.

Полно, Ваня, вино пить,
Перестань, дурак, шалить,
Перестань, дурак, шалить —
Станут девушки любить,
Станут девушки любить,
Молодушки всё хвалить.
Кабы я, молода, одинокая была,
Одинокая была, в одиночестве жила, —
Затопила в избе печку,
Сама по воду пошла.
Что на матушке Неве
Гуси серые сидят,
Гуси серенькие,
Лебёдки беленькие.
Собунтили свежу воду
Со желтым песком,
Со желтым песком,
Со горячим камешком.
Я на бережке стояла,
Свежие воды ждала;
Не могла того дожидаться,
Чтобы воде устояться,
Тальянским платочком помахивала.
Размахнула широко,
Да почерпнула глубоко,
На плечико подняла,
Да зашаталась-побрела,
Зашаталась-побрела,
Да на круту гору зашла.
На крутой-то на горе
Да меня думушка взяла,
Меня думушка взяла,
Да дума не маленькая,
Дума не маленькая,
Дума порядочная.
У милога у двора
Да сочинялася беда,
Сочинялася беда,
Да загорелась слобода.
Загорелась слобода,
Да съезжались господа,
Дивовались тому
Да всё пожару моему!

Это что же за пожар,
Да за пожарище такой,
Что не пылко горит,
Редко вспыхивает,
Редко вспыхивает,
Огонь вышибывает?

54

Донские девушки
Гулевы были,
Лели, лели, лели,
Гулевы были.
Гулевы были,
Да ходили, гуляли¹⁾.
Ходили, гуляли,
Ленты истеряли.
Холостые ребята
По за им ходили.
По за им ходили
Да ленты находили,
Ленты находили,
По девицам дарили.
«Девушки, подружки,
Примите лентушки!»
За эти за ленточки
Девки поклонились.
На ту пору, времечко
Наезжает барин.
Барин-от не барин,
А господин Бердяев.
Господин Бердяев
Всех он напугает.
Девки испугались,

Нараз разбежались.
Одна всех смелее,
Киевна милая,
Подходила близко,
Кланялася низко.
Низко поклонилась,
В карету садилась.
Спрашивал барин,
Спрашивал Бердяев:
«Киевна милая,
Скажи, кого любишь?»
«Не люблю барина,
Не люблю Бердяева,
А люблю дворова
Васю черноброва».
Вася баско ходит,
Сибирочку носит.
Сибирочка в оттяжку
Да часы в кармашке.
Часы во кармашке,
Да в розовой рубашке,
На головке шапочка,
Да кудеречки вьются,
Вились, завивались,
Да девки целовались.

55

Не пора ли, не пора
Со хозяинова двора?
Ну, ещё нам не пора —
У нас хозяйюшка добра.

¹⁾ После каждых двух строчек — припев «Лели, лели, лели...» с повторением второй строчки.

Полно, полно-ко, ребята,
Чужого пива пити,
Не пора ли нам, ребята,
Своё заводить?
У нас солоду довольно,
Хмелю того больше,
У нас солод на овине,
Яр хмель на тычине.
На тычине, на клечине,
На самой вершине.
Хмель-травинка вьётся,
Тычинушка очень гнётся.

56

Собирались молодчики
На единое собрание —
Как бы девицу увидети,
Раскрасавицу повысмотреть.
Вот лели, вот лелюшеньки лели —
Раскрасавицу повысмотреть.
Один мальчик — он догадливый был,
Нарядился серой козонькой.
Ой, пошла коза вдоль улицы гулять,
Правой ноженькой натопывает,
Левой рученькой намахивает.
Подошла она к домушке под окно,
Она щёлкнула копытцем о бревно.
Увидала серу козоньку
Красна девица в окно.
Как бы эту козоньку
Ко матушке в нову горенку,
Ко батюшке на тёплую кровать —
Я не стала бы ни спать, ни дремать,
Только б стала серу козоньку целовать.

57

У моего любимого
Да кудри подвитые,
Вот люшеньки, люли,
Кудри подвитые.
За его кудельки
Девушки любили.
Вот люшеньки-люли,

Девушки любили.
Любили, говорили:
«Миленький, не смейся, —
Вот люшеньки, люли,
Миленький, не смейся.
Ты будешь смеяться —
Не будем любить,
Вот люшеньки, люли,
Не будем любить.
Не будем любить,
За тобой ходить,
Вот люшеньки, люли,
За тобой ходить.
Тебя уважать,
Баско снаряжати,
Вот люшеньки, люли,
Баско снаряжати.
Баско снаряжати,
Да густо целовати,
Вот люшеньки, люли,
Да густо целовати».

58

Уж так ты, мать, моя маменька,
Госпожа моя сударынька,
Зачем хорошу породила меня,
Хлопотливую, талантливую,
Баловливую, забавливую?
Мне нельзя будет к обедне ходить:
Худо люди богу молятся,
На меня все дивуются,
На меня, да на мою красоту.
Поп-то в ризе заплетается,
Дьякон в книге забывается,
Пономарь звонит, мешается,
Два поповича с ума сошли,
Два приказчика плясать пошли.

59

Всю куделюшку припряла,
Всю лучинушку прижгла,
Туна, туна, туна, та,
Всю лучинушку прижгла.

Всю лучинушку прижгла,
На постельку спать легла.
Туна, туна, туна, та,
На постельку спать легла.
На постельку спать легла,
Милый стук у окна,
Туна, туна, туна, та,
Милый стук у окна.
Не стучи-ка, милой —
Дома тятенька родной,
Туна, туна, туна, та,
Дома тятенька родной.
Дома тятенька родной,
На полатцах спит,
Туна, туна, туна, та,
На полатцах спит.
На полатцах спит,
Просыпается:
— Уж ты, дочка родна
Вставай, вздуй-ко огня.
Туна, туна, туна, та,
Вставай, вздуй-ко огня.
Вставай, вздуй-ко огня,
Кто-то есть у окна.
Туна, туна, туна, та,
Кто-то есть у окна.
— Сера кошечка на окошечке,
Белолапчатая,
Сама кудрявчатая,
Туна, туна, туна, та,
Сама кудрявчатая.
Кошка, брысь, уберись,
На постельку спать ложись.
Туна, туна, туна, та,
На постельку спать ложись.
На постельку спать ложись,
В одеяльце завернись.
Туна, туна, туна, та,
В одеяльце завернись.
В одеяльце завернись,
К ретиву сердцу прижмись.
Туна, туна, туна, та,
К ретиву сердцу прижмись.

На дворе бела заря,
Мне куда девать кота?
Туна, туна, туна, та,
Мне куда девать кота?
Посажу кота в подол,
Понесу его на двор,
Туна, туна, туна, та,
Понесу его на двор,
Понесу его на двор.
Посажу я на забор.
Туна, туна, туна, та,
Посажу я на забор.
По забору кот пошёл
Весь забор обломил.
Туна, туна, туна, та,
Весь забор обломил.
Весь забор обломил,
Всю скотину придавил.
Туна, туна, туна, та,
Всю скотину придавил.
Поросёнка-внзгунка,
Жеребёнка-лягунка.
Туна, туна, туна, та,
Жеребёнка-лягунка.

60

Я на камешек ступила, чиверочек подломила,
Вот лели, вот лелю, чиверочек подломила.
Чиверочек невеличек, родный батюшка купил,
Вот лели, вот лелю, да родный батюшка купил,
Родный батюшка купил, милый денежки платил.
Вот лели, вот лелю, да милый денежки платил.
Уж ты, милый, перемилий, милый, ягода моя,
Вот лели, вот лелю, милый, ягода моя.
Милый, ягода моя, да не ставай против меня,
Вот лели, вот лелю, не ставай против меня.
Не ставай против меня, да я не любушка твоя,
Вот лели, вот лелю, да я не любушка твоя.
Мне тебя надо любить, дак баско, щёгольно ходить,
Баско, щёгольно ходить, да сибирочку носить,
Вот лели, вот лелю, да сибирочку носить.
Чёрну шляпу со пером, да с позолоченным орлом,
Вот лели, вот лелю, да с позолоченным орлом.

Ой, ты, луговка ли моя луговая,
 Лели, лели, лели, луговая,
 Где же ты, была, была, побывала?
 Лели, лели, лели, побывала?
 В тёмном лесе, лесе под кусточком,
 Лели, лели, лели, под кусточком.
 Под неровненьким была листочком,
 Лели, лели, лели, под листочком.
 Тут вот шли, прошли двое удалые,
 Лели, лели, лели, удалые.
 Два студента, парни молодые,
 Лели, лели, лели, молодые.
 Они срезали по пруточку,
 Лели, лели, лели, по пруточку.
 Они сделали по гудочку.
 Лели, лели, лели, по гудочку.
 Уж вы, гудки ль мои, не гудите,
 Лели, лели, лели, не гудите.
 Меня, младу, младу, не будите,
 Лели, лели, лели, не будите.
 Уж я млада, млада, сговорёна,
 Лели, лели, лели, сговорёна.
 Сговорил-то ли меня родименький,
 Лели, лели, лели, родименький,
 Сговорил-то ли меня во деревню,
 Лели, лели, лели, во деревню,
 Во деревню, деревню во большую,
 Лели, лели, лели, во большую.
 Во семейку, семейку во людную!

62

Выдавали молодую
 За реченьку за нову.

Припев:

Вот калинка, вот малинка,
 За реченьку за нову¹⁾.

¹⁾ Припев повторяется после каждых двух строк.

За реченькой, за новенькой
Там семеюшка мала.
Там свёкор, да свекровь,
Да четыре деверя.
Две золовушки-колотовушки,
Да две тётушки.
Деверей бы, кобелей бы
Кумахой бы да затрясло.
Вы, девушки-золовушки,
В чужи люди подите.
Таковы же будете,
Меня ненавидите.

63

Во поле берёзонька стояла,
Во поле кудрявая стояла.
Чувель мой чувель, чувель нá вель, вель, вель, вель.
Уж ты чума, моя чума, чума родина моя.
 Некому берёзы заломати,
 Некому кудрявой защипати.
Чувель мой чувель, чувель нá вель, вель, вель, вель.
Уж ты чума, моя чума, чума родина моя.
 Пойду я берёзу заломаю,
 Пойду я кудряву защипаю.
Чувель мой чувель, чувель нá вель, вель, вель, вель.
Уж ты чума, моя чума, чума родина моя.
 Стань, старый муж, пробудися,
 На тебе лоханку — умойся,
 На тебе онучу — утрися,
 На тебе лопату — помолися.
Тары-бары растабары,
Серы зайцы наскакали,
И собаки прибежали,
Красну девушку схватили,
От старого уводили,
Во карету посадили,
Повезли домой.
Привезли её в избушку,
Вся умазана глинушкой,
Мохом уросла,
Во сыру землю ушла.
Посмотрю в эту избушку,

Тут сидят мои подружки.
Больно хороши!
Чувель мой чувель, чувель на вель, вель, вель, вель.
Уж ты чума, моя чума, чума родина моя.

64

Баба на печи сидела,
Заплатки кропала,
Журила-бранила мужа своего:
«Продай, муж, корову,
Заведи кокошник!»
Продал муж корову,
Купил ей кокошник.
«Продай, муж, кобылу,
Заведи мне шубу,
Ожерельице камчатное,
Пойду я гулять, скажут:
Чья это жена?
Это купцова жена!»
Продал муж кобылу,
Завёл мужик и шубу,
Купил и ожерельице
Камчатненькое.
Поехал муж на бабе
В лес да по дрова:
«Ну, ну, кокошник!
Ну, ну, шуба!
Ну, ну, ожерельице!
Ну, ну, камчатненькое!»
«Не то мне тошно,
Не то мне горько,
Что воз-то велик,
Что заехал в целик,
А то мне тошно,
Что сам-то сидит,
Да похлёстывает!
Да посвистывает!
Продай, муж, кокошник,
Продай, муж, и шубу,
Продай и ожерельице, —
Купи, муж, кобылу —
Хоть по одной бы чурке возила,
Да меня, дуру, заменила!..»

Из-за озера кума в решете плыла,
 Веретёнами гребла, носом парусила.
 Кума вренди, кума вренди, носом парусила.
 Приезжает она — дома заставляет её муж
 Тёплу баню топить.
 Она баню не топила, телятишек пропоила,
 Коровушек продоила.
 Кума вренди, кума вренди, коровушек продоила.
 Зачинает её муж соломиной бить.
 Он первый раз ударил — по ступе попал,
 Кума вренди, кума вренди, по ступе попал.
 Второй раз ударил — по лавке попал.
 А как третий раз ударил по мне, по молодежи.
 Кума вренди, кума вренди, по мне, по молодежи.
 Уж я с этой немочи три недели пролежала,
 Хлеба-соли не едала.
 После этой немочи — съела хлеба три печи.
 Кума вренди, кума вренди, съела хлеба три печи.
 Проулок рогулёк, прогон пирогов,
 Два лукошка толокна, стоя вызобала.
 Кума вренди, кума вренди, стоя вызобала.
 Сумасшедшая свекровь позавидовала:
 «Уж и как тебя, невестушка, не рёзорвало!».

66

Вздумалось Кате в гости в деревеньку,
 Брала наша Катя кудельки маленько.
 Ой наша Катя, да ой, Катерина! ¹⁾.
 Пряла наша Катя оглобельки потолще,
 Оглобельки потолще, поленца-то потоньше.
 Стала наша Катя кросна заводити,
 Ой, наша Катя, да ой, Катерина!
 На клюку сновала, в огороде ткала.
 Кольем притыкала, жердью припирала.
 Стала наша Катя полотно белити.
 В воду-ту колами, из воды конями.
 Стлала наша Катя холст на луговину.
 Шли-прошли прохожи: «Чьи лежат рогожи?»

¹⁾ После каждых двух строчек повторяется припев: «Ой, наша Катя, да ой, Катерина!».

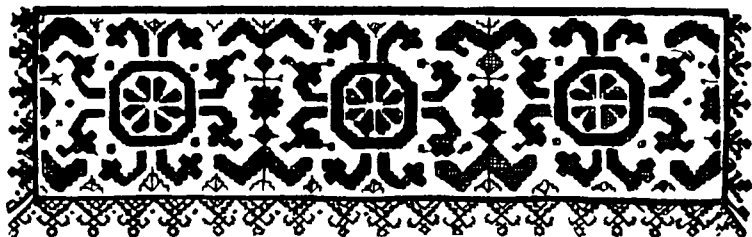
«Что вы, красны рожы, это не рогожи, —
Это не рогожи — Катины полотна!».
Стала наша Катя рубашку кроить:
Топорик-от наставит да молотом ударит.
Стала наша Катя рубашку-то шити:
Напамбкой провернет, кокатиком продернет.
Стала наша Катя рубашку надевати:
Семеро держало, да трое надевало.
Семь годов носила, смены не просила,
Тело не зуделось и в баню не хотелось.

67

Очапы скрипят,
Журавы говорят.
Журавы говорят,
Поговаривают,
Но всё обманывают.
А на горке, на горе
Жил богатющий мужик,
Вереюшки точёные,
Воротечки позолоченные.
Ну вот к ему
Тот с борку,
Да и другой с борку
Да полная избушка
И принаборкалася.
Загребаюшко пришёл
И Заметаюшко пришёл.
«Давай-ко, хозяйнушко,
Нам хлеба да соли
Да горячих штей».
Вот они по кусу хватили,
Только голод заманили,
А по другому-ту хватили,
Приоправились,
Приоправились,
Богу поклонялись:
«Спасибо хозяину за хлеб-соль,
За доброй приём.
Ну, давай-ка, хозяйнушко,
Нам денежки,
Да всё серебряные!»
«Право, денежек нет,

Право, копеечки нет».
А сам атаман
Ничего не говорит,
Ничего не говорит,
Только усами шевелит.
«А валить-ко его
На заслоночку,
Кладите огня
Под евовные бока!»
А старуха на печи
Говорит, как клеит:
«Право, денежки есть
И всё серебряные,
Положены в добре —
В кубышечке во рже».

ПЕСНИ ДЕТСКИЕ ИГРОВЫЕ

68

Уточка моховая,
Где ты ночь ночевала?
Под кустом на болотце,
Под листом на берёзке.
Шли-прошли весёлы,
Выломали по пруточку,
Сделали по свисточку.
Серые волки бежали,
Серые клочья теряли,
Я, молодая, обирала,
Кисточки затыкала.
Дядя Роман пробудился,
Дядю Романа убили,
Под белую берёзу схоронили.
Некому по нём поплакать.
Бегут два волка хохлатые,
Те беде ещё поплачут.
Куручка с цыплятами,
Кошечка с котятами,
Свинья с поросятами.

69

Ой, идём-ка, Машенька,
В Новгород гулять,
В Новгород гулять.
Купим-то, Машенька,
Куручку, куручку.
Поедем-ка, Машенька,

В Новгород гулять
Купим-то, Машенька,
Уточку, уточку.
Уточка с носка баска,
Куточка по сенечкам
Тюк-тере-рюк.
Поедем-ка, Машенька,
В Новгород гулять.
Купим-ка, Машенька,
Коровушку-корову,
Коровушка ткручи-кучи.
Поедем-ка, Машенька,
В Новгород гулять.
Купим-ка, Машенька,
Лошадушку-лошадушку.
Уточка с носка баска,
Куточка по сенечкам
Тюк-тере-рюк.
Коровушка ткручи-кучи,
А лошадушка хч-хч-хч.

70

У дедушки Трифона
Семеро детей:
Семеро, семеро,
Семь сыновей.
Они не пили, не ели,
Всё на Трифона глядели.
Всё глядели на меня.
И всё делали, как я.

71

Тень, тень, потетень,
Выше города плетень.
У Спаса бьют,
У Миколы звонят,
У старого Егория
Часы говорят.
Люди сходятся,
Богу молятся.
Марья-царевна
Коней стерегла.
— Где твой конь?
— Миколашка увёл.

— Где Миколашка?
— В клетку ушёл.
— Где клетка?
— Вода споняла.
— Где вода?
— Быки выпили.
— Где быки?
— В гору ушли.
— Где горы?
— Черви выточили.
— Где черви?
— В вересняк ушли.
— Где вересняк?
— Девки вырубili.
— Где девки?
— По замужьям ушли.
— Где мужья?
— Все примерли.
— Кто хоронял?
— Поп да дьячок
Да Микола-дурачок.

72

Жил туто жилец,
Что на кустике дворец.
У жильца-то пять овец,
Шестой жеребец.
Петушок да курочка,
Паренёк да девушка.

Подошёл волк и просит ему отдать овцу.
Старик-жилец бросил. Волк овцу живо съел.

Жил туто жилец,
Что на кустике дворец.
У жильца-то четверо овец,
Пятый жеребец.
Петушок да курочка.
Паренёк да девушка.

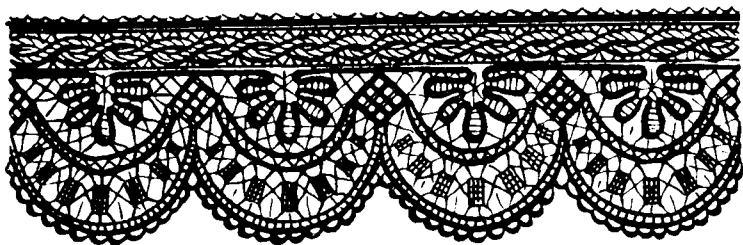
Подошёл волк и просит ему отдать овцу.
Старик-жилец бросил. Волк овцу живо съел.

Жил туто жилец,
Что на кустике дворец.
У жильца-то трое овец,

Четвёртый жеребец.
Петушок да курочка,
Паренёк да девушка.

И так повторяется до тех пор, пока не будут перечислены все жители «дворца».

КАДРИЛЬНЫЕ ПЕСНИ

73

Мне молодчик очень мил,
Во кадрили гулять водил,
За белые руки брал,
Сюявлялся в лице жар.
Пойду, выйду в новы сени,
Чтобы жар с лица опал.
Не успела выйти вон —
Милой стоит передо мной.
Мне милого стыдно стало,
Я закрылася рукой,
Я закрылася рукой,
Перчаточкой голубой.

74

Что кирилловски колачницы,
Белозёроски табачницы,
Вытегорки заугольницы,
Погулять они охотницы.
Белозерск, белозерская вода,
Завила кудрей сударыня моя,
Завивала, приговаривала:
«Когда речушки разобьются,
Тогда кудёрышки разобьются».

75

Как на тоненькой ледок
Выпадал белой снежок.
Цветочки мои, белорозовые,

Выпадал белой снежок,
Ехал Ванюшка дружок,
Цветочки мои, белорозовые.
Ехал Ваня, поспешал,
С ворона коня упал.
Цветочки мои, белорозовые.
Где упал, тут лежит,
Никто к Ване не бежит.
Цветочки мои, белорозовые.
Две девицы увидали,
Скоро к Ване поспешали.
Цветочки мои, белорозовые.
Скоро к Ване поспешали,
За белые руки брали.
Цветочки мои, белорозовые,
За белые руки брали,
На коня Ваню сажали.
Цветочки мои, белорозовые,
На коня Ваню сажали,
Да наказывали.
Цветочки мои, белорозовые,
Ты поедешь, Иван,
По иным городам,
Цветочки мои, белорозовые,
По иным городам,
По весёлым пирам.
Цветочки мои, белорозовые,
На весёлых на беседах
Не засиживайся.
Цветочки мои, белорозовые,
На хороших, на пригожих,
Не засматривайся.
На Скалиношну беседу
Поторапливайся.
Цветочки мои, белорозовые!

76

Не глядите, люди добры, на меня.
Я не стою погляженья вашего.
Я не стою погляженья вашего.
Не красавица во свете рождена,
Нету счастьяца нисколько у меня,
Не богатая на свете рождена.

Что богатые про бедных говорят,
Будто бедных невозможно почитать.
Если бедный кто богатую возьмёт —
Не из тучи — против солнца дождь пойдёт.
Богач любит, обожает модный цвет,
А у бедного и сердца будто нет.

77

Кораблички в море, я-то, девочка, в горе,
Ай, люшеньки, люли, я девочка в горе.
Волны в море бьются — у меня слёзы льются,
Ай, люшеньки, люли, у меня слёзы льются.
Им и не уняться, жаль с милым расстаться.
Ай, люшеньки, люли, жаль с милым расстаться.
Моего милова привела неволя.
Ай, люшеньки, люли, привела неволя.
Крайняя его нужда государю служба.
Ай, люшеньки, люли, государю служба.
Мил ушёл служить, а я по нём тужить,
Ай, люшеньки, люли, я по нём тужить,
Горькие слёзы лить.

78

Что ты, миленький, не ходишь танцевать,
Не желаешь меня боле почитать?
Я советую платочек мой отдать —
Мой платочек не приносит барыша,
У вас почётница другая хороша,
Хороша она, понравилась вам,
Подарила да колечко со словам.
Уж как этим золотым, милый, кольцом
Вам счастливо обручаться под венцом.

79

Хоть и холодно на улице.
А всё буду стоять:
Не поедет ли мой милый
Лошадь карюю ковать.
Лошадь карюю, удалую
Ведут на поводу.
Не велю, дак и не женится
Во нынешнем году.

Что ты, миленький, заносишься собой?
 Ты хорош, так не гоняюсь за тобой.
 С тобой, миленький, не зиму зимовать,
 Расхорошенький, не два года гулять.
 Только осень да и та, милóй, не вся:
 На тебя будет несчастье и беда,
 Отдадут тебя в солдаты, молодца,
 Я не буду наряжаться года два,
 Я не буду наряжаться и гулять,
 Пока миленький не выйдет из солдат.

81

Что ты, миленький, невесело сидишь?
 Припечалась, ничего не говоришь?
 Или вам у нас невесело гулять?
 Не желаешь меня боле почитать?
 Не советую поклоны присылать,
 Недалёко, самому бы побывать,
 Только реченьку да поле перейти,
 По тропинке на круту гору взойти.
 Зачем, милый, обижаешься,
 Что крута гора не нравится?
 Не печалься, я ступенек нарублю,
 Расхороший, одного тебя люблю.

82

Я трепала, белый лён не улежал.
 Не по той дорожке милый убежал.
 Белый лён не околотится,
 Убежал, так не воротится,
 Белый лён, белые ниточки.
 Я стояла у калиточки.
 У калитки стоял мальчик молодой,
 Говорил: «Напой, красавица, водой».
 Напоила, праву руку подала,
 Расхорошего чай кушать позвала,
 А за чаем ему выговор дала,
 Выговор дала не маленький —
 Подарила цветик аленький.

Ой-да ли на горе,
 Ой-да ли на горе.
 На горе-то калина с малиной,
 На горе-то калина с малиной.
 Ой-да ли под горой,
 Ой-да ли под горой.
 Под горой-то землянишничек,
 Под горой-то землянишничек.
 Ой-да ли вот пошли,
 Ой-да ли вот пошли,
 Вот пошли девицы в лес за цветом,
 Вот пошли девицы в лес за цветом,
 Ой-да ли за цветом,
 Ой-да ли за цветом.
 За цветом они, за ягодами,
 За цветом они, за ягодами.
 Ой-да ли за́ черной,
 Ой-да ли за́ черной
 За черной они смородиною,
 За черной они смородиною.
 Ой-да ли начали,
 Ой-да ли начали.
 Начали девиц комарики кусать,
 Начали девиц комарики кусать.
 Ой-да ли начали,
 Ой-да ли начали,
 Начали они платочкам махать,
 Начали они платочкам махать.

84

Ты, берёза ли, моя берёза,
 Ты, кужлявая моя берёза.
 Ночи тёмные, осенние
 Частые дожди льют,
 Глазки чёрные, весёлые
 Спокою не дают.
 На тебе ли, на берёзе,
 Ничего не уродилось.
 Золотое-то колечко
 По тесинке прокачу,
 Милый потчует гостинцам,
 Лучше брошу, не хочу.

Уродились одни листья,
Они дó земли повисли.
Конфетка моя
Леденистая,
Полюбила я милова
Румянистого.
Листья на землю опали,
Да им морозы помешали.
Не скажу кого люблю,
Не укажу которого.
У отца четыре сына —
Люблю чернобрового.

85

Что, подруженька, сидишь,
Сидишь, не одеваешься?
У вас наплаканы глаза,
Не замуж ли собираешься?
Не торопитесь, девки, замуж —
Замужем вы будете,
Своё весёлое гулянье
Вовек не забудете.

86

Что-то пташки-канарейки поют?
Не за нами ли родители идут?
Не ходите вы, родители, за нам,
Не топчите мать сыру землю ногам,
Не наполнить моря синего слезам.
Сине море широко и глубоко,
Наших молодцев угнали далеко.
Далеко за Волгу-матушку,
Во казённую палатушку.

87

Как у милого у Васеньки
Очень ласковые басенки,
Его модная походочка
И с улыбкой поговорочка.
Он ходил, уговаривал меня:
«Не выходи, мила, замуж до меня.
Если будут тебя силой выдавать,
Ты, послушай, научу я, что сказать.

Говори, что нынче замуж не пойду.
Ещё лето погуляю во саду».
Я из садика домой ворочусь,
Черноглазого хорошего дождусь.
Здравствуй, чёрненький, весёленький глазок.
Приезжай гулять на следующий разок.

88

Вечер поздно и полоски не дожать
Милый сердится, не буду уважать.
Уважала, уваженьице не в честь.
Кроме этого ещё четыре есть:
Первый миленький во Питере живёт,
А второй-от во начальники встаёт,
Третий милый во Грязёвце в писарях,
А четвёртый завсегда в моих очах.

89

Нынче лесу много выгорело,
По милом сердечко выболело.
Рожь прибило, приломало колоски,
На моём сердечке прибыло тоски.
У Павлуши, у молодчика,
Новой дом возле колодчика.
Я стояла у колодчика —
Это всё из-за молодчика —
У колодца, у холодные воды.
Подружка, выведи из эдакой беды!
Верю, верю я, подруженька, тебе,
Я сама была не в эдакой беде.

90

За садом лужок
Зеленёшенек.
В саду мята, рожь не жата,
Некошёная трава.¹⁾
Мой-то миленький
Веселёшенек.
Мы пойдём с дружкой,
Разметём лужок.

¹⁾ Припев «В саду мята, рожь не жата, некошёная трава» повторяется после каждых двух строчек.

Разметём лужок,
Заведём хоровод.
Милой с гусями,
А я с песнями.
Что не петь гусям
Против песенок.
Не светить солнцу
Против летнего,
Не любить дружку
Против прежнего.
Хоть любить будет,
Всё обманывать,
Молодой жене
Пересказывать.
В саду мята, рожь не жата
Некошёная трава.

91

Посадила я берёзку,
Поливай берёзку, дождь!
Меня миленький оставил,
Привыкай одна, как хошь.
Поливай, не поливай —
Берёзка не отродится.
Вспоминай, не вспоминай —
Уехал, не воротится.

92

Ветер дует в яровое полюшко,
Никто не знает про моё про горюшко.
Ветер дует, все берёзки шевелит.
Сам не ходит и другим не велит.
Ветер дует, вся земля согреется.
Кой по нраву, на того надеется.

93

Заинька, по сенечкам,
Гуляй, гуляй, гуляй,
Серенький, по новеньким
Погуливай, гуляй.
Некуда зайньке выскочити,
Некуда серому выпрыгнуть.
Двои-трои ворота

Все позаперты стоят,
А у каждах у ворот
По три девицы стоят:
Одна в парче,
Другая в тафте,
Третья девица
Во всём золоте.
Не хочу тафты,
Не хочу парчи,
Хочу ситчику
Полосатенького.
Люблю милую
Тороватенькую.
Я которую люблю,
Ту и выберу.

СВАДЕБНЫЕ ПЕСНИ

94

Ох ты мнечушки тошнёшенько,
Коль гораздо обиднёшенько,
Что же я-то засиделася,
На кого я загляделася,
Чужих басен при заслушалась,
У старушек — старинушек,
У молодушек — былиночек,
У подружек — жалких песенок.
Мне бы стать да приподняться,
Мне пройти да молодёшеньке
По своей да светлой светлице,
По высокой новой горнице,
Мне по батюшкиному строеньицу,
Мне по матушкиному благословленьицу.
Углядела я да и уприметила
Сквозь туман да горючи слёзы
Своего кормильца батюшку.
Бог судья, кормилец батюшка,
Запросватал меня, молодёшеньку,
Во злодеи да во чужи люди!
Я была ль те не работница?
Я была ль те не заботница?
В чистом полюшке не жнеюшка?

95

Бог судья, мои родители,
Отдавать меня, просватывать.
Я какую вам вину сделала?

В чём гораздо провинилася?
Иль амбары хлеба выела?
Сундуки платья износила?
Иль ключами обтерлася?
Золотой казной обсчиталася?

96

Уж как свату перелестнику
Ему три бы чирья в бороду,
А четвёрто-ет под горлышко,
Вместо красного солнышка.

Мы возьмём в поле борону
Да расчешем свату бороду,
Мы возьмём косу вострую
И снесём свату голову,
Мы снесём свату голову
Да что по самую бороду,
Мы сведём свата на́ гору
Да и столкнём его пóд гору.

В кувырки ему скатится,
Лаптем богу помолится!

97

Приходила сваха сводница,
Чужу сторону нахваливала,
Чужу сторону нахваливала,
Добрый молодец нахвастывала:
Во чужой во дальней стороне

Все поля изюмом сеяны,
Все поля изюмом сеяны,
Виноградом огорожены.
Виноградом огорожены,
Сладкой водочкой поливаны.

Вышла замуж, оглянулася:
На чужой на дальней стороне
Все поля горем усеяны,
Все поля горем усеяны,
А кручиной огорожены,
Горючим слезам поливаны.

Раскачалась вербушка,
 Стоючи перед яблонькой.
 Расплакалась девушка,
 Стоючи перед батюшкой,
 Плакучи перед матушкой:
 «Государь-сударь батюшка,
 Ты сердечный, ты, батюшко,
 Не мочи ли миновати,
 Эту свадьбу отложить?»
 «Уж ты, дитятко милое,
 У нас дело всё сделано,
 По рукам ударено
 И платами задарено.
 Ты судачь, наше дитятко,
 На свата перелёстного.
 На врага переносного,
 Кто носил, перенашивал
 Не путём, не дороженькой —
 По полям, по запольицам,
 Деревням по задворьям,
 Улицам по-за полинницам,
 Да по собачьим лазеникам,
 По затынным тропиночкам.
 Уже, дай боже, сватушку
 На печи заблудится,
 Сквозь напыльник свалится»

99

Вы, народ да люди добрые,
 Вы чего да взволновались?
 Вы чего да испугались?
 Из-за леса, леса тёмного,
 Из-за садика зелёного
 Поднялась да туча грозная
 Со частым да мелким дождичком.
 Вы не бойтесь, люди добрые,
 Не пугайтесь да, подруженьки,
 Не на ваши буйны головы
 Поднималась туча грозная —
 На мою на буйну голову,
 На мою на русу косыньку.

Пропили молодёшеньку,
 Пропили зеленёшеньку.
 Не послушались родители
 Моего наказу крепкого,
 Отдали меня, младёшеньку,
 На чужую дальнюю сторону,
 За чужого чужей-чуженина,
 За нелюбимого у родителей сына.

101

Испугалась молода,
 Испугалась зелена!
 Без ружья сердце прострелили,
 Без косы ноги подкосили,
 Без ножа руки обрезают.
 — Уж вы станьте, подруженьки,
 Уж вы станьте, голубушки,
 Не пущайте ко мне, молодешеньке.
 Чужого чужовина!

102

Раскачалась вереюшка,
 Отворилися ворота.
 Что бояре-ти наехали у нас,
 Марьюшка испугалась.
 Закидалась, забросалась,
 Из горницы, в горницу,
 К красным девкам под занавеску:
 — Сохраните меня, девушки,
 Сохраните меня, красные!
 Воно едет разоритель мой,
 Воно едет погубитель мой!
 — Уж не я же разоритель твой,
 Уж не я же погубитель твой —
 Разоритель твой батюшка,
 Погубительница матушка.

103

Вы, цветы ли, наши цветики,
 Вы, цветы ли васильковые,

Было много вас посеяно,
Очень мало уродилось.
Было много нас, подруженек,
Очень мало нас осталось.
Что одна была изменщица
Парасковья лицемерщица:
Говорила, что я замуж не пойду
Не за князя, не за барина,
Не за купчика богатого,
Говорила — в монастырь пойду.
Говорила — в монастырь пойду.
Двух подруженек с собой возьму.
Уж как первую во ключницы,
А вторую во пекарщицы.
А я сама во игуменьши.
А теперича замуж пошла
Не за князя, не за барина,
Не за купчика богатого,
За того сына крестьянского,
За Михаила Иваныча.

104

Ты не гнись, не гнись, половочка,
Не ломись, да перевединка,
Мне не с возом, да, молоде, ехати,
Не корабль да животов везти,
Не другой да платья цветного —
При последнем да точно времечке.
Мне одной пройти, да красной девице,
Мне стать со лавочки со брусовой,
Стать на резвые да на ноженки,
Мне повыйти да повиступить
Вдоль по светлой да своей светлице,
Мне по новой да по новой горнице,
У себя да во своём дому,
При последнем точно времечке,
Мне не веки здесь да вековать,
Мне не годы здесь да годовать —
Одну ноченьку да здесь ночевать,
Одна ноченька коротенька.
Разложу я тёмну ноченьку
На четыре да на четвертиночки:
Уж я первую да четверть ноченьки

Стану богу да молитися,
Я другую да четверть ноченьки
Стану спать да высыпатися,
Уж я третью да четверть ноченьки
В путь-дороженьку да сдобляюся,
Я четвёртую да четверть ноченьки
С отцом, с матерью прощаюся.
Я поеду да, красна девица,
Во церковь да во соборную,
Ко звону да колокольному,
Ко отцу да ко духовному.
Я сегодня да в день сегодняшней
Я приму да, красна девица,
На свою да на головушку
Я приму, млада, уж злат венец.
Меня от церкви да от соборной
Повезут да молодёшеньку
На чужую да на дальнюю сторону,
Мне будет, да молодешеньке,
Переплёт да русой косоньке,
Перечёс да буйной голове,
Перетряска да платью цветному,
Пересмотр да лицу белому.

105

Я сижу да призадумалась,
Чужих басен призаслушалась,
Не со мной да люди говорят,
Не мою да думу думают.
У меня, у молодёшеньки,
Много горюшка великого.
Уж мне как да подступитися
На чужу на дальнюю сторону,
Ко чужим да ко родителям,
Ко чужому добру молодцу.
Мне не долго во гостях гостить
У своих да у родителей,
Мне не год ещё годовати
И не лето проработати,
Не весну красну прогуляти —
Одну ноченьку ночевати,
Да и ту всю протосковати,
Протужити да всё проплакати.

Мне сегодня, молодёшеньке,
Нехорош да сон привиделся,
Али въяви показалось,
Что пришла бы дивья красота,
У окошечка побрякала,
У калиточки постукала.
Подходила дивья красота
Что ко мне да к молодёшеньке,
Буйну голову погладила,
Русу косоньку посмóтрела,
На меня да рассердилася,
Она ушла да не простилася.
И пошла да дивья красота
Калиным мостом протопала.
Что пошла да дивья красота
Во леса да во дремучие,
Привилася дивья красота
Ко сухому-то да ко дереву.
Уж как этому-то дереву
Не бывать да ему зелено, —
Уж как мне да молодёшеньке
Не бывать да в красных девицах.

106

Вам спасибо-то, подруженьки,
Вам спасибо-то голубоньки.
Нарядили в дивью крáсоту,
В девичье-то украшеньице.
— Уж мы шли к тебе, подруженька,
Уж мы шли к тебе, голубонька,
Шли широкой белой улочкой,
Нам попали три встретьюшки:
Уж как перва-то встретьюшка — твоя воля-то вольная.
А вторая-то встретьюшка — твоя нега-то нежная.
Уж как третья встретьюшка — твоё девичье житьё,
Да девичье украшеньице.
Уж пошла да дивья красота во леса да во дремучие,
Во леса да во дремучие, во болота во зыбучие,
Села дивья красота на сухое-то на деревцо.
От сухого-то от деревца не бывает отрастеньица,
Не бывать молодежи в красных девушках.

Тёмны ноченьки притемнились,
 Красна девица припечалилась.
 Как мне, младе, не печалиться,
 У меня, млады, да много горюшка,
 Много горюшка, да нету батюшки,
 Только есть у меня да мил сердечный друг —
 Со мной водится, да боле вздорится.
 Ты, рябинушка, да раскудрявая,
 Ты весной росла да летом выросла,
 Под тобой ли да под рябиною,
 Там не мак ли цветёт, да не огонь горит,
 Там горит сердце да молодецкое.
 Напишу да вестку-грамотку,
 Я положу да эту грамотку
 На кругло крашено окошечко,
 На слезливое стеколышко.
 Уж вы подуйте, ветры буйные,
 Подхватите вестку-грамотку,
 Вы снесите, ветры буйные,
 Да прямо ко святой да богородице.
 Уж ты раздайся, мать сыра-земля,
 Да расколися ты, гробова доска,
 Уж ты спусти да душу грешную,
 Да во уста дай говореньице,
 В очи ясные гляденьице,
 В грудушку дыханьице,
 В ноженьки хожденьице,
 В белы рученьки маханьице.
 Уж я слышу, да сиротиночка,
 Что говорят да люди добрые:
 Там чернава показалася,
 Человек идёт, шатается,
 Батошкой да подпирается.
 Видать недалечко да близёхонько,
 На широкой да на улочке,
 На разъезженной дороженьке.
 У окна поколотилося,
 У ворот да попросилося,
 У дверей да за скобу берёт.
 Мне стать да приподняться
 На свои да на резвы ноженьки.
 Уж вы пораздайтесь, люди добрые,

Все суседки порядовые,
Все суседки да суседушки.
Уж вы пораздайтесь, люди добрые —
Мужской пол да по праву руку,
Женский пол да по леву руку, —
Дайте единую половочку.
Вы не гнитесь-ко, да половочки,
Под полом да переводинки,
Мине встретить да рожёну матушку.
Разве взять да двери за скобу,
Отворить её да на пятах.
Ты проходи, рожона матушка,
В передний угол на лавочку,
Где у меня, у сиротиночки,
Где моя да дорогая кумушка.
Уж ты ставь столы, ставь дубовые,
Стели скатерти да браные,
Да ты носи да пиво пьяное,
Неси полштоф да зелена вина,
Неси графин да сладкой водочки.
Ты садись, рожона матушка,
За столы те за дубовые,
За скатёрочки браные.
Уж вы поглядите-ко, люди добрые,
В передний угол на лавочку,
На рожону да на матушку.
Теперь, слава тебе, господи,
Собралась да сокатила
Со всей роднёй, со всей природушкой.
Как погляжу да я, молодёшенька,
За столы да за дубовые,
Как сидит рожона матушка.
Мне принесла рожона матушка
Три великие подарочка:
Первой-от подарочек —
Цветное платье венчальное,
Второй мне подарочек —
Хорошу шубу соболиную,
Третий-то мне подарочек —
Крепкое благословеньице.
Рассудите-ко вы, подруженьки,
За чего же мне принятися,
За которой да подарочек?

Платье цветно да замазается;
Шуба соболиная да зарудится.
Я возьмусь, да молодёшенька,
Да за крепкое благословеньице,
Оно-то на огне не горячее,
На воде-то не тонучее.
Как поглежу да я, сиротиночка,
В передний угол да на лавочку,
Да за столы да за дубовые,
Да за скатертки браные —
Буди так льдиночка растаяла,
Бисериночкам рассыпалась.

108

Ты последний раз с нами прощаешься,
Ты куда от нас удаляешься?
Ты зайдёшь черту невозвратную,
Из черты назад не возвратишься,
В девичий наряд не нарядишься.
Не цветут цветы после осени,
Не растёт трава зимой по снегу,
Во гуляньице тебе не гуливать,
Цветно платьице те не нашивать,
Не бывать молодежи в красных девушках.

109

Раздайся, народ,
Дивья красота идёт.
Не сама она идёт,
Её девица несёт
По полу тесовому,
По столу дубовому,
По скатерти браной,
Ко княгине молодой.
Сватовья и сватоньки,
У нашей дивьей красоты
Каждый сучочек
Стоит пятачок,
Комелёчек — четверточек,
Вершинка — рублик.
Наша дивья красота
Не в лесу росла,
А близ большой дороги.

Ехали сватовья, её покупали,
А мы её не продавали,
Тебя, молодой князь, всё ждали.
В каждой потолочине
По рублику заколочено.
У нашего сватушки Ивана
Во стене-то шерсть —
Подарите рубликов шесть!

110

Не от ветру, не от вихорю
Сами двери отворилися.
К нам не ель да в избу клонится.
Не берёза богу молится —
Богу молятся чужи люди,
Чужи люди незнакомые,
Со сторонки явленные.
Вот сказали люди добрые,
Что на Руси да панов нету —
К нам паны да наявились,
Родна батюшку в разор зорят,
Родну матушку в полон берут,
Меня, девушку, с собой везут.
Да и вы садитесь, люди добрые,
Что за скатерти за браные,
За напитки-то за сахарные.

111

Из-за лесу, лесу тёмного,
Из-за садику зелёного
Да тут летит стадо серых гусей,
Тут летит стадо серых гусей,
Да что второе лебединое.
Да отставала лебедь белая
Да прочь от стада лебединого.
Да приставала лебедь белая
Ко стаду да ко серым гусям.
Начали же гуси щипати,
Что белая лебедь кричати:
«Не щиплите, гуси серы,
Да не сама я к вам залетала,
Да принесло меня погодою,
Да что погодою-невзгодою,

Да завезли меня добры кони,
Да добры кони Ивановы,
Да лихие Николаевы».

112

Что чоботу, да, сударь, чоботу¹⁾,
Стелют ковры, да стелют бархаты.
Спо тем коврам, спо тем бархатам
Идут попы, идут дьяконы.
Позади-то идёт добрый молодец,
За собой-то ведёт красну девицу,
Катерину-то душу да Ивановну.
От чоботу, сударь, земля стонет,
От яфонту лицо горит,
От тебя, сударь, сердце дрожит.
Прошу тебя, добрый молодец,
На чужой стороне будь отец родной
И оборонушка не малая.
По утру вставай ранёшенько,
Ты буди меня, молодёшеньку,
Ты учи-ка меня уму-разуму:
Эвати свёкрушка батюшкой,
Свекровьюшку — матушкой,
Деверьицев — братьями,
А золовшек — сестрицами.
А тебя-то как добра молодца?
— Называй да меня по имени,
Величай меня да по отчеству.

113

Побудит меня, молодёшеньку,
Побудит меня, зеленёшеньку:
— Ты вставай-ко, дочка милая,
Проспала ты свою волюшку
На чужую на сторонушку.
Подтекала речка быстрая,
Понесло твою постелюшку
На чужую на сторонушку,
Ко чужому ко чуженину,
Чуженину отцу, кому,
А грозе-то молодёцкому.

¹⁾ Каждая строчка повторяется два раза.

Наспала же ты неволюшку,
Да ты неволюшку великую,
Променяла дивью кр́асоту
На большую неволюшку.

114

В нашем огороде
Уродилась мята.
 Розан, мой розан,
 Виноград зелёный ¹⁾).
Уродилась мята,
Зелёна, кужлевата,
Пойду я к соседу
Серпа попросити,
Серпа попросити,
Всю мяту сожати,
Всю мяту сожати,
За тын побросати,
За тын, за берёзу,
За белую розу.
Кто у нас хороший?
Кто у нас пригожий?
Василий-то хороший,
Иванович пригожий,
На коня садится,
Конь под ним резвится,
К терему подъезжает,
Девушки встречают:
Здравствуй, наш хороший,
Здравствуй, наш пригожий,
Долго тебя ждали,
Долго ожидали,
Посла посылали,
Дома не застали,
 Розан, мой розан,
 Виноград зелёный.

115

У Ивана-то хоромы высоки,
У Васильевича с горницами,
На дворе-то стóлбы точёные,

¹⁾ Припев «Розан, мой розан, виноград зелёный» повторяется после каждых двух строчек.

Вереюшки позолоченные.
Подвороточки серебряные,
А ворота из хрустального стекла.
Среди-то двора камешек лежит,
Из-под камешка речка бежит,
А по речке судёнышко плывёт,
Во судёнышке-то много людей.
Тут Иванушко похаживает,
Свет Васильевич погуливает,
Кажну стрелу накаливает,
Каленбй стреле наказывает:
«Ты лети, лети, калёная стрела,
Выше лесу, выше тёмного,
Выше садика зелёного.
Ты убей, убей, калёная стрела,
Сиза голубя на каменной стене,
Серу утицу на полой на воде,
Красну девицу в высоком тереме.
Красна девица — невеста моя,
Свет Евгения Ивановна».

116

Что у месяца рога золоты,
Солнце красное, луна ясная,
У Ивана-то, да кудри русые,
У Ивана-то да завивалися.
Ещё кто да завивал кудри,
Что за эти-то да кудри русые?
Государь его хочет жаловать
Тремя городами, тремя славными:
Первым городом — славным Питером,
Другим городом — каменной Москвой.
Третьим городом — Белым озером.
В Крохине-то ему да жениться,
Взять невесту ему хорошую,
Анастасью свет да Ивановну.

117

Уж как Марьюшку-подружку
Нам куда будет отдать?
Сповилью, сповильён
Сповиль, нахиль, вихиль ён,
Сповильён Сповильевич,

Уж как Марьюшку подружку
Мы в починок отдадим.
Сповилью, сповильён,
Сповиль нахиль вихиль ён,
Сповильён Сповильевич.
Уж мы Марьюшку за Иванушка,
Алексеевну за Васильича.
Сповилью, сповильён
Сповиль, нахиль, вихиль ён,
Сповильён Сповильевич.

118

Ельник, березник то ли не дрова?
У Виталия Алевтинушка то ли не жена?
Алая ленточка к стенке льнёт,
Виталий Алевтинушку к сердцу жмёт:
«Сказывай, Алевтинушка, кто в семейке люб?»
«Нет любее батюшка». — «Неправду судишь,
Неправду судишь, небыло говоришь,
Небыло говоришь, моё сердце томишь».
Ельник, березник то ли не дрова?
У Виталия Алевтинушка, то ли не жена?
Алая ленточка к стенке льнёт,
Виталий Алевтинушку к сердцу жмёт.
«Сказывай, Алевтинушка, кто в семейке люб?»
«Нет любее матушки». «Неправду судишь,
Неправду судишь, небыло говоришь.
Небыло говоришь, моё сердце томишь».
Ельник, березник, то ли не дрова?
У Виталия Алевтинушка то ли не жена?
Алая ленточка к стенке льнёт.
Виталий Алевтинушку к сердцу жмёт:
«Сказывай, Алевтинушка, кто в семейке люб?»
«Нет любей Витальюшки». — «Правду судишь,
Правду судишь, быть говоришь,
Быть говоришь, моё сердце веселишь».

119

Уж вы, бояре, бояре,
Соколы вы залётные,
Соколы вы залётные,
Бояре вы заезжие,
Вы куда вечор летали?

Уж мы летали, летали,
Уж мы с моря-то на море,
Уж мы с моря-то на море,
Уж мы с городу на город.
Уж вы, бояре, бояре,
Уж вы что же там видели,
Уж вы что же там видели,
Хорошо очень слышали?
Уж мы видели, слышали
На песках серу утицу,
На песках серу утицу,
В терему красну девицу.
Уж вы, бояре, бояре,
Уж вы что её не взяли?
Уж мы взять её не взяли,
Мы её заприметили,
Мы её заприметили,
По рукам мы ударили,
Золоту казну отдали,
Золоту казну отдали,
Зелено вино розпили,
Зелено вино розпили,
Пиво пьяное розлили.

120

Как на дружке-то кафтан
С самого чорта содран,
Дружка нехороший,
Дружка непригожий.
Как на дружке-то штаны
После дяди сатаны,
Дружка нехороший,
Дружка непригожий.
Как на дружке-то шапчонка
После дядюшки чертёнка,
Дружка нехороший,
Дружка непригожий.
Как на дружке рукавицы
После бабки сатаницы,
Дружка нехороший,
Дружка непригожий.
Сидит дружка на осине,
Его черти заносили,

Дружка нехороший,
Дружка непригожий.
Сидит дружка на ели,
Его черти завели,
Дружка нехороший,
Дружка непригожий.

121

Что не ель да в избу клонится,
Не берёза богу молится, —
То идёт да дружка с поездом.
Поездяне нехорошие,
Журавли вы долгоногие,
Вы сычи да большеглазые,
Что вы долго собиралися?
Али в лапти обувалися?
Во онучи увивалися?
На дворе вы заблудилися,
Яслям богу помолилися,
Ко столбу вы приложилися,
Уж вы думали — поп с крестом,
Очутился это бык с хвостом.
Вы приехали, гадины,
Что по нашу душу-ягоду.
У вас лошади грошовые,
Хомуты у вас прошёные,
У вас сбруи-то мочальные,
У вас сани-то ошевни,
На них уголья вожены.

122

Что не ворон в поле каркает,
Николай-от женой хвастает,
Николай-от женой хвастает,
Да свет Васильевич выхваляется
Говорит: «У меня Оля хороша,
Она без солоду пиво варит,
Без муки пироги печёт,
Без муки пироги печёт,
Всё меня навеличивает»,

Ай, на нашей на сторонке,
 Что на нашей на весёлой
 Угода большая,
 Да угода большая.
 Расхороший хмель родился,
 Круг колышка вился,
 Вился, вился, извивался,
 Венцы золотые.
 Золотые венцы вьются,
 Серебряно листьё,
 Жемчужное кистьё.
 Пойду, млада, в сад гуляти.
 Хмелюшку щипати.
 Пощиплю я, млада, хмелю,
 Хмелю садового,
 Наварю я, млада, пива,
 Пивушка хмельного.
 Созову я в гости гостя,
 Гостя дорогого,
 Батюшку родного,
 Больно скоро упился,
 Домой снарядился.
 Он с двора домой съезжает,
 Меня оставляет.
 Меня, младу, оставляет
 На чужой сторонке,
 В чужих людях жити,
 Всякому служити,
 И старому, и малому,
 И всякому человеку.

124

— Где ты, зайнька, был?
 Где ты, беленький, был?
 — В огороде зайнька,
 В огороде беленький.
 — Что ты делал, зайнька?
 Что ты делал, беленький?
 — Я капусту ломал,
 Я белую ломал.
 — Ты б в бороздку, зайнька,

Ты б в бороздку, беленький.
 — А бороздка-то узка,
 А капуста-то низка.
 — Ты б дорожкой, зайныка,
 Ты б дорожкой, беленький.
 — А дорожка свистком,
 А я, зайныка, ползком.
 — Под берёзку б, зайныка,
 Под берёзку б, беленький,
 — На берёзке листочки,
 Боюсь, ушибуй.
 — Ты б под ёлку, зайныка,
 Ты б под ёлку, беленький.
 — А на ёлке-то иголки,
 Боюсь уколеться.
 — Ты в домочек, зайныка,
 Ты в домочек, беленький.
 — А домочек обводить,
 Меня, зайныку, ловить.
 — Ты б в деревню, зайныка,
 Ты б в деревню, беленький.
 — А в деревне-то народ
 Зайку схватит у ворот.

125

Светит месяц по роше,
 Едет зять-то ко теще
 На манежных лошадаках,
 Во зеркальной карете.
 Сомневается теща:
 «Чем мне зятя подарить?»
 Подарила теща зятя
 Золотыми часами.
 Зять на тещу не взглянет,
 Головы не подымет,
 С тещой слова не скажет.
 Светит месяц по роше,
 Едет зять-то ко теще
 На манежных лошадаках,
 Во зеркальной карете.
 Сомневается теща:
 «Чем мне зятя подарить?»
 Подарила теща зятя

Своей живой дочкой.
Зять на тещу-то взглянет,
Голову приподнимет,
Слово ласково скажет:
«Благодарствуйте, теща,
Хорошо дочь родила,
Хорошо нарядила,
К уму-разуму научила».

125а

ПОХОРОННЫЙ ПРИЧЕТ

Ты прощай-ко, милая-млада,
Ты, моя да свечка светлая,
Моё красное ты солнышко —
Больше живучи не видывать,
Голоска больше не слыхивать.
Ты прощайся, милая-млада.
Со своим да домом благодатным,
Со своей да новой горницею,
Со своей да светлой светлицей,
Со своей да молодой женой,
Со своим да малым детушкам,
Ты с соседским малым детушкам,
Со полями ты со чистыми,
Со реками ты со быстрыми,
Со лугами со зелёными,
Со лесами ты со тёмными.
Ты послушай-ко, млада-милая,
Что я буду тебе сказывать,
Горюшиночка, наказывать
Я в остатние во последние:
Ты сойдешь да, млада-милая,
Ты на тот свет да на будущий,
Тебя станут звать, да млада-милая,
Станут звать да за забыть-реку.
Ты послушай, млада-милая,
Ты в остатние во последние:
Ты не ездь за забыть-реку,
Ты не пей-ко забытнoй воды.
Ты забудешь, млада-милая,
Ты свою родную сторону,
Ты забудешь, млада-милая,
Ты меня да горюшиночку

Со своим да малым детушкам.
Ох, охти мне тошнёшенько
Моему да ретиву сердцу.
Тут я, сирота, догадалася,
Горюша, я сдомекалася,
Что сыру бору не выгаривать,
Синю морю не высахивать,
Не плыть камню по поверх воды.
Не бывать моей милой-младе
По поверх земли.

ЛИРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

126

Заблудилася красавица в лесу,
Выходила на Кокшеньгу на реку,
Выстилала кашемировый платок,
Набирала сладких ягодок пяток,
Укричала: «Перевозчик молодой,
Перевези на ту сторону домой!».
«Красавица, нынче дорог перевоз».
«Перевозчик, что те надобно, берёшь!»
«Красавица, выйди замуж за меня».
«Перевозчик, это воля не моя —
Это воля-то батюшкова,
Сверх того матушкина».

127

Не дуйте-тко, ветрочки,
И не шуми, дубровушка!
Не ной, не ной у девушки,
Не ной, сердце, во мне.
И так моё сердечушко
Изнылося в тоске,
Изнылося, изболелосся,
Не знаю из-за чего.
Я шла-прошла тёмным лесом
Казался девке цвет,
Цвет-травонька шелковая
Сплетает за мной след.
Цветы мои лазоревы,

Воспойте соловьём!
Наехал же злодей-жених
На конях вороных.
На тех конях вороненьких,
На них сбруя горит;
На извозчиках на молоденьких
На них платье шумит.
Мой миленький, любезный друг,
Поджав ручки, стоит.
«Красавица, забавница,
Прощайся с любезным!»
«Радёшенька проститися —
Коники не стоят».
«Красавица, забавница,
Хоть глазком мигни!»
«Радёшенька глазом мигнуть —
Прикрытые глаза».
«Красавица, забавница,
Хоть рученькой махни!»
«Радёшенька рукой махнуть —
Рука у жениха».
«Красавица, забавница,
Хошь платочек урони!»
«Радёшенька платочек уронить —
Платочка в ручке нет».

128

Недозрелая-то калинушка —
Её нельзя заломать,
Недоросла красная девица —
Её нельзя замуж взять.
«Милая да моя хорошая,
Ты постой, остановись!»
«Рада бы, радым-радёшенька,
Да добры кони не стоят».
«Милая да моя хорошая,
Хоть ты рученькой махни».
«Рада бы, радым-радёшенька,
Да рука-то у жениха».
«Милая да моя хорошая,
Хоть ты глазыньком мигни»,
«Рада бы, радым-радёшенька,
Да все глазыньки-то во слезах».

«Милая да моя хорошая,
Ты головушкой махни»,
«Рада бы, радым-радёшенька,
Да на головушке венцу».

129

Меня отдали, молодёшеньку,
На чужу дальню сторонушку,
За леса да за дремучие,
За болота за зыбучие,
За реки за широкие,
За ручьи да за глубокие.
Там и леса-то неровные,
Там и люди-то недобрые,
Соседки не соседливые.
Мне некуда, сиротинушке,
Прислонить буйну головушку
На чужой да на сторонушке.
Я повыйду, сиротинушка,
Я во чистое во полюшко,
Припаду я, сиротинушка,
Ко горячему ко камешку,
Горюч камешек не выскажет,
Мать сыра земля не вынесет.

130

Не буди-ко, маменька,
Дай ночку поспать,
Скоро замуж выдадут,
Воли не дадут.
Да свёкор да свекровушка
Всё журят-бранят,
Да деверь, да золовушка
Работать велят:
«Работай, сношка милая,
Порабатывай,
Да на свою сторонушку
Не заглядывай».
Да на своей сторонушке
Есть отец и мать,
Да есть отец и матушка,
Три брата живут.
Да рассержусь на матушку,

В гости не пойду,
Да на седьмое летечко
Пташечкой слечу.
Да сяду я на древечко
В зеленóм саду,
Своим кукованьицем
Древо посушу,
Своим горячим слёзынькам
Садик потоплю.
Дак увидала матушка
Из окошечка:
Да что это за пташечка
В зеленóм саду?
Да первый братец говорит:
«Пойду погляжу».
Второй братец говорит:
«Ружьё заряжу».
А третий братец говорит:
«Пойду застрелю».
Да застрелили пташечку
В зеленóм саду,
Да серую кукушечку —
Милую сестру.

131

Не по морюшку лебёдушка плывёт,
Эх да свыше бережку головушку несёт.
Не ко мне ли родимая маменька идёт?
Эх да ты иди-ко, иди, родимая, сюда,
Да погляди-ко ты на несчастную здесь меня,
Погляди-ко ты на несчастную здесь меня.
Эх да как я мучуся, во чужих людях живу.
Не по плису да не по бархату хожу;
Не по плису да не по бархату хожу —
Через злато горячѣ слёзы роню.

132

Выдал меня батюшка
В незнамую семью,
В незнамую семью,
Не в талантливую.
Ох, ох, ох, ох ты мне.
Есть у нас в семеюшке

Свёкор да свекровь,
Свёкор да свекровь
Да четыре деверя.
Ох, ох, ох, ох ты мне.
Да две золовушки,
Да две тётушки.
Две золовушки,
Да две тетушки.
Ох, ох, ох, ох ты мне.
Ко венчанью-то везли,
Всё похваливали ¹⁾.
От венчанья везли,
Всё побранивали.
Уж что свёкор говорит:
«Не работницу везут».
А свекровь-то говорит:
«Нам непряху везут».
А золовки говорят:
«Нам непряху везут и не швеюшку».
А деверья говорят,
Разделить домок хотят.
Только ночку ночевала,
Приосмелилася:
«Ты позволь-ка, свёкор-батюшка,
По горенке пройти.
Что по горенке пройти,
Слово вымолвити.
Что медведь-то со медведицей
В глухом лесу живут.
А лютая-то змея —
Знать, свекровушка моя.
Вы, деверья-соколы,
Ваши жёны таковы.
Вы, золовки-плутовки,
Вам самим замуж идти.
Уж вы, тётушки — две лебёдушки,
Вам в чужом ли дому да не указывать.
Вас поставлю на порог,
Да в три шеи за ворот».

¹⁾ Далее после каждых двух строк припев: «Ох, ох, ох, ох ты мне».

Посидите да посидите, красны девушки,
 На меня, младу-младеньку, не глядите.
 Каковая ни была, да замуж вышла
 За таково за детину да за невежу.
 Не умеет вор-невежа со мной жити:
 Он в пир пойдёт, невежа, не простится,
 А из пиру идёт, невежа, не проспится,
 А по двору идёт, невежа, не просвищет,
 А воротам идёт, невежа, кричит-вопит:
 «Отпирай, жена, широки ворота!»
 Уж как я, млада-младенька, догадалася,
 Потихошенько с постеленьки вставала,
 На босу ногу башмачки надевала,
 Я покрепче воротечка да запирала:
 «Уж ты спи-ночуй, невежа, да за воротами,
 Тебе мягка постеля да снежки белы,
 Тебе крутое згололье да подворотня,
 Тебе тепло одеяло да ветры буйные,
 Тебе цветная занавеса да часты звёзды,
 Тебе крепкие караулы да волки серые —
 Стерегите, да берегите, да разорвите!».

Погонила я корову на реку,
 Люли да люшеньки¹⁾,
 Повстречала я медведя во лесу.
 Ты, медведюшка-батюшка,
 Ты убей мою коровушку,
 Опротай мою головушку.
 У всех мужевья хороши,
 А у меня, у молодёшеньки,
 Некорыстно мужичонышко,
 Всё с кулачонышком.
 Поперёк моей постелюшки лежит,
 Поперечную речь говорит,
 Разувати, раздевати велит,
 Часты пуговики расстёгивати,
 Негодяю распоясывати.

¹⁾ После каждой строчки припев «Люли да люшеньки».

Что я за сапог, да он в щеку,
И я за другой, да он в другую,
Во серёжечку да золотую.
Как меня да молоденьку горе взяло:
«Кабы ты, обраченье, чирей в руки!
Где те, обраченье, мною владети!
Владеть не владети иному —
Иванушке да любезному».

135

Лучина, моя лучинушка, берёзовая!
Что же ты, моя лучинушка,
Неясно горишь?
Неясно горишь, лучинушка, не вспыхиваешь?
Али ты, моя лучинушка, в печке не была?
Я была в пече, лучинушка,
Вчерашной ночи.
Моя милая свекровушка
На свадьбе была,
Напилась она пьянёшенька,
В печку ходила,
Меня, сухую лучинушку,
Водой облила.
Подружки, мои голубушки,
Вы ложитесь спать,
Вы ложитесь спать, подруженьки,
Вам некого ждать,
А мне-то, молодёшеньке,
Всю ночь не спать,
Всю ночь не спать, подруженьки,
Всё милого ждать.
Первой сон я заснула —
Миленького нет,
Другой сон я заснула —
Заря, белой день.
По этой-то, по зореньке,
Милый мой идёт.

136

Весел-то я, весел сегодняшний день,
Радостен, радостен теперешний час,
Видел-то я, видел надежду свою,
Ходит она, гуляет в зелёном саду,

Щиплет да ломает ясен виноград.
Веточки она бросает к милому на кровать.
«Сам, дружок, да покушай, мне-ка поднеси.
Помнишь, знаешь, мы вместе росли,
Вместе взросли, подле речки шли,
Подле речки мы речушки, подле быстрюю.
По этой да по речушке три струйки плывёт:
Первая струечка — чисто серебро,
Другая струечка — красно золото,
Третья струечка — скаченой жемчуг.
Чистое-то серебро — добрый молодец,
Красное золото — красна девица,
Скаченой жемчуг — с миленьким любовь».

137

Комарочки, комары,
Ой, да не давали мне
Да комарочки ночку спать,
Комарочки ночку спать.
Ой, да чуть заснула я,
Молоденька, на заре.
Ой, да молодая на заре,
Нехороший сон привиделся во сне.
Ой, будто мой-то милый,
Да он по гореньке прошёл,
По гореньке проходил,
Ой, да ко кроваточке моей подходил,
Ко кровати подходил,
Ой, да шитый, браный
Да положочек милый отворил,
Ой, да сказал: «Катенька,
Да ты вставай, да Катенька,
Пойдём в хоровод,
В хороводе погуляем».
В хороводе да парень на ногу вступил,
На ноженьку вступил.
Ой, да за уступочку
Алой лентой подарил,
Не за ленточку да третий годок любил.

138

Из лучей, лучей
Туманчик выпадал,

Из туманчика —
Частый дождичек.
Дождь прибил, примочил
Шелкóвую траву.
Не берёт-то, не косит
Турецкая коса
Шелкóвые травы.
Примахалася правая рука,
Испотело-то бело,
Белое лицо.
Коленкорова рубашка
К телу льнёт.
По прокосику
Добрый молодец идёт,
Не дошедши чёрну шляпу скидает:
«Тебе бог помощь,
Красная девица-краса,
Сенокосить турецкою косой».

139

Под лесом-лесочком,
Под турецким городочком,
Долинушка была.
Широка долина.
На этой на долине,
На этой на широкой
Пастушок пасёт,
Стадо стережёт.
Из этого из лесочка,
Из турецкого городочка,
Девушка идёт,
Устало да бредёт.
Несёт в ручках
Два веночка,
Себе и ему,
Милому своему.
На головки венки клала,
Приговаривала:
«Ты, пастух мой, пастушочек,
Пастух, девушкин дружок,
Не забудь меня,
Я в лесу одна».
«Не забуду сиротинку

На широкой на долине».
Он домой-то отправлялся,
Со скотиной угонялся,
К женке забежал,
Два слова сказал:
«Ты, жена, моя хозяйка,
Жёнка барыня-дворянка,
Не жди ночевать,
Я пошёл гулять.
Я на ту пошёл долину,
Где сейчас я пас скотину,
На луг на лужок,
Где милая ждёт».
Маша ждала-дожидала,
За ракитов куст запала:
«Пусть милой пройдёт,
Веселья не найдёт».
Видит — миленький проходит
И веселья не находит,
Песенки поёт
И посвистывает.
Её сердце не стерпело,
Ретивое не смолчало,
Закричала: «Здесь!
Назад воротись!»
Он назад поворочался,
На белую грудь бросался,
Уговаривал:
«Чем ты, Маша, недовольна,
Изволь говорить,
Я буду дарить.
Подарю тебе я, Маша,
На головочку платочек,
На мизинчик перстенёчек,
Конец кумачу».
«Любить не хочу».

140

Ах, Танюша, Танюша,
Таня милая моя,
Таня милая моя,
Походочка частая,
Разговоры ласковые.

Захотелось Танюше
На реченьку погулять,
На реку на Вологду
Любезного повидать.
Призносила ноженьки,
До ключика идучи.
Примахала рученьки,
Свежу воду черпаючи.
Проглядела глазоньки,
На милого глядучи.

141

Стало не с кем попить, погулять,
Стало некому во садик загонять,
Скотинушку во долинушку.
Сама млада возле речушки,
Подле речки по крутому бережку.
Я по бережку похаживала,
Я стадо гусей заганивала:
«Тегу, гуси, тегу, серые, домой!
Уж как вы, гуси, наплавались,
Уж как я, млада, наплакалась.
Наплакалась, нарыдалась молода,
Долго с милым не видалась — три года,
А увидалась — разругалась во глаза,
Разругалась и домой пошла».
Я гнала же гусей-лебедей домой,
Мне навстречу шёл молодчик удалой,
Стал со девушкой заигрывать,
За бело личико похватывать.
«Не хватай, парень, за бело лицо:
У меня личико разгарчивое,
Разгарчивое, неумимчивое.
А моя маменька догадливая.
Приду домой, догадается она,
Отчего лицо разгорелось у меня,
Ведь не от чаю, не от кофею,
Разгорелось не от зелена вина, —
Скажет, с милым на гуляньице была».

142

На улице дождичек, во поле туман,
Ай мне, молодёшеньке, всё горе-печаль.

Большая заботушка — долго дружка нет.
Уехал мой миленький во чужую сторону.
Сказал расхорошенький: «Ворочуся я назад».
Милый, не воротишься, махни правой рукой,
Не махнёшь ты рученькой, распростимся мы с тобой.
Знать-то мне с любезеньким не видатися,
Золотым колечушком не менятися.
Пойду ль я во горенку во новеньку,
Сяду ль я на лавочку на тесовую,
Погляжу в окошечко, во тальянское,
Не идёт ли миленький со чужие стороны.
Не несёт ли миленький мне подарочек —
Со белой со рученьки золото кольцо,
Со белой со шеюшки мне персидский плат.

143

Не ходил бы, не гулял бы
Вдоль по этой улочке.
Не глядел бы, не смотрел бы
На это окошечко.
Что на этом на окошечке
Лежит горюшко.
Что не горе, не беда —
Сухота моя.
Ой, да сокрушил да иссушил
Мальчик девушку.
Девка молодёшенька,
Разумом глупёшенька.
Сам отправился, уехал
Во путь во дороженьку,
Во путь во дороженьку,
Не в дальнюю, во печальную.
Я кричала, ворочала:
«Воротись, мой миленький,
Воротись, мой миленький!
Ой да не воротишься, уедешь, —
Девушка с тоски умрёт,
Со тоски да со печали,
Со горя, с досадушки».

144

Что за год-от такой,
Да за народ лихой —

Не дадут-то нам с миленьким
Любя пожить.
Во любе-то пожить, да во согласице.
Провожала-то его дружка милого
От Любимова было да до Данилова,
До заставушки было Ярославские.
На заставушке с милым расставались,
Крепко-лепко с хорошим целовались,
Тому люди-то, люди сдивовались:
«Это что же, братцы, да не за парочка,
А не муж-от с женой, да не брат с сестрой,
Удалой молодец, да с красной девушкой».
Мил не наказочки, миленький, наказывал,
Честно-лестно хороший приговаривал:
«Посмирнее-то живи умной девушкой».
Я наказочку его мало слушала,
Мало слушала, вовсе я не послушала,
Назвала-то его да всё бездельничком.
«Ты зачем допьяна да напиваешься,
Ты, бездельничек милый, да горький пьяница,
Горька пьяница, да не порядочный.
Мною, девушкой глупой, похваляешься?».

145

Мил, за травой во чистом поле, за муравую
Растёт трава да шёлковая,
Расцвели цветы лазуревы.
С той травы да я цветочек сорву,
Цветок-то сорву и венок совью,
Наложу дружку да на головушку.
Носи, мой миленький, да не сранивай,
Люби-ка меня, девушку, да не обманывай
И правду, миленький, мне всю сказывай.
Как веночек спал — меня миленький любить не стал.
Стал меня миленький обманывать,
Не стал миленький правды сказывать.
Вот у меня же, у Дунюшки,
Стало много думушки.
Перва думушка да про батюшку,
Вторая думушка да про матушку,
А как третья-то думушка про мила дружка,
Про мила дружка да про Иванушку.
За батюшкой да я послов пошлю,

И за матушкой в другой пошлю,
А за милым как за Иванушком
Я сама схожу, да скоро сбегаю,
Скоро сбегаю, да попроведаю,
Не идёт ли мой друг, друг Иванушка.

146

Возле речки, возле мостик,
Возле речки, возле мостик,
Ах, возле речки, возле мостик трава росла,
Ах, возле речки, возле мостик трава росла,
Трава росла шёлковая,
Ах, шёлковая, муравая, зелёная.
Уж я ту траву косила,
Ах уж и ту траву косила в три прокосья,
В три прокосья ради гостя.
Ах, ради гостя — друга дорогого,
Ради своего милого,
Ах, своего милого сердечного.
Ах, как задумал моя радость-друг жениться,
Он на душечке на красной,
Он на душечке на красной,
Ах, он на душечке на красной на девице,
Он на душечке на красной на девице.
Он на той на злой несчастной,
Ах, он на той на злой несчастной,
Он на той на злой несчастной на вдовице.
Через реченьку поедешь,
Через реченьку поедешь,
Ах, через реченьку поедешь, мил, потонешь,
Через реченьку поедешь, мил, потонешь.
Через быстру понесёшься,
Через быстру понесёшься,
Ах, через быстру понесёшься, захлебнёшься,
Ах, через быстру понесёшься, захлебнёшься,
Тут меня ли, молоденьку,
Тут меня ли, молоденьку,
Ах, тут меня ли, молодёшеньку, вспомняешь,
Ах, тут меня ли, молодёшеньку, вспомняешь,
Какова ж я, молоденька,
Какова ж я, молоденька,
Ах, какова ж я, молодёшенька, бывала,
Ах, какова ж я, молодёшенька, бывала,

Поутру раным-раненько,
Поутру раным-раненько,
Ах, поутру раным-ранёшенько вставала,
Поутру раным-ранёшенько вставала.
На босу ногу башмачки,
На босу ногу башмачки,
Ах, на босу ногу башмачки надевала,
На босу ногу башмачки надевала.
Как на плечико салопчик,
Как на плечико салопчик,
Ах, как на плечико салопчик накидала,
Как на плечико салопчик накидала.
На головушку платочек,
На головушку платочек,
Ах, на головушку платочек повязала.
На головушку платочек повязала.
Как на речку выходила...

146-а

Вечерняя-то заря да потухать стала,
А полуночная-то звезда да высоко взшла.
Светлая, утренняя заря да, братцы, занимается,
Из-под зорюшки-то красное солнышко да выкатается.
Вот уж и красное солнышко, братцы, да высоко взшло,
Нам пора-время да с кабака долой,
Со того-то кружка-лужка да с государева.
Ведь напились мы, добры молодцы, да пива пьяного.
Ну, куда пойдём да куда мотнёмся,
Во которую да во сторонушку?
А вечер-то, вечер, у меня, молодца,
Красная девушка да во гостях была,
Во гостях-то была, да ночевать звала:
«Останься-ко, да, милый, ноченьку,
Ночку тёмну, да ночь осеннюю,
Ночку тёмну, да ночь осеннюю,
Да, мож, последнюю».
«Рад бы я да остатися, но боюсь-то вашего батюшка,
Вашего батюшка, да родной матушки,
Родной матушки да ваших братицев,
А пуще всех-то боюсь да тебя, красна девушка!
Пропаду-то я да не за денежку,
Накатается-то буйная голова да по крутым горам,

Навеются-то ветры буйные да над моим кудрям,
Нарушатся-то волки серые да над моим костям».

147

Вечор был я на почтовом на дворе,
Получил письмо от девицы сейчас,
Во письме пишет нерадостны слова,
Пишет: «Миленький, скорее приезжай,
Меня, девушку, живую заставай,
Не приедешь скоро — жизни я лишусь,
С тобой, миленький, навеки распрощусь».
Не мила мне здесь прекрасна сторона:
Не гуляет здесь любезная моя,
Не заводит хороводу без меня,
Хороводы не утешат моих слёз,
Я с того горя заплачу, пойду в лес,
Я по тем ли по приметным по местам,
Где я с миленькой, с хорошенькой гулял.
На том месте и травинка не растёт,
А на травоньке цветочки не цветут,
На цветочках и пташечки не поют.

148

Молодость ли, ты, моя молодость да молодецкая,
Ты когда прошла да прокатилася?
В кое времечко да миновалася?
Ведь за единый час ты показалася,
За единый час, да час за маленькой.
Ведь я не сам собой да я жениться стал,
Поженил-то меня да родной батюшка,
Приневолила-то меня да родна матушка.
Молодая-то жена да не в любви пришла,
Не в любви-то пришла да не в согласьице.
Днём журит-то, бранит, ночью ластится.

149

Не ржавчинка, не осотинка травку съедает,
Не кручинушка доброго молодца, парня да сокрушает, —
А сокрушала-то доброго молодца славушка худая,
А со худой-то славы добрый молодец да погибает.
Не сиз-то голубь по воздухам летает,
А добрый молодец по лагерям, по лагерям гуляет.
Он ищет-то человека, ищет он такого,
Он ищет-то человека, ищет он такого,

Хитрого — не простого.

Кто бы, кто бы у доброго молодца белу грудь разрезал,
Посмотрел бы во мне сердце, сердце ретивое.
Отчего же моё сердеченко рано изболело,
Без огня-то моё сердеченко во мне изгорело.
Без полымя-то моё ретивое вовсе да изотлело.
Задумал я, добрый молодец, с горя да пожениться,
А поженился-то я, добрый молодец, да не на ровне,
Не на ровнюше, да не на красной на девице,
А на горе-горькой да на вдовице.

150

За Кубанью за рекой там козаченко гулял,
Не один козак гулял — со товарищами.
Он не так же погулял — скамеш травоньку рвал,
Скамеш травоньку рвал, себе в рану клал.
Себе в рану клал, перевязывал-вязал.
Ох вы, раны мои, да тяжёлые мои,
Тяжелы, тяжелы, вплоть до сердца дошли.
Наконец наш казак помирать он стал,
Помирать-то он стал, да стал наказывать коню:
«Уж ты, конь, да мой конь, конь голубчик ты мой,
Побегай-ка, мой конь, по дороженьке вдоль,
Неси-ка, мой конь, отцу-матери поклон,
Молодой-то жене да на словах Расскажи».
Вышла встретила коня родна матушка,
Стал рассёдлывать коня родной батюшка,
Вышла спрашивать у коня да молодая жена:
«Уж ты, конь, мой конь, конь голубчик мой,
Конь голубчик мой, где товарищ твой?
Где товарищ-то твой, где хозяйнушка мой?»
«Хозяйнушка твой за Кубанью за рекой,
За Кубанью за рекой, там женился на другой,
Молода-та жена — гробовая доска,
Женила его да сабля острая,
Обвенчала-то его пуля грозная,
Принимала-то его мать сыра земля».

151

Заной, моё сердечушко,
Заной, ретивое,
Заслышь, моя любезная,
Заслышь голосочек.

Ничего-то про мою любезную,
Ничего не слышно.
Только слышно про мою любезную —
Она замуж вышла.
Не за ровнюшку, моя любезная,
Вышла за старого.
За старым-то, моя любезная,
Слёзно, громко плачет.
Во слезах-то, моя любезная,
Речи говорила:
«Не белые-то снежочки
В поле забелелись —
Забелелись моего дружка
Каменны палаты.
Возле палаточки
Есть сады зелёные,
А во садике есть
Шатры шёлковые,
А во шатриках —
Столы дубовые,
Перед столиками —
Стулья кленовые.
На стуликах сидят
Парни молодые.
На столиках стоят
Две черниленки,
Края золотые.
Во черниленках лежит
Перье лебединое,
На столиках лежит
Листьё гербовое.
Пишут добры молодцы,
Пишут два письмеца
Не перами-то, не чернилами —
Горькими слезами.

152

Да ночешнюю ноченьку мне малёшенько спалось,
Мне мало спалось да во сне много виделось.
Привиделся-ка мне, молодцу, сон-от очень нехорош:
Будто меня, молодца, добрый конь меня разнёс,
Конь меня вороненький, под ковром-то было ковром,
Под чёрным-то было седлом.

Выпадал я, добрый молодец, из чёрного из седла,
Свалилась-то шляпонька со буйные головы,
Выпадала-то плёточка из правые из руки.
Видно, доброму молодцу, во невзгоде да сей год быть,
Во такой большой невзгоде — царю белому служить.
Моей-то молодой жене — век сударушкой-вдовою слыть,
Моим милым детонькам — век сиротками сиротать,
Моему-то родному батюшку — век работку работать,
Моей-то родной матушке — век свой плакать-горевать.
Не плачь-ко, не плачь, маменька, хоть теперь ты при мне,
Наплачешься, маменька, после, после без меня,
Когда добрые молодцы на гуляньице пойдут,
На гуляньице пойдут и громко песни запоют.

153

Не у купчика было, не у барина,
Да у простого мужика было крестьянина,
Были три сына, да все поженены,
Да с молодым были жёнам повёрстаны.
Им пришёл приказ, сынам, в солдатушки.
Отец с матерью да думу думали,
Думу думали да речь говорили:
«Нам которого отдать сына в солдатушки?»
Нам большего отдать, так жена умная,
Нам середнего отдать, так малы детушки,
Нам отдать, отдать да сына младшего».
А меньшой-от сын да за дверьми стоял,
За дверьми стоял да басни выслушал.
Он пришёл домой да порасплакался,
Отцу с матерью да пораспенился:
«Разве я у вас не сын да ровно пасынок!»
«Вы не плачьте-тко, да милы детушки,
Вы возьмите-тко да все по ножичку,
Вы подите-тко да во высок терем,
Уж вы вырежьте да всё по жеребью.
Большему-то сыну пусть малиновое,
А середнему-то сыну пусть калиновое,
А меньшому-то сыну пусть рябиновое.
Вы пойдите-тко да на Дунай-реку,
Опустите-тко да все три жеребья».
У большого-то у сына по воде поплыл,
У среднего сына всупротив воды пошёл,

У младшего-то сына — ровно ключ ко дну.
«Видно, быть-то мне, да добру молодцу,
Видно, быть-то мне да во солдатушках!»

154

Полно ветру бушеваться,
Синю морю колыбаться,
И полно нам, братцы, пугаться,
Я и то, парень, напуган.
Во нынешние годы
Пошли частые наборы,
Привели кони к рекрутству.
Повезут ребят к присутству.
Там все солдаты плачут,
А один солдат не плачет,
Во гуселечку играет,
Новобранцев утешает:
«Вы не плачьте-ка, ребята,
Не горюйте, новобранцы,
Вам не пашеньку пахать,
Не сенокосы расчищать.
Пусть пашенка пустеет,
Сенокосы зарастают,
Отец с матерью стареют,
Молода жена вдовеет,
Малы дети сиротеют.
С отцом, с матерью прощался —
Белый свет переменялся,
С молодой женой прощался —
С неба звёзды повалились,
С малыми детками прощался —
Слёз я реки проливал».

155

Полно нам, ребята,
Тоску-горе горевать!
Забросим тоску за тёмные леса,
Станем привыкать
Мы к турецким степям,
К турецким степям,
Ко французским городам,
Стоя наедемся, сидя выпьемся,
Рукавом утрёмся, слёзам вымоемся.

Пособи нам, господи, прожить, прослужить,
На своей сторонушке голову положить.
Ротный командирушко похаживает,
У нас у солдатиков выпрашивает:
«Есть ли у вас, солдатики, крупа и мука?»
«Есть, командирушко, не хочется:
Думушка тяжёлая на сердце легла».

156

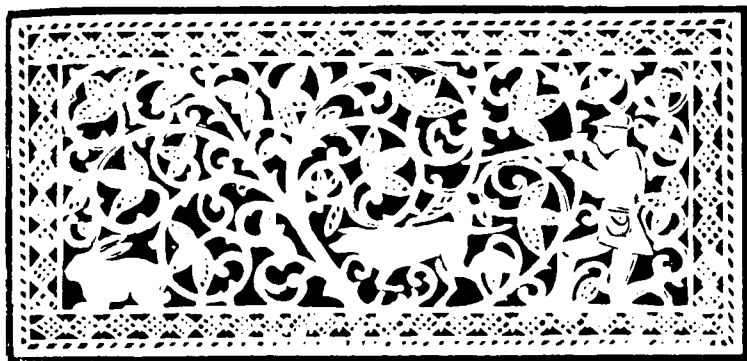
Бежит речка по песку
Прямо в самую Москву. И раз!
До фабричного двора. И два!
Что фабричные ребята
Малые удалые. Они!
Они малые, удалые.
Кудри мудрёные. У них!
Потому кудри мудрили,
Чтобы девушки любили. Нас!
Нам не дороги кафтаны,
Лишь бы денежки в кармане. У нас!
У нас денежки бренчат,
Серебряные бренчат. У нас!
В кабачок идти велят. Нам!
Мы подходим к кабаку,
Кабак заперт на клюку. От нас!
Целовальник на боку. Лежит!
Целовальник, накотальник,
Отпирай новой кабак! Нам!
Пропускай наших ребят! Нас!
Считай денежки вернее,
Наливай вино полнее. Нам!
Мы напьём святого духа,
Целовальника по уху. Раз!
Мы за то его по уху —
Не люби нашу Катюху! Да!
Мы Оксюху по руке:
Про нас не сказывай нигде! Про нас!

ЧАСТУШКИ

ЛЮБОВНЫЕ ЧАСТУШКИ

Говорят, что некрасива:
Некрасива, да бела,
Некрасивая красивого
На думу навела.

Ах ты, милая моя,
Где ты набелилася?
Я коровушку доила,
Молоком умылася.

Ой, чтобы уродиться
Беленькой, хорошенькой.
Пошёл бы дrolечка домой,
Задумался дороженькой.

Говорят, что боевая,
Да и верно — атаман.
На горячий камень стану,
А залётку не отдам.

Под окошечком берёзка
Наклонилась белая.
Я на всё бы боевая,
На любовь несмелая.

Говорят, что боевая,
Что же бойкого во мне?
Я сама не подходила,
Ягодиночка, к тебе.

Говорят, что боевая,
Правда, боеватая.
Вся семейка боевая,
Я не виноватая.

Говорят, что боевая,
Испугался дорогой.
Не пугайся, сероглазый,
Веселее с боевой.

Я рябинушку ломала
Горькую-прегорькую.
Ягодиночку ругают
За меня, за бойкую.

Говорят, что боевые —
Мы не рассердились,
Потому что девушки
В «Ударнике» родились.

Нас четыре, нас четыре,
Нас четыре боевых.
Запоем четыре девушки —
Не надо семерых.

Хорошо ты, Катя, пляшешь,
Хорошо ты дробь бьёшь.
Хорошо с такой напарницей,
Нигде не пропадёшь.

Мы с товарочкой дружили
Ой, люто́, люто́, люто́:
Одного любили дроблечку,
И то не знал никто.

Наше поле каменисто,
Не проехать трактору.
Задушевная, найди
Милашу по характеру

Я иду, переливаются
Холодные ключи.
Как за дrolечкой ухаживать,
Подруга, научи.

Я скажу тебе, товарочка,
И ты не рассердись,
У тебя далёко дrolечка:
Помене веселись.

Чёрный ворон выпил воду,
Я осталась на песке.
Помоги, подруга, горю,
Помоги моей тоске.

Люблю Карюшка за гривушку,
Дугу — за высоту.
Люблю девушку молоденьку
За ум, за красоту.

Невысока, негуста
В полюшке отавушка.
Невысока, да красива
У меня сударушка.

Ты зачем, товарищ, ходишь
По чужим по деревням?
Во своей деревне дrolя,
Чернобровая с кудрям.

Чесняковую берёзку
Обломаю до вершин.
По характеру сударушка
За лесом за большим.

Рожь высокая, густая,
Поскорее колосись.
Я люблю тебя, хорошая,
И ты не заносись.

Расхороший паренёк
В поле кустичек зажжёт,
Руки грел, играл и пел:
«Какую дrolечку поддел»,

Пала, пала роса на́ луг,
Пошёл холод по земле.
Каждый парень ищет пары,
Выбирает по себе.

Чёрный ворон, чёрный ворон,
Чёрный воронёночек.
Чернобровый, черноглазый
У меня милёночек.

Нам не дóроги леса,
Кúсты вересовые.
Только дóроги у мýлого
Глаза весёлые.

Мне наврали про милóго:
Худенький да маленький.
Посмотрела в воскресенье —
Как цвeточек аленький.

В огород садила я
Калину недоспелую.
Ягодиночку люблю
За выходку за смелую.

Девушки с гуляночки —
Метелица с конца.
Никаких ребят не надо,
Только надо из Крутца.

У кого дроля какой,
У меня — мастеровой.
На окошке каблучки:
Дроля делат башмачки.

У кого милой какой,
У меня — мастеровой.
На окошке планочки:
Делает тальяночки.

У кого дроля какой,
У меня так плотник.
У подруги у моей —
По лесу охотник,

Завлекательные песенки
Для милого пою.
Неужто он не догадается,
Что я его люблю?

Я люблю, как ветер дует,
И черёмуха цветёт.
Я люблю, как дроля с веночкой
Навстречу попадёт.

Вот она и заиграла
По ту сторону реки.
А я думала — залёточка,
Хотела перейти.

На крылечко выходила,
Снегу белого брала.
Заиграла эта веночка,
Которую ждала.

Поиграй повеселее,
Я люблю твою игру.
Я твою игру весёлую
Далёко узнаю.

Поиграй, милой, в тальяночку,
Я песенку спою,
Я сама себя потешу
И тебя развеселю.

Заиграли очень весело,
Я вышла первый раз.
Залётка, я не виновата,
Сердце любит, да не вас.

Поплясала бы, подруженьки,
Играет нелюбой.
Возьми, дролечка, тальяночку,
Сыграй наперебой.

По твоей, милóй, игре
Так и поднимает.
— Попляши, моя милáя,
Кто вас унимает?

Я плясать-то не умею,
Не пошла бы ни за что,
Только выманила веночка,
Играет хорошо.

Поиграй повеселее,
Разбори-бориночки,
Ты уйдёшь, я буду помнить
Чёрные бровиночки.

Я пойду и попляшу,
Девчонка из-за бойкости,
Из колхоза из «Авроры»
Вологодской области.

Ой, спасибо за игру,
Спасибо за отличную.
А ещё желаем вам
Девчонку симпатичную.

Задумевные товарки,
Не пора ли нам кончать?
У игрока устали пальчики
Басы перебирать.

Я иду, меня запутала
Трава — зелёный лист.
Не трава меня запутала —
Весёлый гармонист.

Вот она и заиграла,
Вот она, она, она!
От залёточки осталась
Поговорочка одна.

Балалайка, струны медные
Пылятся от песку.
Балалаечник молоденький
Наводит на тоску.

Поиграй повеселее,
Я спою последний раз.
Голоску не пожалею,
Ягодиночка, для вас,

Поиграй повеселее,
Мальчик, серые глазки,
Чтобы не было у девушки
Ни горя, ни тоски.

Хорошо играете,
Басы перебираете,
Ваше сердце веселится,
Про моё не знаете.

Хорошо, милой, играешь,
Веселишь-то тем кого?
Моему сердечку бедному,
Подумай, каково.

Из-под кустика ручей.
Из-под зелёного ручей.
Хорошо играет веночка,
Скажите, дроля чей?

Поиграй повеселее,
Нечего печалиться.
Мало ли чего бывает,
Мало ли случается?

Поиграй повеселее,
Это я заставила.
Знаю я, кого любила
И кого оставила.

Поиграй повеселее,
Как играл залётка мой.
Я твою игру послушаю,
Одна пойду домой.

Все я песни перепела,
Всё веселье собрала,
Только я своё ретивое
Ничем не уняла.

Вот спасибо, поиграли,
Серые глазёночки,
Поубавили тоски
На сердце у девчоночки.

Мальчик в веночку играет,
Ремешок перевитой,
Поиграй повеселее
Девушке незанятой.

Выхожу и запеваю
Пятую, девятую.
Далеко меня слышать,
Девчонку незанятую.

Наше поле каменисто,
Не проехать трактору.
Говорят, что не гуляю:
Нету по характеру.

Говорят, что некрасива,
Не гуляет с ней никто.
Может, нету по характеру,
Подумали бы то.

Голубого платья нет,
Не надо и зелёного.
Боевого дроли нет,
Не надо и смиренного.

Задумчивая подруга,
Не люблю ухаживать.
Из-за этого приходится
Одной похаживать.

Я подумаю про то,
Да опять про это:
Не с кем девушке гулять
Нынешнее лето.

На горе стоит берёзка,
Но её рубить нельзя.
На примете есть мальчонка,
Занятый, любить нельзя.

Во саду ли, в огороде
Ласточка запуталась.
Ты не думай, дорогой,
Не о тебе задумалась,

Поди думает — жалею,
Поди думает — люблю.
Может, думает — влюбилась,
Ну, а я не думаю.

Не ходи под оконёчком,
Не играй тихонечко.
Не болит моё сердечко
По тебе нисколечко.

Я — молоденькая девушка,
Молоденький умок.
За молоденькой за девушкой
Гоняется парнёк.

У меня, у боевой,
Волосья русые волной.
Кто смеётся, критикует,
Тот и гонится за мной.

Вижу чёрную смородину
Далёко во кусту.
Не люблю, так не гоняйся,
Сероглазый, попусту.

Я любила шутки, шутки,
Шутки сами шутятся.
Скоро год, как дроля ходит.
И худой полюбится.

Я по бережку ходила,
Осыпался бережок.
Было каменно сердечушко,
Да дроля разожёл.

Как у дроли на рубашке,
Я на кофточку куплю.
Поскорее догадается,
Что я его люблю.

В огород садила розочку,
Задумывала я:
Расцветёт, так значит любит
Ягодиночка меня.

Ветерок какой буявой,
В поле хлопит ёлочку.
Если я тебе понравилась —
Считай за дrolечку.

Ты, берёзка, не качайся —
Алой лентой обовью.
Ты, милашка, не печалься —
Одного тебя люблю.

Карюшка, не напрягайся,
В поле легко боронить.
Дролечка, не сомневайся,
Буду век тебя любить.

На поляне в уголку
Посею собинку ленку.
Ты расти-ка, собинка,
Ходи гулять, зазнобинка.

Ходи, миленький, ко мне,
Я путь-дорожку укажу,
Я на каждую берёзку
По платочку навяжу.

Не ходи, милый, деревней,
А ходи, милый, задам.
Не жалея, милый, картошки,
Прямо топай по грядам.

Серебристая коса,
Коси широко пóлосу.
Узнавай меня, залётка,
Вечером по голосу.

Ягодиночка на льдиночке,
А я на берегу.
Перекинь, дроля, тесиночку
К тебе перебегу.

Дролин дом, дролин дом,
Дролино крылечко.
Посмотрю на дролин дом,
Заболит сердечко.

У меня у девушки
На краю домочек.
Слышу, миленький пришёл,
Скрипнул отводочек.

Мы с милёночком сидели
На крылечке в первый раз.
Снега белого пушиночки
Летели мимо нас.

С ягодиночкой гуляли
Вечерочки лунные.
Я за то его любила:
Его речи — умные.

Потеряла я колечко
Ни в сусеке, ни в муке.
Очутилось колечико
У дроли на руке.

Дуйте, дуйте, ветерки,
Холодные, из-за реки.
Застывай быстрее, озеро,
Ходите, гуляки.

Что за ветер, что за буйный:
Когда дунет, когда нет.
Что за дроля за противный:
Когда ходит, когда нет.

Дуйте, дуйте, ветерочки,
Дуйте, ветериночки,
Выдувайте, ветерочки,
Дролю из Новиночки.

Дуйте, дуйте, ветерочки,
Дуйте из-за Острова.
Выдувайте, ветерочки,
Дролечку из Плоского.

Дожидались из-за лесу,
А пришли из-за реки.
Задушевная подруга,
Это нам не гуляки.

Задушевная подруга,
Где же наши милые?
Неужели не болят
У них сердца ретивые?

Время девять, время девять
Без пятнадцати минут.
Не пришли наши залётки,
Так уж видно не придут.

Сидите, девушки, до свету,
Я присиделася:
Моего милого нет,
На ваших нагледелася.

Прилетел, а не садится
На окошко воробей.
Не пришёл, так не наказывай
Привет через людей.

Выходила на крылечко,
Пала дума тайная.
Так и надо, ретивое:
Не влюбляйся в дальнего.

Растрепалася коса,
Упала лента газовая.
Во все стороны гляжу,
Не вижу сероглазого.

Я иду, позапылила
Без галош ботиночки.
Во все стороны гляжу —
Не видно ягодиночки.

Пойду в лес, сорву травинку:
— Дай, травиночка, ответ:
Почему же с ягодиночкой
Свиданья долго нет?

С милым редкое свиданье
Редко — наредко-редко,
После каждого свиданья
Бывает нелегко.

Ой-ой, ой-ой,
Как далёко дорогой:
Четыре поля, да поскотина,
Да Улома с водой.

Кабы знала, не срывала
Вишни я, не вызревши.
Кабы знала, не любила
Дролю я, не визнавши.

За реку переходила,
Кофточку обрызгала.
Помаленечку у дролечки
Характер вызнала.

У милого во дому
Окна-двери растворяю.
Дролечка не тароватый,
Я сама заговорю.

Я по бережку ходила,
По испутанной траве.
Поиспутанная совесть,
Ягодиночка, в тебе.

По большой дороге жала
Позапутанную рожь.
Я давно тебя заметила,
Чужим умом живёшь.

Мы с милёночком сидели,
Один яблочку кушали.
Хорошо любовь вели,
Пока людей не слушали.

Дроля, я не виновата,
Ты меня и не вини.
Я любила, любить буду,
Ты характер измени.

Покосила бы я, девушка,
Отавы летошней.
Мне бы старенького дролечку,
Да ум теперешней.

Было время — я скучала
По курчавым волосам.
Хватит, я потосковала,
Поскучай, курчавый, сам.

Кареглазая девчоночка,
Глазком не поводи.
Ты сама неладно сделала,
Сказала: не ходи.

У милашки дом высок,
Под окошечком песок.
Милка ходит по песку,
Меня наводит на тоску.

Чесняковая берёзка,
Вдоль канавы не вались,
Сероглаза, не сердись,
По старой памяти садись.

Худо Карюшку спускаться
Со крутой горы в реку.
Худо девушке гоняться,
Как не надо пареньку.

Ручеёк бежит, торопится
В широкую реку.
Рано я любовь открыла
Молодому парняку.

Нашим полем две дороги,
Две дороги, обе врозь.
Говорила ягодине:
Ягодиночка, не брось.

Я по бережку ходила,
Мелки камешки видать.
Где же мне у дорогого
Думу на сердце узнать?

Говорят, что я надеялась
На дrolечку вперёд.
Подруга, можно ли надеяться
Весной на тонкий лёд?

В речке камешки — не камешки,
Снежкѣй — не ледешкѣй.
Вы не думайте-ко, девушки,
Дружки — не женишки.

Не садись, милёнок, рядом,
Переломится доска.
Завлекал, а не гуляешь,
Только нá сердце тоска.

Ягодиночка молоденький
В любви вертоват.
Изменяет, да и кается,
А кто же виноват?

Мне не жалко бережка,
Который осыпается,
А жалко милого дружка,
Который отступается.

Шуйский волок больно долог,
Девяносто ёлочек.
Я теперь сама узнала,
Дроля чей милёночек.

Не ходи, дроля, по полю,
Не ломай зелёный лён.
Не лести меня напрасно,
Знаю, ты в кого влюблён.

Дроля ходит, не подходит,
Не даёт ни с кем гулять.
Он всё ходит и отводит
От хорошеньких ребят.

Карюшку поить не буду,
К огороду привяжу.
Я с тобой гулять не буду,
Окончательно скажу.

Я по вересу ходила,
Вересу колючему.
Всю тоску передавала
Соловью певучему.

Не носите голубое:
Голубое выгорит.
Не любите занятого:
Всё сердечко выболит.

Не от чая полиняла
Моя чашка чайная.
Никому я не скажу,
Зачем хожу печальная.

Дроля, дроля дорогой,
Сиреневая веточка.
Ты зачем меня завлѣк,
Такого малолеточка?

Поутру вставала рано,
Умывалася росой.
Из-за дроли погибала,
Как травинка под косой.

Ветер быстро надувает
На дороженьку песку.
Нагоняет, нагоняет
На меня милой тоску.

Мне залѣтка говорит:
Что не весела на вид?
Твоя любовь, не думай, дролечка,
Меня не веселит.

Меня высушил милой
Посуше травки полевой.
А я уж высушу его
Посуше сена своего.

Задушевная, не думай,
С думы не поправишься,
С думы боле похудеешь,
Дроле не понравиться.

Вересковый куст зелёный,
Тоненькие лапочки.
Не успела полюбить —
Нашлись супостаточки.

Бледнорозовый платочек
Ветер выхватил из рук.
По-хорошему не гуливала
Всё из-за подруг.

Белоус косила я,
Трава переплеталася.
Любила я, любовь моя
Товарочке досталася.

От подруженьки отбила,
Бедную обидела.
Завяжите мои глазки,
Чтобы я не видела.

Супостаточка смеётся,
Что я в стираном хожу.
Я и в стираном, да глаженном
Её перефоршу.

Супостатка отбивала,
Я и не перечила.
Отбивала на годок,
Отбила на два вечера.

Я иду, а мне навстречу
Супостатка с дорогим,
Я и то не поперечила,
Дала дорогу им.

Супостатка меня хает,
Ну, а я её хвалю:
— Какая девушка хорошая, —
Всё дроле говорю.

К лиходеечке направился
Иди, не задержу.
Огород тебе мешает,
Приходи, разгорожу.

Супостаточка навстречу
Ровно трактор покатыл.
Возьми, дроля, во внимание,
Какую полюбил.

Супостатка, словно сыч,
Сидит на огороде.
Не бывать тебе, сычу,
У милого в природе.

До чего красива ёлочка
В саду колючая.
С этим дrolечкой гулять —
Измена неминуемая.

Изменяешь, изменяй,
Немного и похожено.
Я сама веду себя,
Как девушке положено.

Эту жёлтую травинушку
И кони не едят.
Опротивел ягодиночка,
И глазки не глядят.

Только вышла на крылечико —
Снежинка на лицо.
Ты не падай, белая,
Давно измена сделана.

Дроля пашет за овином
Чёрную земелюшку.
Подошла, ему сказала:
Запаши изменушку.

Дроля, старую старинушку
Нельзя ли поновить?
Дроля, нынешнюю зимушку
Нельзя ли походить?

Со мной дроля не гуляет,
Не гуляешь — не гуляй!
Только ты по старой памяти
В гармошку поиграй.

Дорогому за изменушку
Чего и подарить?
Вересовой ветки жалко,
Надо ёлочку сломить.

Шла я лесом, пели пташки,
Утешали девушку.
Говорили: не печалься,
Забывай изменушку.

Я не буду из-под дуба
Ключевую воду пить.
Я не буду из-за милушки
Сама себя губить.

Я иду, а зеленеет
Травка заовинная.
Изменил, так изменил:
Любовь-то незавидная.

Говорят, что мне измена,
Боевой девчоночке.
Да и он-то мне не нужен,
Как листочек ёлочке.

Отставай-ка, милый дроздочка,
Не будет сухоты.
Плакать, девушка, не буду —
Не один на свете ты.

Шла я по тропиночке,
Срывала по травиночке,
Чтобы счастья не было
В любви ягодиночке.

Ягодиночка поехал,
Ночь была туманная,
Серой кепочкой махнул:
— Прощай, моя желанная.

Задумчивая, на станции
Гудели поезда,
В Ленинград уехал дроздочка,
Наверно, навсегда.

Все вагончики зелёны,
А последний — голубой.
Не на этом ли вагончике
Уехал дорогой?

Сероглазый ягодиночка,
Тебе счастливый путь.
Век — не поле переехать,
Вспомнишь ты когда-нибудь.

Люди жнут сухую рожь,
А на мою полосу — дождь.
Уезжает на всю зимушку,
Тоскуй об нём, как хошь.

Золотцо, ты
Уезжаешь-то куды?
Оставляешь-то кого?
Без тебя-то каково?

Я который к дроле раз
Прихожу прощаться:
До свиданья, милый мой,
Больше не видаться.

Уезжает дорогой,
Уезжает милой.
Без тебя, мой дорогой,
Белой свет постылой.

Речка быстрая шумит,
Что-нибудь она сулит,
Сулит великую беду:
Разлуку в нынешнем году.

Пойду на гору крутую,
Буду с лесом ровная.
Я без дролечки гуляю,
Точно ночка тёмная.

Город Вологда красивый,
Красит Вологду вокзал.
Я ни с кем гулять не буду,
Строго дроля наказал.

Сизокрылый голубочек,
Ягодиночка моя,
Прилети на вечерочек,
Сиротой гуляю я.

Сизокрылая голубочка,
Не ты ли мне сестра?
Горя не было у девушки,
Не ты ли принесла?

До чего мне неповадно
Без тебя, мой дорогой,
Все денёчки сосчитала,
Жить невесело одной.

Раньше было запевала:
«Речка Волга, речка Дон».
А теперь я запеваю:
«Где-то дроля, где-то он!».

К речке быстрой подошла,
На колени пала.
Куда, быстрая река,
Милого девала?

Ветры буйные, снесите
Ягодиночке поклон.
Вы его порасспросите,
Как живёт, здоров ли он?

Не дожждаться того время,
Не дожждаться времечка,
Когда дролина весёлая
Сыграет веночка.

Мне от дроли-ягодки
Не дожждаться грамотки.
От дроли — белого лица
Не дожждаться письмеца.

Дролечка, во сне приснись
Или на карточке снимись.
Пошли по почте, дорогой,
Моё сердечко успокой.

Дроля пишет и пеняет,
Я пишу: живу, тужу,
Как заброшенная пташечка,
По улице хожу.

Задумчивая подруга,
Получила письмо.
Письмо неинтересно,
Посмотрела бы в лицо.

Печку жарко натопила,
Не подкидывала дров.
Не жалела, что горела
На огне наша любовь.

Говорят, что осень, осень,
Нет, не осень, а зима.
Говорят, залётка бросил,
Нет, не он, а я сама.

Гуси серые летели,
На полёте кричали.
Мы с милашкой рассчитались,
Только счёты сбрыкали.

Ты не жги, милаша, вересу,
От вересу не жар.
Мы с тобой случайно встретились,
Расстались — не жаль.

Голубую забывду
Не видала — скóсила.
За неверные слова
Любить залётку бросила.

До чего красиво вспахана
Полянка трактором.
Мы гуляли и расстались —
Не сошлись характером.

Из канавушки напиток
Помешала травушка,
Давай, дроля, расставаться,
Помешала славушка.

Речка Улома бежит,
Куда она торопится?
С милкой кончена любовь,
Обратно не вернется.

Речка Улома широка,
Бережки крутые врозь.
Ты иди, люби хорошую,
Меня, худую, брось.

Невесёлая, печальная
Стояла у реки.
С ягодиночкой рассталась
Теперь навеки.

Чёрный ворон выпил воду,
Берег с берегом сошлись.
Мы теперь с этим мальчиком
Навеки разошлись.

Два знакомые крылечка
В памяти остались:
На одном крыльце влюбились,
На другом — расстались.

Отодвинулся по лавочке,
Сидит не тороват.
При разлуке много скуки,
Кто же, дроля, виноват?

Мы с милёночком расстались
У высоких у дубов.
Последний раз сыграла веночка,
И кончилась любовь.

Расставалась с дорогим
У куста вересового.
Я теперь без него
Не вижу дня веселого.

Шила я, кроила я
Материю листочками.
Зарастай, любимая
Дорожка, василёчками.

Сорвала сирени веточку,
Пруточки нижние.
Зарастайте после дrolечки,
Дорожки ближние.

Погляди-ка, ягодинка,
Сколько снега выпало.
Не твою ли, ягодиночка,
Любовь засыпало?

Жалко летние гуляночки,
Реки продолечки.
Гляжу на белую берёзоньку
Заместо дролечки.

Я иду, а мне навстречу
Лист осиновый летит.
Жалко летние гуляночки,
Да поздно воротить.

Милушка, дорог-то много,
Милушка, дорог-то пять.
Ты иди дорожкой пятой,
Может, встретимся опять.

Ягодиночка, не стой
У старого у дерева.
Не ищи любви той,
Которая потеряна.

Я на тоненький ледок
Поставила бадеечку.
Он меня, а я его
Забудем помаленечку.

Я не буду боле плакать,
Свои глазки доводить.
Сине море не наполнить
И любовь не воротить.

У подрубленной берёзки
Стали листья зеленеть.
Не судьба, так и расстались,
Дролю нечего жалеть.

Лист об дереве не тужит,
Ну, а мне-то что тужить?
Неужели в самом деле
Ноне дроли не нажить?

Снеги белые, пушистые
Закрыли все поля.
Не закрыли одного —
На сердце горя моего.

Я ходила по полю,
Искала ветку тополю.
Найти бы тополиночку,
Забыть бы ягодиночку.

Я тогда тебя забуду
И скажу, что, дроля, да,
Когда в Вологде глубокой
Потечёт назад вода.

Погляжу на сине небо —
Небо синее кругом.
Я не долго с ним гуляла,
Долго думала потом.

Ветерочки дуют с ночи,
Шевелят жердиночки.
Люди, что ни говорите,
Жалко ягодиночки.

Заиграли очень весело
В овсяном полюшке.
Вспоминаю дролю старого
Во всяком горюшке.

СТАРАЯ ДЕРЕВНЯ

Наше поле голубисто,
Голубистый в поле лён.
Я люблю, жалею дrolечку,
Жалеет ли и он?

Не ходи по-под окошком,
Не ломай зелёный лён,
Не лести на разговорах,
Знаю, ты в кого влюблён.

Не стели, подруга, осенью
На луг зелёный лён.
Не ухаживай за дrolечкой,
Смеяться будет он.

После дождичка частого
Теребила в поле лён.
Заиграл в тальянку он,
Перестала дёргать лён.

Я трепала да устала,
Белый лён не улежал.
Я любила, да отстала —
Он меня не уважал.

Белый лён, белый лён,
Белый пуховистый.
Где же будешь ты гулять
Эдакой форсистый?

Белый лён, белый лён,
Белые нитки.
Запоручили меня,
Выпили литки.

Маслоделы очень белы,
Сливкам умываются.
Уродились хороши,
За девушкам гоняются.

Кружева плести
Надо не лениться.
Без милóго ноне жить
Вовсе не годится.

Я коклюшку навивала,
Крестовато навила.
На дорогу выходила,
Себе милого ждала.

Кружева, свою работу
Пойду брошу к огороду,
К огороду, к яблоням.
Ребята ходят, да не к нам.

Кружева плести училась,
Редковато заплела.
Всё я в сторону глядела,
Дролю с веночкой ждала.

Кружева плести умею
Пар на семь и нá восемь.
Сероглазенькому дrolечке
В солдаты нá осень.

На подушке кружева,
У подвеса кружева.
Я его не покупала —
Выплетала всё сама.

Кружева, свою работу
Пойду брошу к огороду.
Брошу к огородушку
Немилую работушку.

Самоходочкой иду —
Маме не убытки:
Барышом останутся
Кружева да нитки.

На коклюшках нитки рвутся,
Только ниточки вяжу.
Посиденки — нету дроли,
Так я на́ двери гляжу.

Я сидела да плела
У стороннего окна,
Подувают ветерки:
Тебе поклон от Митеньки.

Я сижу одна, плету,
Подошёл милый к окну.
Сама знаю, что неровнюшка —
Оставить не могу.

Я сидела и плела
Посреди повители,
До чего невесело —
Здесь нету Митеньки.

Моя прялочка льняная
Во беседе первая,
Выбирай, мой дорогой,
Меня по прялке именной.

На беседушку пришла,
В передний угол села.
Красенькая прялочка
К порогу улетела.

Половица полу ниже,
Подойди, милой, поближе,
Ко тесовой лавочке,
Ко моей ко прялочке.

Веретёшко не вертится
Со коленей вáлится;
Нитки рвутся, не вяжу,
Всё на милого гляжу.

Скоро масленица,
Дроля покатает.
Бел снег под ногами
До земли дотаает.

На качуле я качалась,
Ветер дует в бечеву.
Наши дролечки оттудова
Сулились ввечеру.

Раскачай меня повыше,
Чтобы дролин дом видать.
Я махну ему платочком:
«Приходи сюда гулять».

Говорила я дружку:
Повесь качулю на лужку,
На лужку, на бережку
Про меня про девушку.

На качуле-то качалась,
Под качулею вода.
Платье белое смочила,
Мне от маменьки беда.

На качуле-то качалась,
Как высоко-то.
Милый в Питере живёт,
Как далёко-то.

У милого новый дом,
Окошки подзолочены.
Скоро девушек набор,
Афишки наколочены.

Ветродуя полюбила —
Господи, благослови.
Ветродуй — парень хороший,
Слава тебе, господи.

Говорили про милого,
Что он ягоду не ест.
Поглядела в воскресенье —
На черёмуху полез.

Много лесу, много лесу,
Много вересу в лесу.
У меня милёнок маленький,
В кармане унесу.

Мой-от миленький бес
В подворотенку влез.
В передний угол забрался,
Коклюшкам брякать занялся.

Кум идёт бережком,
Кума—улицей.
Кум запел петушком,
Кума — курицей.

Слава богу, понемногу
Стал я разживаться:
Продал дом, купил ворота,
Стану запираяться.

Не кукуй, кукушка, в лесе
На осине проклятой,
Сядь на белую берёзу,
Покукуй над сиротой.

Отчего у меня, девушки,
Коса не выросла?
Много буйная головушка
Печали вынесла.

С неба звёздочка упала,
Словно серебриночка.
Ох, и добры люди знают:
Дроля — сиротиночка.

Полюбила ягодиночку,
Жалеючи его.
Ни отца нету, ни матери
У дроли моего.

Отвяжись, тоска, на время,
Дай сердечку отдохнуть.
Хоть одну бы ночку тёмную
Без горьких слёз уснуть.

Под окошечком у нас
Жерди наваленные,
Тяжело переносить
Слова наговорённые.

На меня на молоду
Две напраслины в году:
Первая — от девушек,
Вторая — от соседусшек.

Я на севере родилась,
Буду серое носить.
Я на то, верно, родилась —
Славушку переносить.

Пойду на гору косить,
 Попрошу у дроли пить:
— Дорогой, попой водой,
Всё равно корят тобой.

Широка река Комела,
Посреди реки застой.
Меня дома-то ругают:
— Долго с милым-то не стой!

Меня дома-то ругают,
Велят милого забыть.
Пойду в горенку, подумаю —
По-ихнему не быть.

Меня дома-то ругают
За весёлую гульбу.
Пройдут годы молодые,
И пошлёте — не пойду.

Меня дома-то ругают
Боле всё за дролю.
Вы зачем такой молоденькой
Давали волю?

Я цыганочку плясала
У залётки под окном.
Все родные осудили,
Что бойка, не надо в дом.

Дроли мать меня похаяла:
— Бойка, не надо в дом.
А мы в смирную семеюшку
И сами не пойдём.

Чего выслушала девушка
У дроли под окном —
Дроле топнула родимая:
— Бойка, не надо в дом.

Через речку есть дощечка
Тонкая, гибучая.
У милого matka бес,
Как крапива жгучая.

У милого есть сестрёнка,
Выбирает всё невест.
Выбирает да и спрашивает.
— Котора мало ест?

Интересная какая
Мать у ягодиночки:
Сына ставит высоко,
Меня — ниже травиночки.

Сизокрылый голубочек,
Крылышко прострелено.
С этим мальчиком гулять
Теперя мне не велено.

Успокой свою мамашеньку.
Отстань ко мне ходить.
Ей в окошко боковое
Будет солнышко всходить.

Вы зачем же ивушку
Зелёную срубаете?
Вы зачем, родители,
Любовь-то разбиваете?

Вересовые-то кустики
Мои свидетели:
Не хотелось расставаться —
Развели родители.

С ягодиночкой расстаться
Люди приневолили,
Теперь радуйтесь, родители,
Мои и дролины.

С обе стороны родители
Люто́ ругали нас.
Хоть ругайте, не ругайте,
Не расстанемся на раз.

Голубочек не крылат,
Голубка покрываете.
Если я тебе бедна,
Ищи себе богатея.

Дролька сватался — не отдали,
Куда берегитё?
Или, милые родители,
Богатого ждите?

Люблю сани с вырезами
И коня за высоту.
Небогатого парнишечка
Люблю за красоту.

Слёзки падали у девушки
На беленькую грудь.
Походи, побеспокойся,
Может быть, и отдадут.

Говорила брату я:
— Брат молоденький, женись,
Бери бедную по мысли,
За богатой не гонись.

Не хочу я чаю вашего,
Колодезной воды.
Не пойду за сына вашего —
Не бойтесь бедноты.

Дроля, вашей-то семеюшке
Кажусь назолушкой,
Не приду, не назову
Твою сестру золовушкой.

Говорят, что милый женится,
А мне не верится.
Говорят — венчается,
Любовь наша кончается.

В поле пташки не изловишь,
В руки счастье не возьмёшь.
Раньше время не узнаешь,
За какого попадёшь.

Я по бережку ходила,
Мерила — глубоко ли.
Не узнать, подруга милая,
Судьба далёко ли.

Матушка родимая
Любила, лелеяла.
По головке гладила,
В чужи люди ладила.

По тебе, широка улочка,
Последний раз иду.
У тебя, родимый батюшка,
Последний год живу.

У подружки на груди
Ягодка шипичная.
Подругу замуж отдают,
Верно, в доме лишняя.

У подружки на девишнике
Любила пировать.
Пировала да и думала:
Самой не миновать.

Верба в поле опушилась,
Верба — беленьким пушком.
Поздравляют меня девушки
Со новым женишком.

Пойду, выйду на крылечко.
Ленточка раздуется.
Моя русая коса
Последний день красуется.

Какую маленькую, тоненькую
Ставят под венец.
Вы подумайте-ко, девушки,
Гуляньицу конец.

Самокруткой дроля звал,
Я не соглашалась.
Деревням идти с уздам
Народу постеснялася.

Тятя с мамой, не перечь,
На печи не устеречь.
Всю трубу разворочу
Да самоходкой укачу.

Сеял репу — не взошла,
Сватал девку — не пошла,
Пересею, так взойдёт,
Пересватаю — пойдёт.

У милого во дому
Чесала буйну голову.
Русые волосыньки
Делила на две косыньки.

За овином полоса
Стоит несжатого овса,
В нём цветочек аленький
Моей свекрови-маменьки.

Что вы, милые родители,
Письма не пишете?
Верно, вы по ветерочку
Наши речи слышите.

Меня выдала, родимая,
Возьми себе тоску.
Не услышишь, дорогая,
На работе голоску.

Пойдём, подружка, в чисто поле,
Там поплачем у елей.
Не понежили родители,
Не нега у людей,

Встань-ка, маменька, пораньше
И послушай на заре:
Буду песни петь и плакать
На чужой на стороне.

Меня выдала родимая,
Забросила меня.
Не придёт и не проведает,
Чужая ровно я.

У тесовые кровати
Утром маменька стоит.
Стоит мать неродная,
Спать подолгу не велит.

Мамонька неродная,
Похлёбочка холодная.
Как бы родная была,
Погорячёр бы налила.

Во чужих людях житьё,
Как вставай, так за вытьё.
За вытьё, за плаканье,
За ведро, за бряканье.

Я у маменьки жила,
Головку гладкую вела.
Попала к хитрым я людям,
Волосья выдрали когтям.

Не ходите, девки, замуж,
Замужем худая жизнь.
Погулять будет охота,
Дома скажут: спать ложись.

Не ходите, девки, замуж,
Тамо худо привыкать.
С половицы на другую
Не дают переступить.

Не ходите, девки, замуж,
Как моя головушка.
Лучше деверя четыре,
Чем одна золовушка.

Из приёмной вышел я,
Забритая голова.
Здравствуй, милая сударушка,
Узнала ли меня?

Из приёмной выходил,
Причесал головушку.
«Припасай носовичок
На дальнюю сторонушку».

Сероглазая моя,
Встреть на полюшке меня.
Встреть-ка в полюшке при горюшке,
Забритый еду я.

Не встречает родна матушка,
В окошко не глядит.
Она не знает того горюшка, —
Забритый сын катит.

Некрута́ наши гуляют,
Одоляет скука их.
Оставляют они родину,
Сударушек своих.

Некрута катаются,
Фуражечки валяются.
Ихние сударушки
Слезами умываются.

Я у тятки некрутился,
Трои сани изломал,
Лошадь сивую изъездил,
А в солдаты не попал.

Не хотел я слёзно плакать,
Слёзки сами катятся,
Не хотел идти в солдаты,
Все ребята ладятся.

Задушевный мой товарищ,
Яровое полюшко.
Тебя — в Сибирь, меня — в солдаты,
У обоих горюшко,

Что, подружка, не гуляешь,
Платья чёрного не шьёшь?
Дролю нá осень в солдаты
Провожать-то в чём пойдёшь?

Много лесу, много лесу,
Много вересинок.
После каждого набора
Много сиротинок.

Меня, девушку, шатает,
Как во поле ивушку.
Ещё боле зашатает,
Как забреют милушку.

Во солдаты, во солдаты,
Во солдаты, дорогой.
А я, то, девушка, задумала:
В колодез головой.

Солдатушкам-ребятушкам
Дорога широка.
Вы гуляйте, девки-матушки,
Годов до сорока.

Дролечка, не мойся мылом,
Розовой печаточкой.
Меня осенью оставишь
Молодой солдаточкой.

Повезли меня в солдаты,
Берегись, сударушка,
Чтобы, чтобы не прошла
О нас худая славушка.

Повезут солдатушек
От родимой матушки.
От родимой-то ничто,
От сударушки — почто?

Некрута, некрутики
Ломали в поле прутики.
Ломали да и ставили,
Сударушек оставили,

Во солдатушки ребятушкам
Идти не хочется.
Во солдатушках ребятушкам
Гулять захочется.

Некрута, некрутики,
Забритые головушки.
Четыре года не видать
Родимыя сторонушки.

Не вино меня шатает,
Меня горюшко берёт.
Брат лошадку запрягает,
Во солдаты повезёт.

Я последний день гуляю
Во своём родном краю.
С утра рано надо ехать
К Николашке-дураку.

Некрута, вы некрута,
Вам дороженька не та.
Вам дорожка бережком,
До царя идти пешком.

Вы, солдатики, не люди,
Вас и девушки не любят.
Только любят вдовушки,
Отчаянны головушки.

Я к казарме подходила,
Каменное зданьице.
Сероглазый помилаша,
Выйди на свиданьице.

Не ходи возле казармы,
Сероглазая моя.
Служба царская тяжёлая,
Теперь не до тебя.

Угонили дорогого,
Ему город незнаком:
Большая каменная крепость,
Сине морюшко кругом.

Ой, брат-побратим,
Давай отсюда улетим.
На родимую сторонушку,
На дролей поглядим.

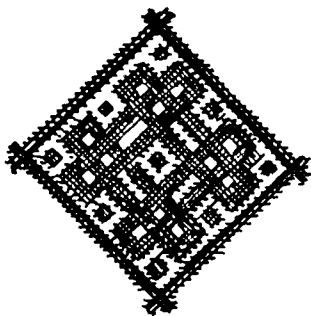
Скоро, скоро нас угонят
Со японцем воевать.
Остаются наши дролечки
Кисеты вышивать.

Скоро, скоро нас с товарищем
Угонят далеко.
Только слышно, рвутся бомбы,
Роят ямы глубоко.

Нету белого платочка,
Нечем слёзы утереть.
Нам придётся, голубочки,
Под Варшавой умереть.

На окошечке клубочек
Туго-натуго навит.
Я не знаю, где милёночек,
В плену или убит?

Нарядите чёрной галочкой,
Слетаю в самый бой.
Исповедаю про милого:
Убит или живой?

НОВАЯ ДЕРЕВНЯ

От крутого бережка
Пароход отчалился.
В Красну армию идём,
Нечего печалиться.

Милый в армию ушёл,
Ушёл не на гуляночку.
Захватило ретивое,
Заиграл в баяночку.

Голубое платьице,
Любое одеваньице.
Дролю в армию возьмут,
Не выйду на гуляньице.

Дроля в армию поехал,
Проводить не удалось,
Руки белы дел не делали,
Ретивое рвалось.

Проводила ягодиночку,
Уверила его:
Без тебя, хороший дролечка,
Не надо никого.

Ягодинок наших взяли,
Повезли за Ленинград,
Подумай, милая подруженька,
Три года не видать.

Гуси ходят по дороге,
Гуси ходят по дождю.
Дролю взяли на три года,
Я четыре обожду.

Ты расти, зелёный сад,
Расти без поливаньица.
Буду я четыре года
Ожидать свиданьица.

Издалёка дроля пишет,
Пишет: милая, дождись.
Я дождусь, тебя, залёточка,
Служи, не торопись.

В огород посею маку,
По листочку буду рвать.
Я из армии милого
По денёчку буду ждать.

У меня, подруга, в армии
Хороший ухажор.
Наживать второго дролечку
Считаю за позор.

Задумственная подруга,
Где наши высокие?
На них серые шинели,
Ремешки широкие.

Задумственная подруга,
Дроля — северный моряк.
Забывать такого парня
Не приходится никак.

Я тогда тебя надену,
Кофта-украиночка,
Когда с Северного флота
Придёт ягодиночка.

Передай привет залётке,
Птица перелётная,
Полевая сто вторая
Рота пулемётная.

Скоро с армии придёт
Любимый ягодиночка,
У крылечка моего
Появится тропиночка.

Зажигала лампу весело
Под самый потолок.
Ягодиночка из армии
Приди на вечерок.

Я рассаживал в саду
Чёрную смородину.
На фашистов я иду
За советску родину.

Ягодиночка воюет,
Тёмны ноченьки не спит.
У меня о сероглазеньком
Сердечико болит.

Ягодиночка на фронте,
Пули чёрные летят.
Неужели сероглазого
В земельку повалят?

Задумчивая товарка,
Дролечки на фронте.
Пули, выше вылетайте,
Дролечек не троньте.

С оборонные работушки
Не буду убегать,
Дроля борется за родину,
Я буду помогать.

Ягодиночка на фронте,
Я — красноармеечка.
Если он в бою погибнет,
Я — на смену, девочка.

Из окопов братик пишет:
Милая сестрёночка,
На моих глазах убили
Твоего милёночка.

Ягодиночка убит,
Убит и не воротится.
На свиданьице ко мне
Теперь не поторопится.

Ягодиночку убили
Под Воронежем в бою.
Из кармана вынимали
Фотографию мою.

Неужели не растает
У колодца льдиночка?
Неужели не вернётся
С фронта ягодиночка?

Неужели заключение,
Неужели летом мир?
Неужели тот вернётся,
Кто сердечку очень мил?

Не дождёшься тех минут,
Когда из армии придут.
Рубашки белые наденут,
По деревнюшке пройдут.

Лён высокий, лён высокий,
Лён высокий — долгунец.
Наш колхоз богатый, сильный,
Председатель — молодец.

Наш колхоз узнать нетрудно:
Электричество горит,
Речка Лухта протекает
И кедровый бор шумит.

Солнце светит, снег растаял,
Сладкий сок течёт с берёз.
Сеять хлеб пора настала,
Первым вышел наш колхоз.

Ой, на горке на крутой
Зеленеет вишня.
На колхозные поля
Все бригады вышли.

Подготовились к посеву,
Инвентарь у нас готов.
Этим чётко управляет
Председатель Шевелёв.

Раньше звали меня Ванькой,
А теперь зовут Иван,
Потому, что за работу
Мне билет ударный дан.

Каблуком, подруга, бей,
Не отстанем от людей:
Мы за лето заработали
По триста трудодней.

Не ругай меня, мамаша,
Что в читальный зал хожу.
Я не время убиваю,
За политикой слежу.

Шёл я вечером лугами,
Слышу — свистнул паровоз.
Он хорошие журналы
Нам из города привёз.

Председателю колхоза
Нужно так постановить:
Бригадиру без гармошки
На работу не ходить.

Про колхоз «Сигнал» идут
Некрасивы речи:
Корнеплоды полют тут
Языком да с печи.

Кладовщик, пеки оладьи,
МТФ подмазывай.
Председатель, пей вино,
Счетовод, не сказывай.

Очень ясная погода,
Замечательный денёк!
Пчёлы мёд с полей таскают
Председателю в чаёк.

Это не собака лает,
Это бригадир идёт.
Это Маня Чихачёва
На работу всех зовёт.

Хорошо тому живётся,
Бригадир кому родня:
Поработает немного,
Пишет боле трудодня.

Бригадирова жена —
Богова коровушка,
На работу не выходит
До заката солнышка.

Бригадирова жена
В шубу нарядилась,
Только вышла за калитку —
Сразу простудилась.

Как в колхозе-то «Ударник»
Мы зарезали быка.
Бригадиру дали ноги,
Председателю — рога,
Счетоводу дали хвост —
Не обманывай колхоз.

Есть один колхоз «Аврора»:
Два телёнка, две коровы,
На весь скот одно ведро,
Управленью всё равно.

В клубе печку затопили,
Это что такое там?
Привезли с поля картошку,
Приготовили свиньям.

Задушевные товарочки,
Колхозные дружки.
Мы ведь тоже из колхоза,
Боевые девушки.

Сено косила, косила,
На сухое сено — дождь.

Я любила, любить буду
Из «Авроры» молодёжь.

Как же мне не погордиться?
Лучше всех милёнок мой:
Председатель он колхоза,
А колхоз — передовой.

Мимо нашего окошка
Едет трактор новенький.
Мне не трактор приглянулся —
Тракторист молоденький.

Всё лесочек, всё лесочек,
Всё лесок зелёнький.
За лесочком дроля пашет,
Тракторист молоденький.

Трактористов не любила,
Черномазыми звала,
А теперича на тракторе
Работаю сама.

Сортировка, молотилка
И косилка новая.
Ну-ка, ну-ка, подмигни-ка,
Девушка фартовая.

В огороде расцвела
Розовая маковка.
Выплетала по две нормы
И за то стахановка.

Председателю колхоза
Говорила много раз:
— Почему в одну бригаду
Не поставишь с дролей нас?

Я девчонка-ученица,
И милёнок учится.
Ни с которой стороны
Измены не получится.

Я из школы уходила,
Закачались тополя.

До свиданья, школа милая
И все учителя.

Ягодиночка, на курсах
Долго ли пробудете?
Вы полюбите курсанточку,
Меня забудете.

Я любила речку быструю,
Любила моряка.
Он идёт, а ленты чёрные
Видать издалека.

Не кукушечка кукует,
Не соловушка поёт,
Мать по дочери горюет, —
Лодырь свататься идёт.

Если плохо точишь косу,
Значит быть плохой косьбе,
Если мирной жизни хочешь —
Будь всегда готов к войне.

КОММЕНТАРИИ

СКАЗКИ

№ 1. Петушок да Кутюшка

Сказка записана М. Б. Едемским в д. Митенское Тотемского уезда Вологодской губернии от Н. И. Басмановой в 1918 году (Архив Гос. Лит. Музея). Одна из самых распространённых русских сказок о животных. Она встречается в сборниках: Афанасьева, № 69, Садовникова, № 94, Иваницкого, № 30, Ончукова, № 215, 277, Смирнова, № 13, 48 и др. Сказки о животных кумулятивного (т. е. цепевидного) построения принадлежат к одному из древнейших сказочных типов. Сказка имеет познавательное значение, она устанавливает связь предметов и явлений в природе и быту. Благодаря этому и простоте построения сказка живёт преимущественно в детском репертуаре. Обычное начало сказки — «Ходила курочка по поповой улочке», «Ходил петушок по попову полюшку и подавился бобом». Далее, в порядке многократного повторения с наращиванием, рассказывается об обращении курочки к липе, реке, угольщикам, косцам и т. д. В сказке даётся перечисление профессий, сельскохозяйственных работ и промыслов, характерных для северных областей (ср. то же в сборниках Ончукова, Иваницкого, Соколовых).

Конец сказки обычно, как и в данном варианте, благополучный: петушок выздоравливает. Изредка встречается концовка типа «Петушка уж вороны расклевали» (Иваницкий, № 30).

№ 2. Теремок вошки и блошки

Сказка записана М. Б. Едемским в д. Митенское Тотемского уезда Вологодской губернии от Н. И. Басмановой в 1918 году (Архив Гос. Лит. Музея).

Широко распространённая в русском сказочном репертуаре сказка встречается в сборниках: Афанасьева, № 68, Ончукова, № 135, 219, Смирнова, № 75, 136, 162, 290 и др. В сказке даётся меткая и образная характеристика животных. Звери изображены очень выразительно: вошь-поползушка, блоха-поскакушка, волк-хватул, заяц-роботун; особенно развёрнута характеристика лисицы: масляная губица, дивья красовица, малинов цвет, и медведя: тяпыш-ляпыш, всем пригнётыш.

Интересна в данной сказке песенка про терем. Описание терема, где «окна колодны, лавки дородны», ассоциируется с просторной и прочной северной избой, её окнами, украшенными резьбой, её широкими лавками.

№ 3. Про кашу

Сказка записана участниками Белозерской экспедиции ИФЛИ и ГЛМ в Кирилловском районе Вологодской области в 1937 году (Архив Гос. Лит. Музея).

Сюжет сказки, очевидно, заимствован из «Сказок братьев Grimm», так как в сборниках русских сказок он не обнаружен.

Однако, если немецкая сказка «Сладкая каша» сентиментально повествует о бедной богобоязненной девочке, то комментируемая юмористическая сказка весьма далека от такой трактовки образов. Общим в них является только чудесный предмет—горшок, чуть не наделавший беды в руках неумелого человека, и само чудесное происшествие. В центре данной сказки—образы деловитой, сварливой бабки и беспмятного деда, традиционных героев русской бытовой сказки.

Обстановка сказки дана реалистически, с бытовыми и местными подробностями (старуха ушла на беседу, старик сидит на печи и делает лопатку).

№ 4. Пыхтилка

Сказка записана участницей Белозерской экспедиции Е. Похмелкиной в с. Коварзино Кирилловского района Вологодской области от П. Авдюниной в 1937 году (Архив Гос. Лит. Музея).

Встречается в сборнике И. Карнауховой «Сказки и предания Северного края». В «Сборнике русских сказок», составленном Серовой, помещён обработанный ею текст сказки с изменённым содержанием (девочка Маша побеждает Пыхтилку, сидящую на огороде).

Известна группа сказок с образом «глиняного парня», очень напоминающего Пыхтилку (в сборниках: Иваницкого, № 19, Ончукова, № 130, Смирнова, № 167). Возможно, что образ Пыхтилки связан с представлением о домовых, банниках и т. п.

№ 5—8. Присказки и небылицы

№ 5. Записана М. Б. Едемским в Тотемском уезде Вологодской губернии в 1924 году (Архив Гос. Лит. Музея).

№ 6. Записана участниками экспедиции МГУ А. Бутелькиной, А. Филатовым, В. Шершавицкой в д. Федянькино Грязовецкого района Вологодской области от А. Е. Кувалдиной в 1954 году.

№ 7—8. Записаны участником Белозерской экспедиции Г. И. Терентьевым в с. Никоновка Белозерского района Вологодской области от С. Д. Борина в 1937 году (Архив Гос. Лит. Музея).

Присказки и небылицы широко распространены в Вологодском народном творчестве.

№ 9. Кощей бессмертный

Сказка записана участниками Ленинградской экспедиции в Вологодской области от Т. И. Тетерина в 1950 году (Архив Пушкинского дома АН СССР).

Популярная русская сказка «Кощей Бессмертный» встречается во многих сказочных сборниках: Афанасьева, № 156, 157, Эрленвейна, № 1, 12, Садовникова, № 61, Ончукова, № 107, 157, Зеленина «Сказки Пермской губернии», № 6, Азадовского «Сказки Верхнеленского края», № 1, Коргуева, № 8, и др.

Значительность её содержания — идея подвига и преодоления трудностей во имя любви, бесстрашие и гуманизм героя — делают её одной из любимых сказок нашего народа.

Обычно сказка начинается с поисков героем невесты и следующей за этим свадьбы, после чего молодую жену похищает Кощей; иногда — с выдачи трёх сестёр героя за медведя, орла, щуку, которые потом помогают ему победить Кощея. Тетерин делает самостоятельной сказкой важнейший её эпизод — единоборство Ивана с Кощеём.

В сказке три героя: Иван, его мать и Кощей. Они обрисованы очень кратко, но мы чувствуем всю напряжённость борьбы, драматизм происходящих событий. Такому восприятию способствует и языковой стиль — короткая, рубленая фраза.

Сказка изложена очень сжато, некоторые эпизоды её лишены традиционной сказочной разработки, трюизма, характерной для волшебной сказки (выбор Иваном коня, расспросы матери о смерти Кощея).

№ 10. Хитрая наука

Сказка записана участниками Ленинградской экспедиции в Вологодской области от С. Дранникова в 1950 году (Архив Пушкинского дома АН СССР).

Широко распространена в русском сказочном репертуаре. Она встречается в сборниках: Афанасьева, № 249—253, Худякова, I, № 19, III, № 94; Эрленвейна, № 18; Садовникова, № 64; Иваницкого, № 10; Зеленина «Сказки Вятской губернии», № 30, и «Сказки Пермской губернии», № 27; Азадовского, № 4 и др.

Содержание сказки — мечта о счастливой жизни, о лучшей доле. Особенно подчёркнута бедность семьи (усиление этого мотива вообще свойственно сказкам позднейшей эпохи (см. сборники Зеленина, Азадовского). Поэтому все дальнейшие действия героя подчинены одному стремлению — добыть денег для матери.

Безотрадная жизнь, тяжёлый труд, не приносящий материального благополучия, породили и стремление к лёгкой жизни, «чтобы можно было не работать, сладко пить-есть и чисто ходить». Поэтому и сказочная «хитрость и мудрость» обученного у волшебника героя имеет основой жизненную изобретательность, смекалку крестьянина, которую он проявляет при столкновении с барями-охотниками, барышней и т. д.

№ 11. Про царя и его детей

Сказка записана участниками экспедиции МГУ Л. Бутелькиной, А. Филатовым, В. Шершавицкой в д. Федянькино Грязовецкого района Вологодской области от А. Е. Кувалдиной в 1954 году.

А. Е. Кувалдина — не только талантливая сказочница, но и прекрасный знаток свадебных песен и обряда (была по приглашению на шестнадцать свадьбах), частушек, загадок.

Сказка представляет собой соединение двух сюжетов: «по колено ноги в золоте, по локоть руки в серебре» («Сказка о царе Салтане» Пушкина) и поисков невесты («Елена Прекрасная», «Кощей» и др.).

Первая часть сказки близка ко многим сказкам в сборниках: Афанасьева, № 283—286; Ончукова, № 5; Соколовых, № 42 и др. Далее, вместо повествования о судьбе матери или царя-отца, рассказчица переключается на историю двух детей — Маши-Бриллиантовые вубы и Васи — Золотые кудри.

Сказка Кувалдиной очень красочна по языку. В ней заметен и местный колорит. Три сестры не прядут под окошком, как обычно, а «заплетают», т. е. плетут кружева — обычное занятие женщин и девушек Вологодской области.

Иван-царевич уезжает в Питер (Вологодская область и раньше была, и теперь тесно связана с Ленинградом. Поездка в Питер, в Ленинград, часто упоминается в вологодских песнях и частушках).

№ 12. Дань царю морскому

Сказка записана участницами экспедиции МГУ Н. Савушкиной и В. Шершавицкой в д. Чурилово Чёбсарского района Вологодской области от И. К. Цветкова в 1954 году.

Встречается во всех основных сборниках: Афанасьева, № 219; Худякова, I, № 17, 18; Зеленина «Сказки Пермской губернии», № 12, 24, 55, и «Сказки Вятской губернии», № 118; Соколовых, № 66; Смирнова, № 5, 26 и др.

Популярность этой сказки определяется богатством и красочностью её содержания: трагедия родителей, разлучённых с сыном; героическая тема преодоления препятствий при содействии чудесных помощников — Опивалы, Обьедалы, Морозушки и любящей царевны, лирическая тема горячей женской любви.

Сказка Цветкова выделяется напряжённостью, захватывающим развитием действия и красочностью рассказа.

Особенно «острыми» её моментами являются встреча с «образиной», чудесное бегство влюблённых. Если во многих вариантах (см. сборники Зеленина, Соколовых, Смирнова) заметен привкус авантюрной сказки мещанского, городского характера в содержании, то данная сказка свободна от этих наслоений.

Герой представлен не описательно, а в действии. Так, чуткость, доброта, «жалостливость» героя отмечаются в нескольких местах: «Видит — пчёлка об окно бьётся. Ему жалко стало, думает: замёрзнет или разобьётся. Окно разбил...».

В языке сказки встречаются яркие, образные сравнения: герой был «красивый, как дубок»; вычищенные ружья «блестели, как собачий глаз», и т. д.

№ 13. Осинкин удалой

Сказка записана участницами экспедиции МГУ Н. Савушкиной и В. Шершавицкой в д. Чурилово Чёбсарского района Вологодской области от И. К. Цветкова в 1954 году.

Встречается в сборниках: Афанасьева, № 128—131 и 139—141; Худякова, I, № 2, II, № 42; Иваницкого, № 4; Ончукова, № 241 и др.

Содержание сказки — поиски счастья, трёх сказочных царств.

Обычно сказка начинается с мотивировки путешествия трёх братьев: пропадают три царевны, и герои их ищут, царевичи отправляются за невестами или выслеживают вора, похищавшего яблоки.

Здесь в центре внимания с самого начала храбрость и находчивость младшего из трёх братьев, поехавших на охоту, который расправляется со «старичком с локоток, а борода с венчик» и путешествует по трём царствам.

Интересны имена героев: Берёзкин-Панькинский (Панькино — соседняя деревня), Олюшкин, Осинкин-удалой. Местная приуроченность и фамилии героев — редкое явление в волшебной сказке.

Сказка записана участницами экспедиции Н. Савушкиной и В. Шершавицкой в д. Чурилово Чёбсарского района Вологодской области от И. К. Цветкова в 1954 году.

Встречается во многих сборниках русских сказок: Афанасьева, № 198—200; Худякова, I, № 19; Эрленвейна, № 19; Зеленина «Сказки Пермской губернии», № 7, 96; Ончукова, № 177; Соколовых, № 11, 143; Коргуева, № 22, и др.

№ 15. Богатырь

В сказке показано моральное превосходство бедняка над трусливым и слабосильным царём.

Сказка записана участницами экспедиции МГУ Н. Савушкиной и В. Шершавицкой в д. Чурилово Чёбсарского района Вологодской области от И. К. Цветкова в 1954 году.

Встречается в сборниках: Афанасьева, № 431—432; Худякова, II, № 51, III, № 121, Иваницкого, № 26; Зеленина «Сказки Вятской губернии», № 43; Соколовых, № 72; Смирнова, № 109, 257, и др.

Это пародия на богатырскую сказку или былинку. Главный персонаж её — «мнимый герой» дряхлый старичишка, по недоразумению принятый за богатыря.

Сказочник добивается комического эффекта, с одной стороны, всячески принижая своего героя, показывая его немощь; а с другой — преувеличивая впечатление, производимое им на окружающих.

Исполнительское мастерство Цветкова — почти зрительная передача образа при помощи слова, интонации, заразительный юмор — проявляется в этой сказке особенно ярко.

№ 16. Мужик и чорт

Сказка записана участницами экспедиции МГУ Н. Савушкиной и Л. Шведовой в с. Щетинском Мяксинского района Вологодской области от А. Е. Костеркова в 1953 году.

Встречается в сборниках: Афанасьева, № 433—437; Ончукова, № 95; Смирнова, № 338, и др.

Обычно мужик, желая избавиться от сварливой и упрямой жены, хитростью спускает её в яму, а чорт не выносит её присутствия и отправливается путешествовать с мужиком.

В этой сказке мужик вынужден сам убежать от сварливой жены.

Очень выразителен диалог (например, разговор мужика и чорта под бревном).

Юмористическая концовка — «чорт так и убежал в Японию» — связывает образ чорта с отсталым, отжившим для нас прошлым.

№ 17. Быличка

Записана участниками Белозерской экспедиции Н. Чукановым и Е. Похмелкиной в с. Каргулино Белозерского района Вологодской области от 70-летней М. Е. Рюминой в 1937 году (Архив Гос. Лит. Музея).

М. Е. Рюмина обладает обширным сказочным и песенным репертуаром. От неё записано 32 сказки, 24 песни и значительное количество частушек.

«Быличка» представляет собой рассказ полулегендарного характера о чудесном обогащении.

Типичны для русской сказки образы богатого и бедного братьев, характеризующие дореволюционное расслоение деревни.

Богатый жаден, жалеет для бедняка даже уголька, завистлив. Бедняк честен, и честность его вознаграждается.

№ 18. Беззаботный монастырь¹⁾

Сказка записана участницами экспедиции МГУ Н. Савушкиной и Л. Шведовой в с. Щетинском Мяксинского района Вологодской области от А. Е. Костеркова в 1953 году.

Новеллистическая сказка с мотивом трудных загадок, встречается в большинстве сборников русских сказок (Афанасьев, № 326, Зеленин «Сказки Вятской губернии», № 37, и «Сказки Пермской губернии», № 50, Садовников, № 25, Ончуков, № 164, Соколовы, № 95, и др.).

Героem здесь обычно является ловкий и находчивый человек: солдат, работник, портной, ловкий вор, мельник и т. д., который умелыми ответами царю заслуживает его расположение и доказывает своё умственное превосходство над представителями господствующего класса, обычно настоятелем монастыря, попом, генералом, купцом.

Костерков очень любит сказки о попах, которые «эксплуатировали народ», понимает значение этих сказок и для настоящего времени. Сам он «ни в бога, ни в чорта не веруст» и насмехается над верующими.

Устами игумена исчерпывающе представлена паразитическая жизнь духовенства: «... Забот у нас нет. Мы гуляем, пьём, едим. Богомольцы ходят — деньги носят, вот и беззаботный монастырь». Антирелигиозная направленность сказки выражена не только в общем её духе, отношении рассказчика, но и в характере положительного героя — работника с мельницы.

Вот как «кошунственно» отвечает он царю на вопрос — «почему звёзд на небе сегодня мало?».

«Сегодня все святые запьянствовали, забыли свечи зажечь, горят всё огарки, а он долго ли горит — гаснет».

Гришка-работник не только показывает своё умственное превосходство, но и всячески унижает игумена (вспомним, как жалко выглядит игумен, вылезая из зарослей крыжовника).

Интересна местная и историческая приуроченность, часто встречающаяся в бытовой сказке (см. у Цветкова). Монастырь находится под Петербургом, царь — Пётр I.

№ 19. Пётр и Меншиков

Сказка записана участником Белозерской экспедиции Г. Терентьевым в с. Крохино Кирилловского района Вологодской области от Ширшневой в 1937 году (Архив Гос. Лит. Музея).

Принадлежит она к распространённым историко-анекдотическим сказкам про Петра I.

¹⁾ В составлении комментариев к сказкам № 18 и № 23 принимал участие Ю. И. Смирнов, студент филологического факультета МГУ, член экспедиции МГУ 1954 года.

В них обычно подчёркиваются демократизм Петра, его «умельство» в разных профессиях и ремёслах.

В данной сказке Пётр показан обладателем огромной физической силы (гнёт или ломает подковы). Молодой кузнец, который иногда впоследствии становится приближённым царя и поэтому называется Меньшиковым, Демидовым и т. д., тоже удивляет царя силой. Оба они представлены в сказке рядом как выразители качеств русского народа: силы, ума, достоинства.

№ 20. Барин и работник

Сказка записана участником Белозерской экспедиции Г. Терентьевым в с. Старо-Никитском Белозерского района Вологодской области от А. Смирновой в 1937 году (Архив Гос. Лит. Музея).

Принадлежит к распространённым сатирическим сказкам о глупых барах и хитрых работниках. Большинство их включено в сборник Ю. М. Соколова «Барин и мужик».

Выведен глупый, непрактичный барин, ни на что не способный, беспомощный перед смелыми выходками своего слуги. Во всём этом видна острая насмешка, стремление унижить своего классового врага, показать превосходство над ним крестьянина. Барин хоть и кричит, и топает ногами на Сысойку, презрительно называет его «косой собакой», а прожить без него не может.

В заключительном эпизоде сказки, своеобразной расправе с баринном, выразилась мечта народа об освобождении от угнетателей. Здесь, как и для бытовой сказки вообще, очень характерен диалог, быстрое развитие действия.

Сказка заключается рифмованной концовкой, свойственной, обычно, волшебным сказкам.

№ 21. Барин и слуга

Сказка записана А. А. Шустиковым в Кадниковском уезде Вологодской губ. от Н. Черепанова, М. Ситцева, А. Черноусова в 1920-х годах (Архив «Вологодского общества изучения Северного Края»).

Сказка «Барин и слуга» близка к бытовым сказкам диалогического типа (см. напр. «Хорошо да худо» Афанасьева, № 412—417). Сюжет ее встречается и в форме народной драмы «Голый барин». Она представляет собой рифмованный диалог, раёшник, в котором рифма используется как прием комического. Несмотря на то, что в сказке почти отсутствует действие, в ней встают выразительные образы барина и мужика, и находит отражение крепостная действительность. Сатирически показан барин, владелец нищей деревни, сам почти нищий — голый: «Экая моя участь — мундира нет, брюки совсем порвались, а староста нейдёт и оброку не несёт», — грустно рассуждает барин. Из рассказа Афоньки перед нами встает картина разорённой деревни, где «суслон от суслона, как от Москвы до Ростова». Главные черты в образе слуги Афоньки — смелость, уверенность в обращении с баринном. Используя глухоту (а может быть, еще и глупость, недогадливость) барина, Афонька говорит ему в глаза дерзости, издевается над ним. Из словесного состязания Афонька выходит победителем. Так сказка утверждает идею превосходства мужика над баринном.

№ 22. Про Назарка

Сказка записана участниками экспедиции МГУ Н. Савушкиной, В. Шершавицкой, Л. Шведовой в д. Чурилово Чёбсарского района Вологодской области от И. К. Цветкова в 1953 году.

Это одна из самых распространённых и типичных сказок о попах. Она встречается в сборниках: Афанасьева, № 397, 398. Садовникова, № 32; Иваницкого, № 44; Ончукова, № 131, 269; Зеленина «Сказки Вятской губернии», № 135, и «Сказки Пермской губернии», № 21; Соколовых, № 5, 87, 107, 145; Азадовского, № 22 и др.

Обычно сказка называется «Про шута», и обман попа представляется рядом проделок шута над купцами, разбойниками, коломенцами и т. д. В данной сказке героем является не шут, а бедный мужик, ловко обманувший трёх попов. Сказка Цветкова приурочена к определённой местности: действие развёртывается в Чёбсаре, в Вологде, упоминается действительно существовавший купец Калякин. И. К. Цветков часто использует этот приём в бытовой и даже волшебной сказке.

№ 23. Поп и работник Митрошка

Сказка записана участниками экспедиции МГУ Н. Савушкиной и Л. Шведовой в с. Щетинском Мясинского района Вологодской области от А. Е. Костеркова в 1953 году.

Встречается в сборниках: Афанасьева, № 150, Иваницкого, № 23, Ончукова, №№ 42, 123, 298 и др. Идея сказки — физическое и умственное превосходство мужика над хозяином-попом.

Обычно герой сказки, работник Митрошка, в труде превосходит чорта, купца или попа, у которых служит. Хозяева дают ему невыполнимые задания, но он успешно справляется с ними, преследует хозяев и кого-нибудь из них топит. В сказке противостоят друг другу жадный и беспомощный поп и сильный, смелый, находчивый Митрошка.

Интересен и значителен редко встречающийся эпизод поездки Митрошки к царю, где выведены трусливый царь и его окружение.

Данной сказке в большей степени, чем другим бытовым, присущи образы и средства волшебной сказки: черти и чертенята на мельнице, преувеличены сила, аппетит Митрошки и т. д.

№ 24. Как солдат бабу окрестил

Сказка записана участниками экспедиции МГУ А. Фроловым и Д. Чевторасвой в д. Юдино Грязовецкого района Вологодской области от А. М. Хопинина в 1954 году.

ПЕСНИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

№ 25. Собирайтесь-ка, братья, на зелёный луг

Записал М. Б. Едемский в д. Щупово Тотемского уезда Вологодской губернии от Шаткова в 1924 году (Архив Гос. Лит. Музея).

Публикуемый отрывок — обычный запев исторических песен о пленении и смерти Краснощёкова, отнесённый к имени Ермака, очевидно, по сюжетному сходству песен (плен и смерть Ермака).

№ 26. Уж ты, матушка Россия...

Записал М. Б. Едемский в дер. Останенской Тотемского уезда Вологодской губернии от А. С. Макаровой в 1917—1918 гг. (Архив Гос. Лит. Музея).

Песня о партизанах Платове — одна из самых распространённых исторических песен 1812 года. Особенно популярна в казачьих станицах Дона и Кубани.

Рассказ о русском воине, который, побывав неузнанным в гостях у неприятеля, насмехается над ним, — восходит к песням о герое семилетней войны Краснощёкове (см., например, Пивоваров, № 68). Особой популярностью песня пользовалась в казачьей среде (см., например, Листопадов, «Былинное песенное творчество Дона», № 116, № 127; Голубинцев, «Песни донских казаков», с. 17, Мякутин, т. I, с. 85—92). В собрании Киреевского находится несколько вариантов песни о Платове. Один из лучших записан В. И. Далем в Оренбургской губернии (Кир., т. X, №№ 1—2). В начале девятисотых годов песня о Платове записана брагьями Б. и Ю. Соколовыми в Белозерье — в настоящее время — Кирилловский и Белозерский районы Вологодской области (см. Соколовы, с. 314—315, № 19, № 20). В 1917 году хороший вариант этой песни записан в Иссик-Кульском районе Киргизской области, в 1948 году — в русских районах Башкирии (Архив Гос. Лит. Музея).

Исключительная популярность и жизненность этой песни объясняются, несомненно, привлекательностью и подлинной народностью образа её героя.

№ 26-а. Поле чистое турецкое

Записал М. Б. Едемский в дер. Останенской Тотемского уезда Вологодской губернии от А. С. Макаровой в 1917—1918 гг. (Архив Гос. Лит. Музея).

Солдатская песня о турецкой войне связана с именем графа И. Ф. Паскевича-Эриванского, в 1828—1829 гг., успешно руководившего действиями русской армии против турок (взятие Карса, Ахалкалаки и др.).

Песню эту находим и в старых сборниках (см. Кир., т. IX, с. 219, 255, 279) и в записях советского времени (см. «Фольклор Саратовской области», с. 83). Известны варианты песни с упоминанием Петра I.

В публикуемой песне обращает на себя внимание хорошо разработанный запев — обращение к чистому полю турецкому, образ бесконечного простора («Мы когда тебя, поле, пройдем») соответствует настроению протяжной солдатской песни.

Обращение Паскевича в заключение к славным русским матросам, очевидно, заимствовано из песен о турецкой войне при Екатерине II, связанных с именами других полководцев (См. Кир., IX, с. 219. № 1. Средиземное море. Спиридов утешает матросов, «утешает их, забавляет... Матросы печаль забывают...»).

№ 27. Ночи тёмные, тучи грозные

Записала А. Вецрумб в д. Скалино Грязовецкого уезда Вологодской губернии в 1920 г. (Архив Гос. Лит. Музея).

В архиве фольклорного сектора ГЛМ хранится собрание песен

Вологодской губернии, переданное музеем работником ВЦПС А. А. Вежрумб в мае 1941 года.

А. А. Вежрумб родилась в 1901 году в деревне Скалино Грязовецкого уезда Вологодской губернии и прожила там до 18 лет. Позже, в 1920-е годы, она работала в Вологодской губернии инструктором по сельской кооперации.

В 1941 году А. А. Вежрумб записала по памяти те песни, которые пела на гуляньях и посиделках, живя и работая в деревне.

Солдатская песня, возникшая, повидимому, во время турецкой войны конца 1820-х годов, связана обычно с именем графа И. Ф. Паскевича. Песня эта, дающая образ храброго русского войска и командира, умеющего в трудный момент боя ободрить своих солдат, — приобретает новую популярность в последующие войны.

Все новые песни неизменно сохраняют заповедь, дающий символический образ грозной вражеской силы и вместе с тем изображающий мужественное спокойствие нашего войска:

Ночи тёмны, тучи грозны
По поднебесью идут,
Наши храбрые солдаты
Тихим маршиком идут.
(Кир., т. X. с. 463—467).

Сохраняются обычно и строки, передающие настроение солдат, идущих на приступ, с сознанием трудности поставленной перед ними задачи и смертельной опасности.

Трудно, трудно нам, ребята,
Нам турецкий город взять,
А ещё будет труднее —
Нам под пушки подбегать...

В солдатской среде эта песня использовалась начальством для насаждения ура-патриотических настроений. Искажающий идейное содержание песни ура-патриотический вариант, сложенный, очевидно, в офицерской среде, о подавлении польского восстания при Николае I, записан Истоминым в с. Нефедово Нефедовской волости Вологодской губернии в 1893 году (Ист. и Ляп., № 44, с. 251).

Ночи тёмны, тучи грозны по поднебесью летят,
Наши славны, храбры гренадеры со ученьица идут.

Истомин публикует также и напев песни.

№ 28. Не туман с моря поднялся

Записала А. Вежрумб в д. Скалино Грязовецкого уезда Вологодской губернии в 1920 гг. (Архив ГЭС. Лит. Музея).

Историческая песня о русско-турецкой войне 1877—1878 гг., в которой большое значение имела осада Плевны в течение 4½ месяцев и взятие её русскими войсками 10 декабря 1877 года. Плевна — болгарский город, с XV века и до 1877 года находившаяся под властью турок. Великий князь, упоминаемый в песне, — румынский князь Карл, возглавлявший русско-румынские войска, осаждавшие Плевну.

Публикаций исторических песен о Плевне в сборниках не обнаружено.

БАЛЛАДНЫЕ ПЕСНИ

№ 29. Лихая была матушка

Записал М. Б. Едемский в д. Харитонихе Тотемского уезда Вологодской губернии от П. И. Попова в 1924 году (Архив Гос. Лит. Музея).

№ 30. Он жил-то, служил да верой-правдою

Записал М. Б. Едемский в д. Антипино Тотемского уезда Вологодской губернии в 1924 году от Ф. Д. Русакова (Архив Гос. Лит. Музея).

Широко известный сюжет о преступной любви королевского (княжеского) слуги и королевны (княгини) и трагической смерти обоих (см. у Кир., т. V, разделы «Князь Волконский и Ванька Ключи́чик», с. 128—163; «Молодец у короля на службе», с. 164—178. Соб., т. I, №№ 9—49; Сок., № 42).

Публикуемая песня соединяет в себе особенности обеих групп песен: королевский слуга носит имя Ваньки-ключника. Соответственно описаны в песне его внешность и одежда.

№ 31. Кто же, кто же постучал?

Записал М. Б. Едемский в д. Салтыковской Тотемского уезда Вологодской губернии в 1924 году (Архив Гос. Лит. Музея).

Эпическая песня, часто исполняемая как вечериночная, плясовая, о чём свидетельствует и её припев. Встречается в песенниках XVIII века, в XIX—XX веках в записях, сделанных в Архангельской, Вологодской, Ярославской, Пермской, Вятской губерниях. См. Соб., т. VII, № 174—182. Сюжет её восходит к новеллистической былине о Бермяте и Катерине, отличающейся от песни своим трагическим концом: муж убивает свою неверную жену и женится на служанке, донёсшей ему об измене.

№ 32. Вы, солдатики-уланы...

Записала А. Вещрумб в д. Скалино Грязовецкого уезда Вологодской губернии в 1920-х годах (Архив Гос. Лит. Музея).

Широко распространённая протяжная песня о неожиданном возвращении мужа с военной службы (см., например, Соб., т. I, №№ 320—337; Сок., №№ 54—58; Кир., Н. серия, в. I, ч. 2-я, №№ 1943, 2659, 2937; «Песни и сказки Воронежской области», 1940 года, с. 115 и др.).

Быть не узанным близкими, возвратясь домой, было вполне естественно при длительности сроков военной службы в царской дореформенной армии.

Существует и другая песенная разработка этой темы — «два храбрые героя», остановившиеся на ночлег в бедной хате, оказываются мужем и сыном хозяйки, много лет считавшей их погибшими на войне («Закатилось солнце за тёмные леса...»).

Песня возродилась после Великой Отечественной войны (см. записи, сделанные в 1948 году в Покровском районе Башкирской АССР, в том же году в Иссык-Кульской области Киргизской ССР, в 1951 году в Миргородском районе Полтавской области (Архив Гос. Лит. Музея).

ХОРОВОДНЫЕ, ИГРОВЫЕ И ПЛЯСОВЫЕ ПЕСНИ

№ 33. Загону я семь загадок...

Записал М. Б. Едемский в д. Рыкаловской Тотемского уезда Вологодской губернии в 1924 году от Ф. Я. Едемской (Архив Гос. Лит. Музея).

Исполнительница назвала песню «Песня из веков», подчёркивая этим давность её происхождения. Действительно, вопросо-ответная форма песни и её сюжет — девица загадывает (обычно отгадывает) трудные загадки — возводят эту песню к древнерусским апокрифам, к Стиху о Голубиной книге, сближает её с повестью о Петре и Февронии, с народными сказками о девке-семилетке, мудрой деве.

О распространённости песни свидетельствуют записи, сделанные в разных губерниях в XIX—XX веках (см. Соб., т. I, с. 459—469; Шейн, № 812—815; Сок., № 52, с. 326—327).

№ 34—40. Городки

Записал М. Б. Едемский в д. Салтыковской Тотемского уезда Вологодской губернии в 1924 году (Архив Гос. Лит. Музея).

«Городки» — один из популярнейших в прошлом видов местных хороводов. «Городком» называются и хоровод (круг), и характер игры, и песня, которой сопровождается эта хороводная игра¹⁾.

В каждом городке исполнялось по две песни, как обращение и ответ двух групп играющих — парней и девушек, или повторялась та же песня в двух своих звеньях.

С течением времени «городки», сходные по своему содержанию, перепутались, создавая новые варианты песен. О популярности городков свидетельствует тот факт, что в 1905 году М. Б. Едемский записал в с. Кокшеньге Тотемского уезда 26 песен-городков, указывая, что игра эта приходит в упадок. Тем не менее в архиве собирателя мы находим «городки», записанные в том же Тотемском уезде в 1924 году и являющиеся близкими вариантами ранее записанных. О характере исполнения городков в 1920-е годы собиратель, к сожалению, не сообщает.

Содержание городков-песен определяется в значительной мере самой игрой: с городом, тыном, огородом, садом связано несложное «действие» песни: «За тынком было, за тыночком..., за серебряной решёткой девка мылась, умывалась, в городочек собиралась»; «Летит голубь мимо город», «За тыном, в огороде щиплет девушка лук» и т. п.

Обычно бытовой сюжет песни всегда динамичен, его легко разыгрывать, его развязка — выбор «любого» или «любой», т. е. тех, которые нравятся.

Песня «За тыном» приведена как «сборная» в собрании Истомина и Ляпунова, с. 142, с нотами.

№ 41. Вы пойдёте-ко, братцы, во Кириллово гулять...

Записал участник экспедиции МИФЛИ Б. И. Богомолов в 1937 году в д. Каргулино Кирилловского района Вологодской области от А. А. Рожиной (Архив Гос. Лит. Музея).

Хороводная песня о выборе невесты, издавна бывшая популярной

¹⁾ См. статью М. Б. Едемского «Вечерованье» и городки в Кокшеньге Тотемского уезда. «Живая старина», 1905, в. 3—4, с. 459.

в Кирилловском уезде Вологодской губернии. Опубликована Студитским в 1841 году; в 1847 году записана Шевырёвым (С. Шевырёв, Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь в 1847 году), в начале 1900-х годов — Б. и Ю. Соколовыми («Белозерские песни и сказки», №№ 396—398).

Как в старых текстах, так и в записях советского времени сохраняются местные географические названия: Кириллово, город Вытегра, Ярославль-город (см. Соб., т. IV, №№ 305—307; Сок., № 398).

№ 42. Ты, Иванушка, соколики...

Записали участники экспедиции МГУ И. Фетисов и А. Фролов в д. Крутец Грязовецкого района Вологодской области от колхозницы А. А. Роговой, 65 лет, зимой 1954 года.

Старинная плясовая песня. Встречается как продолжение песни «Вы пойдёте-ка, братцы, во Кириллово гулять», дорпсовывая портрет её героя:

Русы кудри подвитые,
Бровки чёрны выводные, —

и завершая рассказы о взаимоотношениях девушки и её милого:

Куда вздумаю — поеду,
С собой милую возьму... и т. д.

№ 43. Вдоль по улице молодец идёт

Записал М. Б. Едемский в д. Антипино Тотемского уезда Вологодской губернии в 1924 году от Ф. Д. Русакова.

Старинная хороводная песня, содержание которой явно изобличает её игровой характер.

Часто встречается в соединении с песней «Нам к чему было капусту садить» (см., например, Вологодский сборник, т. IV, с. 341).

Такое соединение, очевидно, давало возможность вовлечь в игру других участников хоровода, от парного танца перейти к общему.

Публикуемая песня отличается подробным описанием одежды молодца. Такое изображение молодца находим, например, в песенниках XVIII века в шуточной песне о женитьбе молодца (Прач, с. 121). (Сравни Соб., т. II, № 201, т. V, № 319—320, т. VII, № 84, № 86; Сок., № 410 и № 412).

№ 44. Не тропника ли тропится

Записали участники экспедиции МГУ А. Фролов и И. Фетисов зимой 1954 года в д. Крутец Грязовецкого района Вологодской области от А. Ф. Киселёвой, Е. В. Карташевой и А. М. Мамухиной. По свидетельству исполнительниц, песню «поют на посиделках».

Очень близкий к публикуемому вариант записан Шевырёвым в Кирилловском уезде Новгородской губернии в 1847 году (см. С. Шевырёв. Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь, ч. II, с. 109, вторая часть песни «Наехали господа, навезли товару»).

№ 45. Мимо сада, мимо саду...

Записали участники экспедиции МГУ А. Фролов и И. Фетисов зимою 1954 года в д. Крутец Грязовецкого района Вологодской области от Е. А. Роговой, 71 года, в прошлом хорошей песельницы. Плетет кружева и летом работает в детских яслях колхоза.

Старинная широко известная плясовая хороводная песня (см. Соб., т. III, №№ 303—320).

В сборнике Ф. Студитского песня «Летал голубь, летал сизый» охарактеризована как парная (Студ., 44, стр. 78). Игра «парочками», «ходить парочками», «в парочки» и песни, исполняемые парнем и девушкой, которую он выбрал себе в жёну, — обычно открывали вечериночное гулянье в деревнях Вологодской губернии. Парные песни неизменно кончались поцелуями.

(О парных песнях см. в статье В. Александрова — «Деревенское веселье в Вологодском уезде», «Современник», СПб., 1864).

№ 46. Перепелькино летит, перелётывает...

Записал М. Б. Едемский в Вологодской губернии в 1924 году (Архив Гос. Лит. Музея).

Старинная плясовая песня. Публикации её встречаются в песенниках XVIII и начала XIX веков. По своему игровому характеру, содержанию и образам данная песня очень близка к предыдущей. Известны контаминированные варианты обеих песен (см., например, Соб., т. III, №№ 299—302).

№ 47. Во лужках девки гуляли...

Записали участницы экспедиции МГУ Н. Савушкина и В. Шершавицкая в с. Щетинском Мяксинского района Вологодской области летом 1953 года от А. И. Беловой, 58 лет.

Песня хороводная «Идут кривулём, вьюном, — вспоминает об исполнении хороводных песен Белова. — Был хоровод на четыре угла, расходились и рассекались через центр, расходились парами. Иногда ходили сначала внутри, потом по за хороводы».

Состоит из двух самостоятельных песен: о встрече девушки с охотничком и о разгулявшихся молодцах. Песни, очевидно, исполнялись двумя группами хоровода, и каждая знаменовала собою новую фигуру хоровода.

(Ср. Соб., т. IV, №№ 294—297; Сок., № 403, с. 420; нотная запись песни см. Иваницкий, № 39, с. 227, прил. № 39, с. 7).

№ 48. Во поле елинушка

Записана участницей Ленинградской экспедиции 1950 года А. Г. Кудышкиной в посёлке Устье, Усть-Кубинского района Вологодской области от А. В. Басковой, 73 лет.

Хороводная игровая песня, контаминированная из двух, близких по содержанию песен о выборе молодцем невесты: «Во поле елинушка» и «Долина, долинушка, раздолье широкое».

Варианты второй песни см. Соб., т. III, №№ 275—287, с отрицательной характеристикой невесты дворянского, купеческого и мещанского сословий.

Очень близка к публикуемому варианту песня в сборнике Сок., № 427, с. 426—427.

№ 49. Что я, матушка, да не женат хожу...

Записали участницы экспедиции МГУ Л. Шведова и Н. Савушкина в с. Щетинском Мяксинского района Вологодской области от М. Д. Люшиной, 62 лет, участницы хора с. Щетинского.

Игровая хоровая песня. Выбор жениха, невесты — излюбленная тема многих хороводных песен. В большинстве песен, как и в публикуемой, предпочтение отдаётся крестьянской дочери, так как она «и в поле работница, и в доме хозяйка».

Близкие по содержанию песни — о выборе невесты см. Соб., т. III, №№ 275—287.

№ 50. Как по морю

Записали участники экспедиции МГУ А. Фролов и И. Фетисов зимой 1954 года в с. Крутец Грязовецкого района Вологодской области от А. Ф. Киселёвой, Е. В. Карташёвой и А. И. Мамухиной.

Старинная хороводная игровая песня. В. Александров в статье «Деревенское веселье в Вологодском уезде» («Современник», 1864) даёт очень полный текст этой песни и подробное описание связанной с ней хороводной игры.

Песня пользовалась широкой популярностью, известны публикации её в песенниках XVIII и XIX веков (см. Соб., т. II, №№ 244—258; Сок., № 388, с. 414).

№ 51. Вдоль было по травоньке

Записали участники экспедиции МГУ Н. Савушкина и В. Шершавицкая летом 1953 года в с. Щетинском Мяксинского района Вологодской области от А. И. Беловой.

Песня хороводная игровая. «Ходят два раза, — вспоминает исполнительница. — Ходят до девушек ребята и обратно. Соответственно с этим песня запеваётся два раза: во второй части («Первое-то она тут озорничала, потом одумалась», — объясняет исполнительница) целиком повторяется начало песни: «Вдоль было по травоньке» и т. д.

В. Александров в статье «Деревенское веселье в Вологодском уезде» (журнал «Современник», 1864) приводит полный текст, даёт подробное описание игры, связанной с её исполнением.

Тожественный вариант опубликован в сборнике Ф. Студитского «Народные песни Вологодской и Олонецкой губерний» 1841 года.

Сличение публикуемого текста с упомянутыми записями 1840-х и 1860-х годов свидетельствует о прекрасной сохранности этой песни в Вологодской области в наши дни (см. Соб., т. VI, № 592, № 599).

Наиболее полные и сохранившиеся тексты записаны в Самарской (Варенцов, с. 134) и Вологодской губерниях (Студитский, «Хороводные», с. 15—16, и Александров, с. 193—195).

Нотная запись песни опубликована в сборнике Истомина и Ляпунова, № 14, с. 159, у Иваницкого, № 4, с. 221, и приложение с. 1.

№ 52. У бабушки у нашей супрядка была...

Записали участницы экспедиции МГУ Л. Землянова и Н. Панкратова в д. Копылово Чёбарского района Вологодской области в 1953 году от О. С. Сокоушичевой, 65 лет, подруги сестёр Гришичевых.

Все трое известны как знатоки и хорошие исполнительницы песен и причётов.

Хороводная игровая песня, построенная в форме диалога между двумя участниками хоровода, от лица которого исполняется припев (см. вариант этой песни в сборнике Соколовых, № 380, с припевом «Вот калина, вот малина»). Каждые две строчки песни повторяются,

а припев подчёркивает шуточное содержание. Авторы песни несомненно девушки, так как песня высмеивает молодых, а в некоторых вариантах и старух.

№ 53. Уж ты, Ванюшка-Иван

Записал М. Б. Едемский в Вологодской губернии (1917—1918) (Архив Гос. Лит. Музея).

Песня отнесена собирателем к числу хороводных, в собрании Студитского 1841 года, близкий к публикуемому варианту помещён в разделе плясовых; в собрании Пальчикова, № 112, песня обозначена как «скорая».

Песня в большей части опубликованных её вариантов состоит из двух частей: запева, содержащего укоризну запившему Ване, и песни о том, как загорелась слобода по вине молодки. Песня в ряде бытовых деталей (женщина ждёт, чтоб устоялась вода, которую замутили гуси, медленно поднимается с вёдрами на крутую гору; стоя на горе, задумывается) даёт реальное обоснование происшедшему. Вместе с тем все эти действия могут быть разыграны в хороводе.

Публикации песни встречаются уже в песенниках XVIII века. В XIX—XX вв. варианты её записаны в Вологодской, Олонецкой, Самарской, Уфимской губерниях (см. Соб., т. II, № 493, т. IV, №№ 102—104; Сок., № 415, с. 423; текст с нотами — в сборниках Вильбоа, № 83, Пальчикова, № 112).

№ 54. Донские девушки гулевые были...

Записала участница Ленинградской экспедиции 1950 года А. Г. Кудышкина в посёлке Устье Усть-Кубинского района Вологодской области от кружевницы А. В. Басковой, 73 лет (Архив Пушкинского дома АН СССР).

Песня хороводная, игровая. Сюжет даёт широкие возможности для игрового её воплощения. Песня состоит из двух бытовых сцен: первая — девушки теряют, а парни находят ленты — разыгрывалась, по видимому, двумя группами участников хоровода; вторая — отдельными лицами (барин Бердяев, Киевна, дворовый Вася). В этой части дан яркий образ щёголя-дворового, которого девушка предпочитает барину.

По своей композиционной законченности, драматической выразительности и конкретным деталям (имена действующих лиц и пр.) публикуемый текст является исключительным образцом песни на тему о выборе жениха.

№ 55. Не пора ли, не пора

Записал М. Б. Едемский в Тотемском уезде Вологодской губернии, в д. Салтыковской в 1924 году (Архив Гос. Лит. Музея).

Хороводная игровая песня. Близкий к нашему текст записан в Белозерском уезде (Сок., № 386). Иногда соединяется с известной песней «Во саду ли, в огороде» (см., например, Шейн, № 422 — Новгородская губ. и № 424 — Ярославская губ.).

№ 56. Собирались молодчики на единое собраньице...

Записали участники экспедиции МГУ А. Фролов и И. Фетисов в д. Крутец Грязовецкого района Вологодской области в январе 1954 года от Е. А. Роговой, 71 года. Эту песню Е. А. Рогова слышала ещё в детстве. Другие старушки-кружевницы, прослушав песню, сказали,

что такой не помнят: «она очень старинная». Песня плясовая, «раньше-то гармошек не было, плясали под песню», — говорит исполнительница. Поведение «козы» изобличает плясовой характер песни.

Ой, пошла коза вдоль улицы гулять,
Правой ноженькой натопывает,
Левой рученькой намахивает...
... Подошла она к домушке под окно,
Она щёлкнула копытцем о бревно...

В сборнике Соколовых «Белозерские песни и сказки» близкий вариант этой песни опубликован в разделе «Низшие эпические песни» (№ 63, с. 330).

№ 57. У моего любимого да кудри подвитые...

Записали участницы экспедиции МГУ Л. Землянова, Н. Панкратова и Н. Савушкина в д. Нефедово, в колхозе «Путь к коммунизму» Чёбсарского района Вологодской области летом 1953 года от А. М. Соколовой.

Плясовая песня.

№ 58. Уж так ты, мать, моя маменька...

Записали участники экспедиции МГУ Н. Савушкина, Ю. Смирнов и А. Филатов в д. Олсуфьево Грязовецкого района Вологодской области, зимой 1954 года, от учительницы А. А. Рассмагиной, 58 лет.

А. А. Рассмагина 40 лет учительствует в Вологодской области, сначала в Лежском, потом в Грязовецком районах. Песни слышала от матери. До войны занималась собиранием фольклора Вологодской области.

Широко известная плясовая песня, встречающаяся уже в рукописях и печатных песенниках XVIII века (записи XIX—XX веков см. Соб., т. VII, №№ 39—44; Шейн, №№ 587—589).

Песня имеет продолжение: во второй её части поклонникам девушки из разных социальных слоёв (поп, дьячок, пономарь, купец, дворянин) противопоставляется крестьянский сын, которому, несмотря на его бедность, девушка отдаёт предпочтение:

Полюбил меня крестьянин молодой,
Посулил мне сноп соломы аржаной,
Мне соломки-то не хочется,
Полюбить его хочется.

(Шейн, № 587)

№ 59. Всю куделюшку припряла...

Записала А. Вещурмб в дер. Скалино в Грязовецком уезде Вологодской губернии в 1920-х годах (Архив Гос. Лит. Музея).

Песня плясовая. Близкий вариант опубликован в сборнике Соколовых, № 406, в разделе хороводных плясовых песен.

Тот же сюжет — тайное свидание с милым, впущенным в окно избы под видом кошки, — встречается в хороводной песне «Уж мне надобно сходить до зелёна луга» (см. Соб., т. IV, №№ 477—479. Истомин и Ляпунов, с. 150, № 7, с нотами).

Почти все указанные варианты записаны в Вологодской губернии.

Песня отразила в своём содержании одну из бытовых особенностей в отношениях молодёжи дореволюционной вологодской деревни (см., например, воспоминания, опубликованные М. Б. Едемским в статье «Вечерование и городки в Кокшеньге Тотемского уезда», «Живая старина», 1905, в. 3—4, с. 459).

№ 60. Я на камешек ступила...

Записал М. Б. Едемский в Вологодской губернии в 1924 году (Архив Гос. Лит. Музея). Плясовая песня.

№ 61. Ой ты, луговка...

Записал М. Б. Едемский в д. Останенской Тотемского уезда Вологодской губернии в 1917—1918 гг. от А. С. Макаровой.

Старинная хороводная плясовая песня. Известны её публикации уже в XVII веке (см. Прач, 1790, с. 83; записи XIX—XX веков см. Соб., т. III. №№ 182—184; Н. Иваницкий, № 22, с. 224; Сок., № 420, № 425).

В песне развивается тема семейная: сговорённая девушка дорожит последними часами сна в родной семье — впереди её ожидает безрадостная жизнь в чужой деревне, в большой и людной семье.

В ряде вариантов этой песни передаётся бытовая обстановка в крестьянской семье после сговора, встаёт образ отца — неограниченного хозяина девичьей судьбы в патриархальной семье.

Давняя принадлежность этой песни к хороводным, плясовым изображается образами скоморохов:

«Там шли-пошли скоморошки...».

(Соб., т. III, № 184). В других — «люди весёлые», гусяры, студенты, «школярики», играющие на гудочках.

№ 62. Выдавали молоду...

Записали участники экспедиции МГУ И. Г. Фетисов и А. А. Фролов в Грязовецком районе Вологодской области зимой 1954 года от кружевницы М. А. Сотниковой, 64 лет.

М. А. Сотникова знает много песен, хорошо их помнит, охотно помогала собирателям уточнять тексты.

№ 63. Во поле берёзонька стояла...

Записал М. Б. Едемский в д. Антипино Тотемского уезда Вологодской губернии в 1924 году от А. М. Коптяевой (Архив Гос. Лит. Музея).

Широко популярная плясовая песня. Встречается в песенниках конца XVIII и начала XIX веков и в собраниях русских народных песен.

Напис песни использован Чайковским в Четвёртой симфонии и Балакиревым в «Увертюре на тему русских песен».

№ 64. Баба на печи сидела...

Записал А. А. Шустиков в д. Хмылицы Кадниковского уезда Вологодской губернии от крестьянина Чернышева.

Шуточная песня.

№ 65. Из-за озера кума в решете плыла...

Записали участники экспедиции МГУ в Грязовецком районе Вологодской области зимой 1954 года от П. И. Шевелёвой.

Шуточная песня, близкая по своему содержанию к небылице.

№ 66. Вздумалось Кате в гости в деревеньку...

Записал М. Б. Едемский в Тотемском уезде Вологодской губернии от А. М. Коптяевой в 1924 году (Архив Гос. Лит. Музея).

Шуточная песня о ленивой и неумелой хозяйке — образ популярный в народной песне и бытовой сказке.

№ 67. Очапы скрипят, журавы говорят...

Записал М. Б. Едемский в Тотемском уезде Вологодской губернии в 1924 году (Архив Гос. Лит. Музея).

Шуточная песня-скоморошина об «усах» — «разбойничках», посетивших дом зажиточного крестьянина.

Публикации этой песни известны уже в XVIII веке в собрании Кириши Данилова (№ 58), в песеннике Чулкова — Новикова (1780 г., ч. III, с. 198). (См. Соб., т. VI, №№ 454—457).

ПЕСНИ ДЕТСКИЕ ИГРОВЫЕ

№ 68. Уточка моховая

Записали участницы экспедиции МГУ И. и Н. Ведерниковы, Л. Землянова и Н. Панкратова в Чёбарском районе Вологодской области летом 1953 года от О. С. Сокоушичевой.

№ 69. Ой, идём-ка, Машенька...

Записали участницы экспедиции МГУ И. и Н. Ведерниковы, Л. Землянова и Н. Панкратова в д. Копылово Чёбарского района Вологодской области в 1953 году от А. П. Гришичевой.

Игровая шуточная детская песня.

№ 70. У дедушки Трифона...

Записали участники экспедиции МГУ А. Фролов и И. Фетисов в д. Крутец Грязовецкого района Вологодской области зимой 1954 года от А. Карташёвой, А. Киселёвой и Е. Мамухиной.

Игровая, преимущественно детская песня. Играющие, взявшись за руки, образуют круг, в середине которого стоит один из играющих — «Трифон». Водят хоровод и поют. Под конец песни «Трифон» быстро принимает какое-нибудь положение, которое должны повторить играющие. Опоздавший становится «Трифоном».

№ 71. Тень, тень, потетень...

Записали участники экспедиции МГУ А. Фролов и И. Фетисов зимой 1954 года в д. Крутец Грязовецкого района Вологодской области от А. Карташёвой, А. Киселёвой и Е. Мамухиной.

Детская песенка, принадлежащая к числу цепевидных (см. комментарий к сказке № 1). Исполняется и с другим концом.

— Где мужья?
— Все примерли.
Были палки,
Растаскали галки.
Был пепелок,
Раздул ветерок.

(См. Шейн, №№ 123—128; 90—98).

№ 72. Жил тутو жилец...

(См. комментарий к песне «Уточка моховая», № 68).

КАДРИЛЬНЫЕ ПЕСНИ

№ 73—93

Записала А. Вецрумб в д. Скалино Грязовецкого уезда Вологодской губернии в 1920-х годах (Архив Гос. Лит. Музея).

Кадрильные песни, преимущественно частушечного характера, записаны также экспедицией МГУ в колхозе «Аврора» Грязовецкого района Вологодской области летом 1953 года.

Песни эти поют под кадрили — танец из шести номеров и более, исполняемых в разных темпах и разных размерах.

В кадрили входят песни обычно короткие и разнообразные по характеру и содержанию. В публикуемых кадрильных песнях наряду с типичной плясовой (№ 83, № 84) и хороводной (№ 90, № 93) песнями, встречаются частушечные подборки (№ 109) и небольшие лирические песни (№ 106).

Кадриль вместе с другими городскими танцами во многих местах пришла на смену хороводам, «городкам». М. Б. Едемский в своей статье 1905 года отмечает, что в Вологодской губернии вместо «городков» «нынешней зимой уже в деревнях «гуляли кадрили».

Кадриль под песни до сих пор пользуется широкой популярностью. В архиве Всес. Дома Народного Творчества им. Н. К. Крупской, в библиотеке народного творчества Московской консерватории хранятся записи текстов и напевов кадрильных песен, собранных за последние годы в разных областях Союза.

СВАДЕБНЫЕ ПЕСНИ

№ 94. Ох ты мнечушки тошнѣхонько...

Записали участники экспедиции МИФЛИ и ГЛМ в д. Тереховой-Малаховой Бабаевского района Вологодской области в 1938 году (Архив Гос. Лит. Музея).

Причитание невесты.

Близкий вариант свадебного причета см. в статье Балова «О свадебных обычаях в с. Корбаиге Вологодской губернии». «Живая старина», 1894, в. I, стр. 98.

№ 95. Бог судья, мои родители...

Записали участники Белозерской экспедиции МИФЛИ в дер. Чижово Вологодской области в 1937 году (Архив Гос. Лит. Музея).

Причитание невесты, с которым она обращается к родителям после отъезда сватов.

№ 96. Уж как свату перелестнику...

Записала А. А. Ведрумб в д. Скалино Грязовецкого уезда Вологодской губернии (Архив Гос. Лит. Музея).

Песня невестиных подруг свату.

№ 97. Приходила сваха-сводница...

Записала А. А. Ведрумб в д. Скалино Грязовецкого уезда Вологодской губернии в 1920-х годах.

Песня невестиных подруг свахе.

Интересный вариант этой свадебной песни находится в сборнике Малевинского ¹⁾: лебедушка и сокол, пролетевшие над невестой, роняют каждый «скорописчатые грамотки», в которых даны резко противоположные характеристики «чужой дальней стороны».

№ 98. Раскачалась вербушка

Записала участница Ленинградской экспедиции 1950 года А. Г. Кудышкина в поселке Устье Усть-Кубинского района.

№ 99. Вы, народ да люди добрые...

Записали участники Белозерской экспедиции МИФЛИ в Кирилловском районе Вологодской области в 1937 году (Архив Гос. Лит. Музея).

Причет невесты, когда приближается поезд жениха.

№ 100. Пропили молодёшеньку...

Записали участники экспедиции МГУ в колхозе «Аврора» Грязовецкого района Вологодской области зимой 1954 года от А. Н. Рыбиной.

Причет невесты, поётся, когда приезжает жених.

№ 101. Испугалась молода, испугалась зелена...

Записали участники экспедиции МГУ в колхозе «Аврора» Грязовецкого района Вологодской области зимой 1954 г. Причёт подруг невесты при приближении женихова поезда.

№ 102. Раскачалась верёюшка...

Записал М. Б. Едемский в д. Останечская Тотемского уезда Вологодской губернии в 1918 г. от А. С. Макарова (Архив Гос. Лит. Музея).

Широко известная свадебная песня, исполнявшаяся по приезде женихова поезда.

№ 103. Вы цветы ли, наши цветики...

Записала А. А. Ведрумб в Грязовецком уезде Вологодской губернии (Архив Гос. Лит. Музея).

Песня подруг невесты.

¹⁾ Ф. Малевинский. «Народные песни Тотемского уезда Вологодской губернии», Вологда, 1912.

№ 104. Ты не гнишь, не гнишь, половочка...

Записали участники Белозерской экспедиции МИФЛИ и ГЛМ Б. И. Богомолов и В. М. Сидельников в Белозерском р-не Вологодской обл. в 1937 г. от А. Ф. Козловой (Архив Гос. Лит. Музея).

Причёт невесты, исполняемый на девичнике.

№ 105. Я сижу да призадумалась...

Записала А. А. Ведрумб в Грязовецком уезде Вологодской губернии (Архив Гос. Лит. Музея).

Причёт невесты при традиционном расплетении косы.

№ 106. Вам спасибо-то, подруженьки...

Записали участники экспедиции МГУ в д. Федянькино колхоза «Аврора» Грязовецкого района Вологодской области зимой 1954 года от П. И. Шевелевой, 49 лет.

Свадебная песня; исполняется, когда невесту наряжают в «дивью красоту».

№ 107. Темны ночки притемнились...

Записали в д. Сошково Кирилловского района Вологодской области от Н. Н. Паничевой. Свадебная песня подруг невесте-сироте.

№ 108. Ты последний раз с нами прощаешься...

Записали участники экспедиции МГУ Л. Бутелькина, В. Шершавицкая и А. Филатов в Грязовецком районе Вологодской области зимой 1954 года.

Исполняется на девичнике перед «весёлым столом».

№ 109. Раздайся, народ, дивья красота идёт...

Записали участники экспедиции МГУ в Грязовецком районе Вологодской области зимой 1954 года от А. Киселёвой, Е. Карташёвой и А. Мамухиной.

№ 110. Не от ветру, не от вихорю...

Записали участники экспедиции МГУ Л. Землянова, Н. и И. Ведерниковы, Н. Панкратора в колхозе «Красный луч» Пришекснинского района Вологодской области летом 1953 года от А. М. Новожиловой.

Свадебная песня, исполняемая на девичнике.

№ 111. Из-за лесу, лесу тёмного...

Записали участницы экспедиции МГУ Л. Землянова, Н. Панкратора, Н. Савушкина в д. Нефёдово Чёбарского района Вологодской области от А. М. Соколовой, 63 лет.

Широко известная свадебная песня.

№ 112. Что чоботу, да, сударь, чоботу...

Записали участники Белозерской экспедиции МИФЛИ и ГЛМ Е. Похмелкина и В. Сидельников в д. Чулково Белозерского района Вологодской области в 1937 году от Е. Ф. Прониной (Архив Гос. Лит. Музея).

Свадебная песня.

№ 113. Побудит меня, молодёшеньку...

Записали участники экспедиции МГУ Е. Попова и А. Фролов в колхозе «Аврора» Грязовецкого района Вологодской области зимой 1954 года от М. А. Кулаковой, 54 лет.

Песня, которую мать поёт невесте в предсвадебную ночь.

№ 114. В нашем огороде уродилась мята...

Записала А. А. Ведрумб в д. Скалино Грязовецкого уезда Вологодской губернии в 1920-е годы (Архив Гос. Лит. Музея).

Величальная песня невестиних подруг жениху.

№ 115. У Ивана-то хоромы высоки...

Записал участник Белозерской экспедиции МИФЛИ и ГЛМ Г. И. Терентьев в селе Старо-Никитском Белозерского района Вологодской области в 1937 году от А. Смирновой (Архив Гос. Лит. Музея).

Свадебная песня.

№ 116. Что у месяца рога золоты...

Записали участники Белозерской экспедиции МИФЛИ и ГЛМ Е. Похмёлкина и Н. Чуканов в с. Каргулино Белозерского района Вологодской области в 1937 году от М. Е. Рюминой (Архив Гос. Лит. Музея).

Свадебная песня, «поют дружки в вечеринку».

№ 117. Уж как Марьюшку подружку...

Записала А. А. Ведрумб в Грязовецком уезде Вологодской губернии в 1920-х годах (Архив Гос. Лит. Музея). Поётся невесте...

№ 118. Ельник, березник — то ли не дрова?..

Записали участники Белозерской экспедиции МИФЛИ и ГЛМ Е. Похмелкина и Н. Чуканов в с. Каргулино Белозерского района Вологодской области в 1937 году от М. Е. Рюминой.

Свадебная песня.

№ 119. Уж вы, бояре, бояре, соколы вы залётные...

Записала А. А. Ведрумб в Грязовецком уезде Вологодской губ. (Архив Гос. Лит. Музея).

Песня подруг невесты сватам.

№ 120. Как на дружке-то кафтан...

Записала А. А. Ведрумб в Грязовецком уезде Вологодской губернии в 1920 г. (Архив Гос. Лит. Музея).

Песня подруг невесты дружке.

№ 121. Что не ель да в избу клонится...

Записала А. А. Ведрумб в Грязовецком уезде Вологодской губернии (Архив Гос. Лит. Музея).

Песня подруг невесты дружке и поезжанам.

№ 122. Что не ворон в поле каркает...

Записала А. А. Ведрумб в Грязовецком районе Вологодской области (Архив Гос. Лит. Музея).

Песня подруг невесты для каждого поезжанина в отдельности.

№ 123. Ай, на нашей сторонке...

Записала участница Ленинградской экспедиции А. Г. Кудышкина в посёлке Кубинка Усть-Кубинского района Вологодской области в 1950 году от кружевницы А. В. Басковой, 73 лет.

Широко известная свадебная песня.

№ 124. «Где ты, зайчика, был...

Записали участники экспедиции МГУ в д. Славянки Чёбсарского района Вологодской области в 1953 году от М. П. Груздевой.

Широко популярная игровая песня, известная также как свадебная.

№ 125. Светит месяц по роще...

Записал участник Белозерской экспедиции МИФЛИ и ГЛМ Г. И. Терентьев в с. Каргулино Белозерского района Вологодской области в 1937 году от Кузнецовой. (Архив Гос. Лит. Музея).

Песню поют молодым на другой день после свадьбы во время их посещения родителей невесты.

№ 125-а. Похоронный причёт

Записано в Кадуйском районе Вологодской обл. от П. П. Сычёва.

Похоронное причитание по мужу, связанное с обрядом проводов души на «Забить-реку». В 12 часов дня провожающие выходили на улицу, взяв с собой икону, кутью и пряженики. Вдова произносила последний прощальный причёт, которым заканчивался весь круг обрядовых действий, связанный с этими проводами.

Обряд проводов на «Забить-реку» так же, как и самый образ «Забить-реки» не встречается ни в одном из сборников причитаний. Образ «Забить-реки» напоминает реку Лету древнегреческой мифологии.

ЛИРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

№ 126. Заблудилась красавица в лесу...

Записал М. Б. Едемский в дер. Салтыковской Тотемского уезда Вологодской губернии в 1924 году (Архив Гос. Лит. Музея).

Исполнялась как посиделочная, иногда и на свадьбах (см. её свадебную символику: перевоз через реку — брак). Пользовалась широким распространением, известны варианты, записанные в Вологодской, Новгородской, Пермской, Тамбовской, Астраханской губерниях (см. Ссб., т. II, №№ 205—214; Сок., № 477).

Печатные тексты её встречаются уже в песенниках XVIII века.

№ 127. Не дуйте-тко, ветрочки...

Записал М. Б. Едемский в Вологодской губернии в 1917—1918 годах (Архив Гос. Лит. Музея).

Протяжная песня, известная в многочисленных вариантах в записях, сделанных в разных областях. Печаталась в песенниках XVIII

века и в сборниках XIX—XX веков (см. Соб., т. V, №№ 656—660; начало — №№ 97—100).

Текст песни с нотами — Истомин и Ляпунов, № 11.

№ 128. Недозрелая-то калинушка...

Записали участницы экспедиции МГУ В. Беленицкая и В. Шершавицкая в колхозе «Путь Ленина» села Сизьма Чёбарского района Вологодской области от С. В. Потопаевой, 65 лет.

От Потопаевой записано много поэтических частушек, песен и художественный рассказ о том, как её насильно выдавали замуж.

Варианты публикуемой песни см. Кир., Нов. с. II, № 1771. Сок., № 523. Песни Пинежья, № 1, комментарий с. 337—378.

№ 129. Меня отдали, молодёшеньку...

Записали участники экспедиции МИФЛИ и ГЛМ в Белозерском районе Вологодской области в 1937 году от С. Медведевой (Архив Гос. Лит. Музея).

№ 130. Не буди-ко, маменька...

Записали участники экспедиции МГУ Н. Савушкина, В. Шершавицкая, Л. Шведова, Р. Щедрин в селе Щетинском Мяксинского района Вологодской области от сельского хора.

№ 131. Не по морюшку лебёдушка плывёт

Записала А. Ведрумб в д. Скалино Грязовецкого уезда Вологодской губернии (Архив Гос. Лит. Музея).

№ 132. Выдал меня батюшка в неизвестную семью...

Записали участники экспедиции МГУ Н. Савушкина, Ю. Смирнов, А. Филатов зимой 1954 года в д. Олсуфьево Грязовецкого района Вологодской области от учительницы Ариадны Алексеевны Рассмагиной.

Публикуемую песню она слышала от своей матери в Лежском районе. Очень близкую к публикуемой песне записал М. Б. Едемский в д. Салтыковской Тотемского уезда Вологодской губернии в 1924 году. См. также текст этой песни с нотной записью у Иваницкого, № 14, с. 223, и приложение, № 14, с. 3.

№ 133. Посидите, да посидите, красны девушки...

Записал М. Б. Едемский в д. Антипино Тотемского уезда Вологодской губернии в 1924 году от Ф. Д. Русанова (Архив Гос. Лит. Музея).

№ 134. Погонила я корову на реку...

Записал М. Б. Едемский в д. Харитонихе Тотемского уезда Вологодской губернии в 1924 году от П. И. Попова (Архив Гос. Лит. Музея).

№ 135. Лучина моя, лучинушка...

Записал участник экспедиции МИФЛИ и ГЛМ Б. Богомолов в 1937 году от М. Е. Рюминой (Архив Гос. Лит. Музея).

№№ 135—139 — традиционные семейные песни, отразившие в своём содержании тяжёлое подневольное положение женщин в патриархальной крестьянской семье.

№ 136. Весел-то я, весел сегодняшний день...

Записал М. Б. Едемский в д. Митино Тотемского уезда Вологодской губернии в 1924 году от В. Н. Вячеславова (Архив Гос. Лит. Музея).

Настоящий текст — начало лирической любовной песни, публикации которой известны уже в песенниках конца XVIII века (См. Соб., т. V, №№ 617—623).

№ 137. Комарочки, комары...

Записали участники экспедиции МГУ Л. Землянова, Н. и И. Ведерниковы, Н. Панкратова в с. Копылово Чебсарского района Вологодской области в 1953 году от А. Н. Гришичевой.

Любовная песня, публикации которой встречаются уже в песенниках конца XVIII века. В Вологодской губернии записана в 1840—1880 годах (см. Студитский, 1841, с. 61; Вологодский сборник, в. IV, 1885, с. 409).

Очень близкий к публикуемому вариант записали в 1908 году Сокولاتовы (см. Сок., № 534, с. 461). Подробный комментарий к этому песенному сюжету см. «Песни Пинежья». № 12, стр. 393—395.

№ 138. Из лучей, лучей туманчик выпадал...

Записал М. Б. Едемский в д. Антипино Тотемского уезда Вологодской губернии в 1924 году от Л. С. Коптяевой (Архив Гос. Лит. Музея).

№ 139. Под лесом-лесочком...

Записал участник экспедиции МИФЛИ и ГЛМ в Белозерье Г. И. Терентьев в г. Кириллове Вологодской области от Н. Захаровой в 1937 году (Архив Гос. Лит. Музея).

По словам исполнительницы, она слышала эту песню от прабабушки 106 лет.

Любовная песня в духе пасторали. Близкий вариант её использован Н. А. Римским-Корсаковым в опере «Снегурочка» (вторая песня Леля «Как за лесом лес шумит»). (См. Сок., № 478, № 479).

№ 140. Ах, Танюша, Танюша

Записала А. Ведрумб в д. Скалино Грязовецкого уезда Вологодской губернии в 1920-х годах (Архив Гос. Лит. Музея).

№ 141. Стало не с кем попить, погулять...

Записал М. Б. Едемский в д. Антипино Тотемского уезда Вологодской губернии в 1924 году от Ф. Д. Русакова (Архив Гос. Лит. Музея).

Лирическая песня, издавна широко известная (см. записи её вариантов, опубликованные в сборнике Чулкова, ч. III, № 110; Соб., т. II, № 54. Кир. Н. с., № 1126, Вологодск. сб., т. IV, с. 71 и др.).

№ 142. На улице дождичек, во поле туман...

Записала А. Вещрумб в д. Скалино Грязовецкого уезда Вологодской губернии в 1920-х годах (Архив Гос. Лит. Музея).

№ 143. Не ходил бы, не гулял бы...

Записал Г. Терентьев в с. Каргулино от П. Д. Мурашевой.

№ 144. Что за год-от такой, да за народ лихой...

Записал М. Б. Едемский в д. Салтыковской Тотемского уезда Вологодской губернии в 1924 году (Архив Гос. Лит. Музея).

Лирическая протяжная песня о разлуке с милым. Песня встречается в песенниках и рукописных сборниках XVIII века, в сборниках XIX века — в записях Вологодской, Архангельской, Тульской, Псковской, Казанской губерниях (см. Соб., т. V, №№ 216—223, т. VI, №№ 92—97; Сок., № 442).

Ближе к публикуемому — тексты, записанные в Вологодской губернии (Вологодский сборник, т. IV, стр. 377; Соб., т. V, № 221, а также Сок., № 442 — первая половина песни — с. 503—504).

В вариантах более поздней записи девушка провожает милого:

«За три города за фабричные...» (Сок., № 503).

Географические названия (Любимово, Данилово, Ярославская застава, указывают на длительное бытование песни в определённом уезде Вологодской губернии.

№ 145. Мил за травой во чистом поле, за муравой...

Записал М. Б. Едемский в д. Харитонихе Тотемского уезда Вологодской губернии в 1924 году (Архив Гос. Лит. Музея).

№ 146. Возле речки, возле мостик

Записал Б. И. Богомолов, участник Белозерской экспедиции МИФЛИ и ГЛМ летом 1937 года, в с. Каргулино Белозерского района Вологодской области от А. А. Рожиной.

Любовная лирическая песня, протяжная по своему исполнению, издавна широко распространённая. Её находим в песенниках и сборниках песен XVIII—XIX веков (см. Соб., т. V, №№ 637—643). Близкий к публикуемому вариант записан в Вологодской губернии в 1830-х годах Ф. Студитским. В собрании Вильбоа имеется запись этой песни с нотами.

В песне раскрыт сложный образ лирической героини, с большим мастерством переданы все оттенки переживаний обманутой девушки, у которой милый задумал жениться на другой.

№ 146-а. Вечерняя-то заря да потухать стала...

Записал М. Б. Едемский в д. Антипино Тотемского уезда Вологодской губернии в 1924 году от Ф. Д. Русанова (Архив Гос. Лит. Музея).

(Очень отдалённо — Соб., т. V, №№ 203—214; Сок., № 489).

Песня восходит, повидимому, к широко распространённой народной лирической песне, известной во второй половине XIX века в репертуаре цыганских хоров под названием «Заря» или «Не вечерняя».

(Лопатин и Прокунин, стр. 98-110; «Песни Пинежья», № 28, с. 412—415).

Публикуемая песня, сохраняя запев «Зари» — наступление вечера, напоминает о наступившем часе отъезда, — значительно отличается по своему содержанию и образу лирического героя.

Это не крестьянин, которому «вечерняя зоренька с поля убраться не дала» (Соб., т. V, № 204), не охотник, которому пора «с поля ехати домой» (Соб., т. V, № 210), не «раздобренький молодец», быть может, солдат, которому пришло время покинуть постой, «со квартирушки долой» (Соб., т. V, № 203). Лирический герой публикуемой песни — один из «добрых молодцев», засидевшихся до восхода солнца в кабаке — «кружке-лужке¹⁾ государевом» и не знающих, где найти себе приют («куды мотѣмся, во которую да во сторонушку»).

Содержание песни «Не вечерняя» — прощание с милой, иногда жалоба, от лица девушки, на милого, забывшего с нею проститься.

Герой песни отвергает предложение возлюбленной провести эту последнюю ночь в её доме, так как боится не только её семьи, но и её самой.

Заключительные строки песни, в которых звучит опасение быть выданным, находятся в полном соответствии с характеристикой лирического героя первой части песни и дают основание предполагать, что мы имеем дело с самостоятельной, разбойничьей песней.

Публикация данной песни не обнаружено.

№ 147. Вечор был я на почтовом на дворе...

Записали участники экспедиции МИФЛИ и ГЛМ в Белозерье Е. Похмелкина и Н. Чуканов в с. Каргулино Белозерского района Вологодской области в 1937 году от М. Е. Рюминой.

Очень близкий вариант обнаружен Ф. Студитским в 1841 году, с. 96 (см. Соб., т. VI, № 147).

№ 148. Молодость ли, ты, моя молодость...

Записал М. Б. Едемский в д. Антипино Тотемского уезда Вологодской губернии в 1924 году от Ф. Д. Русанова (Архив Гос. Лит. Музея).

Запев с обращением к быстро минувшей молодости широко распространён в народных песнях, семейных по своему содержанию, чаще всего женских. С воспоминанием о молодости в этих песнях связывается мысль об уюте в родной семье, о милом. В мужских вариантах этой песни неизменно встаёт образ худой, постылой, «некорыстной» жены. В собрании Киреевского опубликована подобная песня в записи А. С. Пушкина (см. Кир., Н. серия, в. II, ч. 2. № 2549, кроме того, см. Соб., т. VI, № 75 (отдалённо); т. III, № 424, № 425; Песни Пинежья, № 44, комментарий см. на с. 430—431).

№ 149. Не ржавчинка, не осотинка травку съедает...

Записал М. Б. Едемский в д. Антипино Тотемского уезда Вологодской губернии в 1924 году от Ф. Д. Русанова (Архив Гос. Лит. Музея).

¹⁾ «Кружке-лужке», очевидно, искажение «кружалушке государевом».

№ 150. За Кубанью за рекой...

Записал М. Б. Едемский в д. Харитонихе Тотемского уезда Вологодской губернии в 1924 году от П. И. Попова (Архив Гос. Лит. Музея).

Широко известная в прошлом песня о гибели казака от раны на чужой стороне. (См. Соб., т. VI, № 309, 310; Киреевский, т. X, № 10, с. 95; Сок., № 609, с. 481).

Вариант этой песни записан экспедицией МГУ в г. Благовещенске Башкирской АССР, в 1948 году.

№ 151. Запой, моё сердечушко...

Записал М. Б. Едемский в Тотемском уезде Вологодской губернии в д. Ярковской от В. В. Сажинной; в д. Коптяевой горе от Н. И. Угрюмовой; в д. Шабанихе от Л. Ф. Кузнецовой в 1924 году (Архив Гос. Лит. Музея).

№ 152. Да ночешнюю ноченьку мне малёшенько спалось...

Записал М. Б. Едемский в д. Антипино Тотемского уезда Вологодской губернии в 1924 году от Ф. Д. Русанова (Архив Гос. Лит. Музея).

Близкие к публикуемому варианты имеются в Вологодском сборнике (т. IV, с. 55), в сборнике Якушкина (1884, с. 556). (Соб., т. VI, № 27, № 28).

№ 153. Не у купчика было, не у барина...

Записали участницы экспедиции МГУ В. Белевицкая и В. Шершавицкая в колхозе «Путь Ленина», д. Дураково Чёбарского района Вологодской области, летом 1953 года от А. К. Шотопаевой, 47 лет.

Лирическая песня о рекрутчине. Близкие варианты записаны в XIX веке в Вологодской, Оренбургской и Самарской губерниях (Соб., т. VI, №№ 82—86).

№ 154. Полно ветру бушеваться...

Записал участник экспедиции МИФЛИ и ГЛМ В. М. Сидельников в 1937 году в д. Черноморской Белозерского района от П. Н. Сальникова (Архив Гос. Лит. Музея).

(См. Истомин и Ляпунов, № 39, с нотами, записано в Тотемском уезде Вологодской губернии в 1893 году).

№ 155. Полно нам, ребята, тоску-горе горевать...

Записали участники экспедиции МИФЛИ и ГЛМ в Белозерском районе Вологодской области в 1937 году (Архив Гос. Лит. Музея). Старинная солдатская песня.

№ 156. Бежит речка по песку...

Записал М. Б. Едемский в д. Антипино Тотемского уезда Вологодской губернии в 1924 году от А. М. Коптяевой (Архив Гос. Лит. Музея).

Фабричная песня. Известна с 1880—1890-х годов. (Соб., т. VI, №№ 556—559). (№ 558 — очень близка публикуемой).

ЧАСТУШКИ

ЛЮБОВНЫЕ ЧАСТУШКИ

Любовная лирика преобладает в творчестве как дореволюционной, так и советской деревни. Старые любовные частушки активно живут в наши дни, удовлетворяя современного исполнителя и слушателя идейно и эстетически. Исполнители обычно не делают разницы между традиционной и современной любовной частушкой. Любовная частушка, как и весь фольклор, непосредственно связана с жизнью, рождается в самой её гуще. Поэтому она особенно глубоко и полно раскрывает самые интимные чувства её создателей и исполнителей, остро выявляет все жизненные конфликты и противоречия (несчастливая любовь, соперничество, измена). В содержании частушки выступает и обстановка её бытования, порождающая определённые приёмы построения (диалог подруг, обращение к милому, гармонисту, сопернице и т. д.).

Любовная частушка необычайно разнообразна по своей тематике и выразительным средствам, но, вместе с тем, мы легко можем увидеть в ней традиционные, устойчивые, глубоко типические образы её главных героев: девушки, её милого, подружки, гармониста, соперницы.

В создании своих образов частушка использует определённые художественные приёмы типизации. Так внешность девушки или парня создаётся обычно при помощи одной какой-нибудь устойчивой детали: глаза — серые, весёлые, брови чёрные.

Высокие моральные качества обобщаются в понятии «совесть».

Такая устойчивость приводит к тому, что нередко в частушках внешность и качество героя не называются, а определяются словами «красота» и «характер».

Любовная частушка для выражения глубокопоэтических чувств использует образы и сравнения, взятые из окружающей природы. Они принадлежат к традиционной поэтике народной песни и частушки, где распространённым приёмом построения является так называемый параллелизм. Ярким примером этого в любовной частушке является образ белой берёзки — молодой девушки (иногда милого), символизирующей также молодое, чистое чувство.

Определённый круг образов раскрывает тему несчастной любви и измены. Запутанная трава, например, передаёт состояние неопределённости, сомнения, безнадёжности; пожелтая трава — горечь измены. Образ тонкого льда — неустойчивость, непрочность отношений.

Часто встречается в любовной частушке образ песка (иногда пыли), передающего настроение скуки, тоски, даже какой-то душевной отупелости.

В вологодской любовной частушке мы встречаем образы, характерные именно для природы северных областей (Архангельской, Вологодской). Так, очень распространён образ вересиночки, вересового кустика.

Ту же местную специфику находим в образах зелёной ёлочки, холодного буйного северного ветра.

Ветер и река обычно выступают как олицетворения в традиционной русской песне и частушке. К ним обращается девушка с вопросами, с просьбой вернуть милого и т. д.

В любовной частушке мы находим образы и развёрнутые сравнения, параллелизмы, связанные с жизнью и бытом деревни, крестьянским трудом, ещё раз подтверждающие правильность положения о свя-

зи фольклора с трудовой деятельностью. Очень распространён в вологодской частушке образ коня, «Кáрюшка», как его ласково называют в частушке, верного помощника крестьянина.

Интересно, что образ коня часто используется в поэтическом параллелизме частушек, посвящённых самым тонким любовным переживаниям.

В ряде частушек мысли, настроения и переживания героев передаются при помощи картин косьбы, пахоты, сева, жатвы и т. д. Картины косьбы особенно характерны для вологодской традиционной песни и частушки. Новыми параллелизмами, созданными по типу старых (косьба, жатва), являются сопоставления переживаний героини с картиной пахоты трактором. Эпитет каменистое поле ассоциируется здесь с трудным, своеобразным характером девушки.

Несколько слов об исполнителях частушек. Частушки в Вологодской области, как уже отмечалось в предисловии, знают все, от мала до велика. Отдельные исполнители выделяются своим художественным вкусом, характером, биографией. Очень много хороших старинных частушек записано от Е. Ф. Смирновой, 70 лет (колхоз «Аврора»). Это очень живая, разговорчивая, бодрая старушка, прожившая тяжёлую жизнь. Её речь очень образна. Она поразила нас тонким поэтическим вкусом, вдумчивым отношением к образности старинной частушки:

«Раньше никогда не говорили прямо (о чувствах, разговор шёл о любовной частушке), — всё через цветочки, природу».

Бойкая и жизнерадостная Л. А. Саламатина (колхоз «Аврора»), доярка на ферме, спела частушки о супостатках и рассказала:

«Вот я когда была в девках, про супостаток мы пели. Так одна девяносто штук спела по счёту. Кружево плели и пели. Раньше напротив пели, ты про меня, а я про тебя — на отбой... А теперь уж бойких не пою, меня не обижают». У Л. Ф. Шевелёвой (колхоз «Аврора»), молодой женщины с неудачной личной судьбой, преобладают частушки про разлуку и одиночество.

Мы записали частушки от подруг Поли Роговой и Лизы Пчелиной, молодых девушек (колхоз «Аврора»). Они не только пели, но и размышляли, обменивались мнениями по поводу частушек между собой и с присутствовавшими тут же родителями Лизы.

Много частушек было записано от девушек колхоза «Путь к коммунизму» А. Силкиной, Н. и А. Орловых.

СТАРАЯ ДЕРЕВНЯ

Старая частушка отражает все значительные стороны дореволюционной деревенской жизни (промыслы, экономическое расслоение, рекрутчину) и даёт определённое представление о семейном и общественном быте, обычаях, морали и этике.

Частушки о старой жизни, хранимые в памяти представителями старшего поколения, являются для нас ценнейшим культурным наследством, памятником исторического прошлого.

Непосредственная связь с трудовым процессом, характерная для фольклора вообще, выражена здесь особенно ярко. Частушки отражают специфику Вологодской области: возделывание льна, маслоделие, плетение кружев. Настроение девушки, её переживания связываются у создательницы частушки с образами окружающей действительности, с трудовой деятельностью, обработкой льна. Так, для выражения чувства первой любви, желания быть любимой использован образ цветущего голубого льна, для выражения чувства обманутой любви — растоптан-

ного под окном зелёного льна (так растоптана, обманута чистая любовь девушки, первые ростки этой любви). Состояние душевной усталости, вызванное разлукой с любимым, который «не уважает», передано показом усталости от работы, трепанья «неулсжалого» льна.

В «кружевных» частушках для раскрытия темы любви, ожиданиями милого служит картина плетения кружев.

В четырёх строках частушки вмещается огромное содержание. Тут и типическая обстановка — вологодская изба со станком и коклюшками, мелькающими в руках девушки, выплетающей сложный узор. Тут и типический характер русской девушки с её трудолюбием, ясностью мысли, потребностью любви и счастья.

Но в дореволюционной деревне мечты молодой кружевницы сбывались редко: кропотливый труд не приносил достатка, многие препятствия мешали соединиться с любимым — рекрутчина, материальное неравенство. И вот уж опостылела работа; «брошу к огородушку немилую работушку».

Художественное совершенство частушек проявляется также в необычайной сжатости и выразительности всех четырёх строк, каждая из них в лучших частушках выражает законченную мысль.

Характерным стилевым приёмом является повторение слов, обусловленное сосредоточенностью и напряжённостью мысли. Так, неотвязная мысль о милом выражена в повторении «белый лён...»: это образ милого — такого же чистого, нарядного, красивого — «форсистого» и поэтому гнушающегося девушкой.

Частушки отражают быт и развлечения молодёжи дореволюционной деревни и в то же время дают свидетельства условий их бытования. «Раньше-то с прясельками на беседы ходили», — пояснила нам спетую ею частушку А. П. Воронова, 77 лет (колхоз «Ударник»).

Образ трудолюбивой, живой и даже озорной девушки, взволнованной встречей с милым, создаётся прялочкой, которая летит к порогу, веретёшком, которое валится с колен.

М. А. Кулакова (колхоз «Аврора») вспомнила «припевки», которые пела молодёжь на масленице, и «качульные», как она их назвала.

Качели, по свидетельствам фольклористов и этнографов, — обычное развлечение (вологодской) молодёжи (см. Иваницкий — «Материалы по этнографии Вологодской губернии», 1890; Б. и Ю. Соколовы — «Сказки и песни Белозерского края», 1915, предисловие).

Частушки создают образ весёлой, беззаботной девушки, с увлечением взлетающей на качелях: «раскачай меня повыше», «не боялась высоты», «на высоких на релях».

Образ одинокой, бездомной кукушки на проклятой осине сопоставляется с образом осиротелой, тоскующей девушки. Наиболее печальна участь сироты или незаконнорождённого ребёнка в условиях старой деревни, его моральная и материальная «неравноправность», узаконенная строем и устоями.

В частушках отразился и протест девушки против одной из тёмных сторон патриархального крестьянского быта — строгого осуждения за свободный выбор ею любимого.

Героиня частушки восстает против обидной и оскорбительной, часто напрасной «славушки», осуждающей её поведение устами «соседушек». Тяжесть напрасной «славы» сравнивается с жердями, наваленными под окнами, количество наговоров выливается в поэтическое сравнение: их много, «ровно инью на лесу», они холодны и враждебны судьбе девушки, как холоден покрытый инеем лес.

Частушки раскрывают тему «строгих родителей», не дающих детям «воли», часто грубо мешающих хорошей, большой любви. Патриархальная семья деспотически подавляла интересы личности. В детях воспитывались покорность, смирение. Всё это порождало и общественную пассивность людей, было социальным злом. Этот вредный пережиток прошлого настолько укоренился в сознании людей, что часто и сейчас ещё ставится в пример молодёжи «похвальное послушание» старых времён. «Вот как боялись раньше родителей», — заметила Е. Ф. Смирнова.

В ряде частушек родителями осуждается «бойкость» девушки, решающее слово принадлежит матери. Родительская непреклонность выражается чрезвычайно действенно, категорически при помощи глаголов: родные осудили, похаяла мать, топнула родимая.

Однако большинство частушек выражает протест против родительского деспотизма.

В некоторых звучит покорность судьбе, горькие упреки родителям. Основной причиной личной трагедии любящих часто выступало материальное, имущественное их неравенство. В условиях нищей деревни этот фактор был решающим для большинства семейств.

Цикл частушек, посвящённых замужеству, тесно связан со свадебным обрядом, с поэзией старинной свадебной игры: девичником — вечером подружек в доме невесты перед свадьбой и обрядом расплетания косы и прощанья с красотой (лентой), символизирующим прощанье с молодостью, девичеством, свободой (см. свадебные песни).

Но далеко не все имели возможность справить свадьбу по обряду с недельной «гульбой», требующей больших расходов. В Вологодской губернии, по свидетельствам Иваницкого и Соколовых (сборники см. выше), был чрезвычайно распространён брак «уводом» — самоходка или самокрутка. Соколовы называют его «бегством с согласия родителей», компромиссом между бедностью и требованиями обряда.

Цикл частушек о семейной жизни посвящён показу того «патриархального ада» (Лафарг — «Свадебные песни и обычаи»), который окружал молодую женщину в новой семье.

Основной приём в этих частушках — противопоставление родного дома и чужих людей. Некоторые из них объединяются зачином «не ходит: девки, замуж», приводятся конкретные примеры печального опыта. Как конкретные враги обычно выступают «неродная мать», т. е. свекровь, и «золвушка».

Одной из самых трагических страниц дореволюционного прошлого В. И. Ленин назвал рекрутчину. Не удивительно, что она становилась темой многих частушек, которые хорошо сохранились в памяти старых людей.

Рекрутские или «некрутские» частушки интересны своим глубоким осмыслением несправедливости строя, нежеланием служить «Николаю-дураку».

НОВАЯ ДЕРЕВНЯ

Частушка — один из активных жанров современного фольклора. Она откликается на все события текущей жизни. Помимо частушек любовного содержания, помещённых в первом разделе, в наши дни в Вологодской области создаётся много частушек о колхозной жизни, её достижениях, недостатках, о советской армии, выборах и т. д.

Частушки об армии и Отечественной войне в основном посвящены темам любви к Родине, разлуки и верности. Они необыкновенно по-

этично раскрывают тему верности. Всё окружающее напоминает де вушке о милом: сад, заросшая тропинка, о нём она говорит с подружкой.

В частушках о Великой Отечественной войне видна большая душевная сила русской женщины, её беспокойство о милом, готовность сменить его в бою, просто и сдержанно рассказывает она о самом трагическом — его смерти.

Многие частушки говорят о колхозных достижениях, новых явлениях в быту деревни, о новых профессиях, новых отношениях между людьми. Они показывают тесную связь судьбы отдельного человека с коллективом, с колхозом, заинтересованность колхозника в общем деле.

В критических частушках нашли отражение такие, к сожалению, ещё имеющиеся в ряде наших колхозов недостатки, как бездеятельность правления, случаи злоупотребления и пьянства, плохая организация труда, недобросовестная работа бригадиров, неполадки в строительстве и культурной работе.

Не все частушки этого цикла совершенны по художественной форме, не все сохраняются, широко распространяются, подхватываются народом. Они имеют, в основном, временное значение, узко местный характер, часто представляют собой лишь использование формы частушки для критики конкретных недостатков. В них сохраняется основная формальная особенность частушки как жанра — четверостишие, состоящее из двух частей с логической законченностью каждой из них. Однако главная их ценность — острота и злободневность содержания, конкретность, помогающая их действенности.

В целом частушки на темы колхозного строительства и критики недостатков свидетельствуют о непрерывной тяге нашего народа к творчеству, о стремлении запечатлеть события современности в поэтической форме.

Примечание:

Частушки, опубликованные в сборнике, записаны:

1. М. Б. Едемским в 1918—1924 годах в Тотемском уезде Вологодской губернии (Архив Гос. Лит. Музея).

2. А. А. Вещрумб в 1920-х годах в Грязовецком и других уездах Вологодской губернии (Архив Гос. Лит. Музея).

3. П. Г. Шириевой в 1941—43 годах в Никольском р-не Вологодской области (Архив Пушкинского дома АН СССР).

4. Участниками ленинградской экспедиции 1950 г. в Пришекснинском, Грязовецком и других районах Вологодской области (Архив Пушкинского дома АН СССР).

5. Участниками экспедиции МГУ 1953 года в Чёбсарском, Пришекснинском и других районах Вологодской области.

6. Участниками экспедиции МГУ 1954 года в Грязовецком районе Вологодской области.

Большая часть частушек, помещённых в сборнике, записана экспедициями МГУ 1953—1954 годов. Об исполнителях частушек смотри вступительную статью.

СЛОВАРЬ МЕСТНЫХ СЛОВ

бабушка	— безделушка, игрушка, гармонь.
ба́ско	— красиво.
беседа	— вечеринка, посиделка.
билько	— белый заяц.

бить дробь, дробить

быль

буявый (ветер)

вёночка

всретёшко, веретено

верей

ветродуй

голобец

девишник

дроля, дroleчка

дуранда

журавы

в забреку пало

забрить

задалась

залётка, залёточка

заноситься

заплетать

заполье (по запольцам)

запоручить

затин

затинные тропиночки

заторить

защепотать

заугольницы

изобихаживать

качуля, качули

клечина

колонуться

колодное окно

корить

коса последний день

красуется

косящатое окно

кросна

кужлеватый

кутюшка

кужелёк

кумаха

ладиться

лазеник

ледеечка

леденица (ничка)

лестить

летошняя

литки

люто

— плясать под гармошку, отбивая ритм ногами, с исполнением частушек.

— былые, злак, зелень, растение.

— буйный, сильный.

— венская гармонь.

— ручное орудие для пряжи в форме точёной деревянной палочки.

— столбы, на которые навешиваются ворота.

— легкомысленный парень.

— подполье.

— вечер девушек в доме невесты перед свадьбой.

— милый, любимый.

— неустоявшееся пиво или брага.

— рычаги для подъема воды из колодца.

— показалось оскорбительным.

— взять в солдаты.

— понравилась, пришлось по душе.

— милый, любимый.

— гордиться, быть высокого мнения о себе.

— плести кружева.

— задняя часть избы.

— обручить, назвать женихом и невестой.

— место, скрытое за огородом.

— скрытые, удалённые, тенистые.

— затараторить быстро.

— захлопать (ладонями).

— кто стоит за углом, лукавит.

— прибирать, убираться.

— качели.

— палка, шестик.

— стукнуться.

— косящатое, с колодами, косяками (Даль).

— попрекать, пенять, ругать, стыдить.

— по свадебному обряду девушке перед венчанием расплели косу (девичью причёску).

— окно с косяками, в отличие от окна волокового.

— ткацкий станок.

— кудрявый.

— курочка.

— моток.

— лихорадка.

— собираться.

— лазейка.

— гололедица, ледяная гора.

— вырубленный из льду каток. Салазки (Даль).

— уговаривать.

— прошлогодняя.

— свадебный могарыч.

— сильно, крепко,

малёнка
манежный
милаша, помилаша
назолушка, назола
напыльник

насподобиться
некрута́
не няло
неповадно́
носсвичок

осотинка
очапы
парняк, парнёк
перевединка, переводича
повёрстаны
подвес, подвесы

поливаны
попрыск
половочка
попрядывает
починок
по щитки
пени
поскотина
похаять
почётник
принаборкалась
природа
в природе
продолечка (река)
расчервончатый
рели

рыбник

самоходка, самокрутка

сдобляться
сибирочка
скаченой
скулился
славушка, слава
соби́нка (костромск.)

собунтили
сочинилась
срядиться
сударушка

— мерка (четверик).
— выезженный по-манежному; манерный.
— милый, любимый.
— досада, огорчение.
— перекладина над устьем печи для сушки дров; колпак над горячей лучиной.
— собраться, принарядиться.
— рекруты.
— не брало.
— непривычно, нехорошо.
— носовой платок.
— сорняк.
— рычаг для поднятия воды из колодца.
— парень, парнишка.
— перекладина, балка.
— соединены.
— подзор, нарядная оборка, украшающая нижнюю часть кровати, обычно с кружевами.
— политы.
— след.
— половица.
— прыгает, скачет.
— выселки, новосёлки.
— по колено.
— упрёки, жалобы.
— выгон для скота.
— поругать, плохо отозваться.
— поклонник.
— понабралась.
— семья, род.
— в семье.
— продольная, прямая и без излучин.
— разукрашенный, нарядный, красивый.
— верёвки или шесты, на которых укреплялись, подвешивались качели.
— пирог с запечённой рыбой (здесь — с дичью).
— брак «уводом», т. е. без соблюдения свадебного обряда, обычно в интересах экономики и с ведома родителей.
— собираться.
— верхняя мужская одежда.
— скатный, круглый.
— ощерился, оскалил зубы.
— молва (здесь — дурная молва).
— присевок, небольшое поле, засеянное на чьё-либо счастье или отданное кому-либо в собь (владение), особенно лён (Даль).
— замутили.
— случилась.
— собраться.
— любимая девушка.

сулится	— обещается.
супротивница	— соперница.
супрядка	— беседа, посиделки.
сусек	— загром, отгороженный ларь в амбаре, житнице, для ссыпки зернового хлеба; чан, кадь для держания зернового хлеба (Даль).
сучиться	— сновать, суетиться.
тальяночка	— итальянская гармонь.
тароватый	— щедрый, разговорчивый, разбитной.
угода	— выгода, прибыль.
урезно (уразно)	— от ушиба, от раны.
чесняковая, чиснякова (березка)	— чистая, свежая, нарядная; чистяк — чистый, опрятный человек; хорошо очищенный лён (Даль).
чиверок	— черевик, башмачок.
чобот	— башмак, черевик.
чучела	— ряжение, переодевание в «маскировочные» костюмы на святки, масляницу и т. д.
ярмолога	— ярмарка.
яфонт	— яхонт.
имать	— ловить, поймать.
вода споняла	— вода снесла.
пустик	— пустырь,
положочек	— полог.

VIII. СБОРНИКИ И СТАТЬИ, УПОМИНАЕМЫЕ В КОММЕНТАРИЯХ

1. Азадовский М. К. Сказки Верхнеленского края. Иркутск. 1925.
2. Акимов Т. М., Степанов П. Д. Сказки Саратовской области. 1937.
3. Александров В. Деревенское веселье в Вологодском уезде. Этнографические материалы. «Современник», СПб. 1864, июль.
4. Афанасьев А. Н. Народные русские сказки, тт. I—II—III. «Academia», 1936—1938.
5. Балов А. О свадебных обычаях в с. Корбанге Кадниковского уезда Вологодской губернии. «Живая старина», 1894, вып. 1.
6. Варенцов В. Г. Сборник песен Самарского края. СПб. 1862.
7. Вильбоа К. 100 песен, записанных с народных напевов. М. 1894.
8. Вологодский сборник, изд. при Вологодском губернском статистическом комитете под ред. Н. А. Полиевктова, т. IV. Вологда, 1885.
9. Голубинцев. Песни донских казаков.
10. Григорьев А. Д. Архангельские былины и исторические песни, т. I, 1904, т. III, 1906.
11. Зеленин Д. К. Великорусские сказки Пермской губернии. II. 1914.
12. Зеленин Д. К. Великорусские сказки Вятской губернии. II. 1915.

13. И в а н и ц к и й Н. А. Материалы по этнографии Вологодской губернии. М. 1890.
14. И с т о м и н Ф. М. и Л я п у н о в С. М. Песни русского народа СПб. 1899.
15. К а р н а у х о в а И. В. Сказки и предания Северного края. Academia, 1935.
16. К и р е е в с к и й П. В. Песни, собранные П. В. Киреевским вып. I. М. 1862—1874.
17. К и р е е в с к и й П. В. Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия, вып. I. М. 1911, вып. II, ч. I. М. 1918, вып. II, ч. II. 1926
18. К о р г у е в М. М. Сказки Карельского Беломорья. 1938.
19. Л и с т о п а д о в. Былевое песенное творчество Дона.
20. Л о п а т и н Н. М. и П р о к у н и н В. П. Сборник русских народных лирических песен. тт. I—II, 1889.
21. М а л е в и н с к и й Ф. Народные песни Тотемского уезда Вологодской губернии, Вологда, 1912.
22. М я к у т и н А. И. Песни оренбургских казаков. Оренбург, 1904—1905.
23. Н о в и к о в а А. М. и О с с о в е ц к и й И. А. Песни и сказки Воронежской области. Воронеж, 1940.
24. О н ч у к о в Н. Е. Печорские былины. СПб. 1904.
25. О н ч у к о в Н. Е. Северные сказки. СПб. 1909.
26. П а л ь ч и к о в Н. Е. Крестьянские песни, записанные в селе Николаевка Мензлинского уезда Уфимской губернии. 1888.
27. Песни Пинежья. Материалы фонограмм-архива, собранные и обработанные Е. В. Гиппиус и Э. В. Эвальд, кн. II. 1937.
28. П и в о в а р о в А. Донские казачьи песни. Новочеркасск, 1885.
29. П р а ч И. Собрание русских народных песен с их голосами. 1790, ч. I.
30. С а д о в н и к о в Д. Н. Сказки и предания Самарского края. СПб. 1884.
31. С е р о в а М. Сборник русских сказок. 1925.
32. С м и р н о в А. М. Сборник великорусских сказок архива Русского Географического Общества, вып. I—II. П. 1917.
33. С о б о л е в с к и й А. И. Великорусские народные песни, тт. I—VII. СПб. 1895—1902.
34. С о к о л о в ы Б. и Ю. Песни и сказки Белозерского края. М. 1915.
35. С о к о л о в Ю. М. Барин и мужик. Academia, 1932.
36. С т у д и т с к и й Ф. Д. Народные песни Вологодской и Олонецкой губерний. 1841.
37. Х у д я к о в И. А. Великорусские сказки, вып. I—III. М. 1860—1863.
38. Ч у л к о в М. Собрание разных песен, ч. III, 1770—1774.
39. Ш е в ы р ь е в С. Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь в 1847 году. М. 1850.
40. Ш е й н П. В. Великорус в своих песнях, обрядах, т. I, вып. 1—2. 1898.
41. Э р л е н в е й ч А. А. Русские сказки, собранные сельскими учителями. М. 1863.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Н. И. Савушкина, С. И. Минц. Народное устное по- этическое творчество Вологодской области	6

СКАЗКИ

1. Петушок да кутюшка	37
2. Теремок вошки и блошки	39
3. Про кашу	40
4. Пыхтилка	41
5—8. Присказки и небылицы	43
9. Кошей Бессмертный	45
10. Хитрая наука	47
11. Про царя и его детей	49
12. Дань царю морскому	53
13. Осинкин удалой	58
14. Матюша Пепельной	62
15. Богатырь	66
16. Мужик и чорт	68
17. Быличка	70
18. Беззаботный монастырь	71
19. Пётр и Меншиков	74
20. Барин и работник	74
21. Барин и слуга	76
22. Про Назарка	78
23. Поп и работник Митрошка	81
24. Как солдат бабу окрестил	84

ПЕСНИ

Исторические песни

25. Собирайтесь-ка, братья...	89
26. Уж ты, матушка Россия...	89
26-а. Поле чистое турецкое...	90
27. Ночи тёмные, тучи грозные...	90
28. Не туман с моря поднялся...	91

Балладные песни

29. Лихая была матушка...	92
30. Он жил-то служил...	93
31. Кто же, кто же постучал?	94
32. Вы, солдатики-улань...	96

Хороводные, игровые и плясовые песни

33. Загону я семь загадок...	98
34. За тынком было за тыночком...	99
35. Бежит билько...	99
36. Летит голубь мимо город...	100
37. Я во сад пошла	100
38. Зайка в сторону скочил...	100
39. О двух концах, о двух концах яблонька	101
40. Не летай высоко и далеко...	102
41. Вы пойдёте-ко, братцы...	102
42. Ты, Иванушка-соколик	103
43. Вдоль по улице молодец идёт	103
44. Не тропинка ли тропится...	104
45. Мимо саду, мимо саду...	104
46. Перепелькино летит, перелётывает...	105
47. Во лужках девки гуляли...	106
48. Во поле елинушка...	107
49. Что я, матушка, да не женат хожу...	108
50. Как по морю...	109
51. Вдоль было по травоньке...	109
52. У бабушки у нашей	111
53. Уж ты, Ванюшка-Иван	111
54. Донские девушки гулевые были...	113
55. Не пора ли, не пора...	113
56. Собирались молодчики	114
57. У моего любимого...	114
58. Уж так ты, мать, моя маменька...	115
59. Всю куделюшку припрядала...	115

60. Я на камешек ступила...	117
61. Ой, ты, луговка ли моя луговая	118
62. Выдавали молодую	118
63. Во поле берёзонька стояла...	119
64. Баба на печи сидела...	120
65. Из-за озера кума в решете плыла...	121
66. Вздумалось Кате в гости в деревеньку...	121
67. Очапы скрипят	122

Песни детские игровые

68. Уточка моховая	124
69. Ой, идём-ка, Машенька...	124
70. У дедушки Трифона...	125
71. Тень, тень, потетень...	125
72. Жил тутو жилец...	126
73. Мне молодчик очень мил	128
74. Что кирилловски колачницы	128

Кадрильные песни

75. Как на тоненький ледок...	128
76. Не глядите, люди добры, на меня...	129
77. Кораблички в море...	130
78. Что ты, миленький, не ходишь...	130
79. Хоть и холодно на улице...	130
80. Что ты, миленький, заносишься собой...	131
81. Что ты, миленький, невесело сидишь...	131
82. Я трепала, белый лён не улежал...	131
83. Ой-да ли на горе...	132
84. Ты, берёза ли, моя берёза...	132
85. Что, подруженька, сидишь	133
86. Что-то пташки-канарейки поют...	133
87. Как у милого у Васеньки...	133
88. Вечер поздно и полоски не дожать...	134
89. Ныне лесу много выгорело...	134
90. За садом лужок...	134
91. Посадила я берёзку...	135
92. Ветер дует в яровое полюшко...	135
93. Заинька по сенечкам...	135
94. Ох ты мнечушки тошнёшенько...	137
95. Бог судья, мои родители...	137
96. Уж как свату перелестнику...	138
97. Приходила сваха сводница...	138
98. Раскачалась вербушка...	139

99. Вы, народ да люди добрые...	139
100. Пропили молодёшеньку...	140
101. Испугалась молода...	140
102. Раскачалась верёюшка...	140
103. Вы, цветы ли, наши цветики...	140
104. Ты не гнишь, не гнишь, половочка...	141
105. Я сижу да призадумалась...	142
106. Вам спасибо-то, подруженьки...	143
107. Тёмны ноченьки притемнились...	144
108. Ты последний раз с нами прощаешься	146
109. Раздайся, народ...	146
110. Не от ветру, не от вихорю...	147
111. Из-за лесу, лесу тёмного...	147
112. Что чоботу, да, сударь, чоботу...	148
113. Побудит меня, молодёшеньку...	148
114. В нашем огороде	149
115. У Ивана-то хоромы высоки...	149
116. Что у месяца рога золоты...	150
117. Уж как Марьюшку-подружку...	150
118. Ельник, березник то ли не дрова...	151
119. Уж вы, бояре, бояре...	151
120. Как на дружке-то кафтан...	152
121. Что не ель да в избу клонится...	153
122. Что не ворон в поле каркает...	153
123. Ай, на нашей на сторонке...	154
124. Где ты, зайныка, был...	154
125. Светит месяц по роще...	155
125-а. Похоронный причёт	156

Лирические песни

126. Заблудилась красавица в лесу...	158
127. Не дуйте-тко, ветрочки...	158
128. Недозрелая-то калинушка...	159
129. Меня отдали, молодёшеньку...	160
130. Не буди-ко, маменька...	160
131. Не по морюшку лебёдушка плывёт...	161
132. Выдал меня батюшка...	161
133. Посидите да посидите, красны девушки...	163
134. Погонила я корову на реку...	163
135. Лучина, моя лучинушка...	164
136. Весел-то я, весел сегодняшний день...	164
137. Комарочки, комары...	165
138. Из лучей, лучей туманчик выпадал...	165

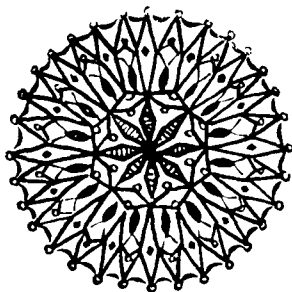
139. Под лесом-лесочком...	166
140. Ах, Танюша, Танюша...	167
141. Стало не с кем попить, погулять...	168
142. На улице дожидчек, во поле туман...	168
143. Не ходил бы, не гулял бы...	169
144. Что за год-от такой...	169
145. Мил за травой во чистом поле...	170
146. Возле речки, возле мостик...	171
146-а. Вечерняя-то заря да потухать стала...	172
147. Вечор был я на почтовом на дворе...	173
148. Молодость ли, ты, моя молодость...	173
149. Не ржавчинка, не осотинка травку съедает...	173
150. За Кубанью за рекой...	174
151. Запой, моё сердечушко...	174
152. Да ночешнюю ноченьку...	175
153. Не у купчика было, не у барина...	176
154. Полно ветру бушеваться...	177
155. Полно нам, ребята...	177
156. Бежит речка по песку...	178

ЧАСТУШКИ

Любовные частушки	181
Старая деревня	206
Новая деревня	221

КОММЕНТАРИИ

Комментарии к сказкам. Составила Н. И. Савушкина	229
Комментарии к песням. Составила С. И. Минц	236
Комментарии к частушкам. Составила Н. И. Савушкина	258
Словарь местных слов	262
Сборники и статьи, упоминаемые в комментариях	265

СКАЗКИ И ПЕСНИ
ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Художник *С. В. Кулаков*
Технический редактор *А. А. Веселовская*
Корректор *С. И. Соколова*

ГЕ08458.

*

Сдано в набор 21. 5. 55 г.
Подписано к печати 24. 8. 55 г.
Бумага $84 \times 108^{1/32} = 4,2$ б., 13,94 п., 16,5 уч.-изд. л.

*

Тираж 10 000. Заказ 2808.
Цена в переплете 7 р. 50 к.

Областная типография,
Вологда, ул. К. Маркса, 70.

*

